

network_literature
sf_fantasy

Кира
Алиевна
Измайлова
<https://coollib.net/a/106701>

Караванная тропа

В жарком южном Адмаре время течет незаметно, в особенности для долгоживущих драконов. Молодой Вейриш и думать забыл о своих приключениях в холодном Арастене, так и не сделавшись частным сыщиком - он слишком ленив для этого. Размеренная жизнь с любимой женой его вполне устраивает... вот только гнетет поручение, данное дядей Гаррешем. Правда, взяться за него никак не выходит, да и не знает Вейриш, с чего начать, как понять, отчего гибнут в полете драконы, причем сплошь женщины? Но в один далеко не прекрасный день, прогуливаясь по базару, Вейриш слышит до боли знакомый голос... Вот только узнаваемое лицо принадлежит не Флоссии Нарен. Впрочем, Вейриш предпочел бы её... Что это? Случайная встреча или судьба?

05/11/2018
ru

samlib.ru
<http://samlib.ru>

samlib.ru
2018-11-05 07:09:22
http://samlib.ru/i/izmajlowa_k_a/sp-3-1.shtml
samlib5be06b352a8ba0.12128472
1.0

Измайлова Кира

Случай из практики. Караванная тропа

1.

Утреннее солнце светило ярко -- не спасали даже ставни. На покрывале, на стенах, на потолке весело плясали золотые пятна. День обещал быть жарким.

Я хотел отодвинуть сладко спавшую Лайшу и встать, чтобы освежиться, как вдруг распахнутая дверь с треском ударилась о стену, а в покои ворвался настоящий ураган.

Ураган этот с разбегу запрыгнул на ложе, пихнул Лайшу в бок и приказал:

-- Лайша! Кыш!

-- Уже ухожу, шодэ... - зевнула та, потянулась, подобрала с пола покрывало и вышла, по-моему, даже не открывая глаз.

-- С добрым утром, - сказал я, когда Аю, свалившись на меня всей тяжестью (хотя что там той тяжести!), потерлась носом о мой нос. - Хорошо, что я уже проснулся, а то ведь так и заикой оставить недолго!

Я много раз просил так не делать, но кто слушал меня в этом доме? Разве что новые наложницы, да и те ровно до тех пор, покуда их не посвящали в негласные правила.

-- Аю соскучилась, - серьезно ответила она и вытянулась у меня под боком. - Эйша долго не было.

Меня зовут Вейриш, но Аю, когда еще не могла толком говорить, произносила мое имя вот так, и я привык. Мне даже нравилось это -- до такого сокращения не додумался никто из моих многочисленных родственников.

-- Дела, - ответил я.

-- Аю помнит, - кивнула она. - Дурные дела.

-- Невеселые, - согласился я и припомнил семейную встречу, на которой меня, мягко говоря, озадачили.

И кто! Дядя Гарреш, от которого я не ждал подвоха... И который, я был уверен, давно убедился в полнейшей моей несостоятельности в том, что касалось хоть сколько-нибудь серьезных дел.

Не так давно он выручил меня из неприятностей, в которые я угодил по собственной неосторожности (и, скажем прямо, глупости), а потому мной владела счастливая уверенность, что дядя считает меня бескрылым юнцом. Но нет, чем-то ему приглянулся именно я...

-- Эйш, не спи! - потормошила меня Аю, и я очнулся.

-- Я не сплю, просто задумался.

-- Всё те же дела? - произнесла она со странной интонацией, и мне показалось, будто в глубине ее темных глаз затрепетал огонек, словно свеча вспыхивала и гасла на ветру.

Аю -- урожденная степнячка, а еще она ашшу. Не колдунья, нет, она ничего не может сделать, но зато способна предсказывать грядущее. У нас тоже бывают предвиденья, но они всегда неопределенны, и истолковать их правильно очень сложно. Так, если бы дядя Гарреш вовремя понял, что сулит ему предчувствие, он, возможно, успел бы спасти если не Араша, своего младшего сына, так хоть невестку и будущего внука! Но увы, он не смог...

Аю видит грядущее -- каким оно станет, если смотреть именно с этой точки, из этого единственного момента. Оно все равно не предопределено, его можно изменить, но она способна сказать, что случится, если ты ничего не станешь менять. Слишком далеко она заглянуть не в состоянии, но и о ближайшем будущем позаботиться стоит.

Ее увезли из родных краев совсем ребенком. Ашшу там на вес золота, и убить ее степняки побоятся, чтобы не навлечь несчастья на свой род, но вот лишить другое семейство такой ценности и забрать себе могут. Ведь предсказательница может предупредить об опасности, подсказать, куда лучше перегонять стада в этом году... Да мало ли! Просто украсть ее -- уже означает лишить другой род преимущества. И даже если она не пожелает предсказывать для нового семейства, ее принудят рожать детей: кто-нибудь из ее потомков тоже может оказаться ашшу.

А иногда складывается так, что украсть-то ашшу можно, а вот оставить ее у себя - слишком опасно. Если обворованный род намного сильнее, он может отомстить и забрать свою собственность назад, вырезав обидчиков под корень. Тогда такие дела поручают людям со стороны, чтобы никто не смог связать похищение с кем-то определенным... А подозрения без доказательств у степняков мало чего стоят.

Впервые я встретил Аю худенькой девочкой-подростком, которая не могла толком говорить: тот, кто выкрал ее из родного становища и продал в рабство, лишил ее языка. Больше она не могла ни произнести пророчество, ни даже сказать, откуда она, из какого рода... Ее родные непременно выкупили ее, даже если ради этого пришлось бы продать в рабство нескольких здоровых мужчин! Те, уверен, с радостью приняли бы такой выбор старейшин, надеясь, что вскоре мудрость ашшу вернет их домой...

Изувечили Аю именно работорговцы -- сами степняки навредить ашшу не решатся. Вдобавок они режут языки под корень, Аю же сохранила способность кое-как лепетать, и понять ее при желании было возможно. Другое дело, что она почти не знала общего наречия, но это уж дело наживное.

Хорошо владеть магией, частенько думал я, глядя, как разглаживаются шрамы на ее лице, а язык понемногу делается прежним. С выбитыми зубами было сложнее, но и с этим я справился. С тех пор, как я взял Аю в жены, она заметно изменилась. Я не говорю -- похорошела, поскольку по местным меркам она вовсе не красива, но мы смотрим не только и не столько на внешнюю оболочку, сколько на тот огонь, что горит в человеке...

У Аю оказались густые и жесткие, как гривы обожаемых ею лошадей черные волосы; отросшие, они падали на плечи непокорной копной. Это только до замужества степнячки коротко стригут волосы, оставляя несколько прядей, а потом отращивают косы. У других народов, я знаю, делают наоборот.

Вот эта самая грива теперь щекотала мне шею, и я повернулся, чтобы нос к носу столкнуться с Аю.

-- Дурные дела? - в очередной повторила она.

Супруга моя уже очень хорошо понимала и общее наречие, и местные языки, но говорила мало. Скорее всего, просто не желала. Так-то я часто заставлял ее с другими женщинами -- те знай трещали каждая на свой лад, Аю внимательно слушала и вроде бы советовала... Во всяком случае, та же Лайша говорила - "шодэ велела сделать то или это", а как Аю могла это сделать, если не словами? Жестом можно послать за водой или угощением, не более того.

А еще я не мог отучить ее говорить о себе в третьем лице -- так принято у нее на родине, и она не собиралась отказываться от этой привычки. Упрямством Аю можно было крушить стены, и понял я это далеко не на первом году семейной жизни, а намного раньше.

-- Они самые, - ответил я. - Что видишь?

-- Плохо, - подумав, ответила она.

Это тоже было проблемой: видеть грядущее Аю видела, но объяснить, что именно должно произойти, могла не всегда. В тот памятный раз я не иначе как чудом понял ее лепет, иначе... Иначе не простил бы себе. А она не простила бы меня за то, что не пришел на выручку ее хозяйке, и не отправилась со мной сюда, на юг...

И если она имеет в виду поручение дяди, то лучше послушать ее. Его история... то ли он прав, то ли нет, концов уже не найдешь, как говаривала бывшая хозяйка Аю, и соваться в это мне совсем не хотелось. Только крылья зря истреплешь.

-- Мне стоит ввязываться или лучше подождать и посмотреть, что будет дальше? - уточнил я на всякий случай. В случае с ашшу лучше формулировать вопрос как можно более точно.

-- Подождать, - после паузы ответила она. - Пока... неясно. Рябь на воде. Туман. Не надо Эйшу лезть, вдруг буря? Надо думать. Искать.

-- Что искать? - безнадежно спросил я.

-- Аю не знает, - покачала она головой. - Просто -- искать, что ищется. И найдется. Или нет. Как Эйш будет искать, так и выйдет.

-- Ладно... - я сел. - Ты уже завтракала?

-- Аю просыпается рано, - с достоинством ответила она. - Эйш хочет есть? Аю прикажет подать!

-- Пока не нужно, - прислушавшись к себе, ответил я. - Я сперва пролечусь до побережья и... Ты что?

Аю схватила меня за руку с недетской силой (а я не мог считать ее взрослой, ей вряд ли сравнялось четырнадцать!), и замотала головой.

-- Эйшу нельзя лететь, - твердо сказала она. - Нельзя. Опасно.

-- Почему?

-- Аю не видит. Эйшу нельзя в небо и нельзя в море. Там смерть.

У меня по спине побежали ледяные мурашки.

-- Как она выглядит? - спросил я, зная, что иногда даже самые странные вопросы находят ответы.

Аю молча развела руками -- только браслеты зазвенели.

-- Аю не видит, - повторила она. - Она повсюду. В небе, в воде. Скоро уйдет.

-- А на земле?

-- На земле ее нет, - прислушавшись к чему-то внутри себя, ответила Аю. - И под землей нет. Я потряс головой. Ничего не понимаю!

-- Приказать нести завтрак, Эйш? - напомнила Аю.

-- Да, прикажи. Но сперва я хочу искупаться...

Аю кивнула и убежала, перед тем снова ласково потеревшись носом о мой нос -- этот жест высшего доверия у них в степи заменяет поцелуи.

Помню, когда я привел ее в свой дом, Аю сильно дичилась и старалась держаться поближе ко мне. А осознав, что она здесь не рабыня, не прислуга, не наложница (коих у меня порядочно), а жена, причем не младшая и даже не старшая, а просто -- единственная, живо навела порядок. Смешно было наблюдать, как могучая Фиридиз, кухарка, оправдывается перед такой соплячкой и безропотно драит котлы и сковороды, показавшиеся Аю чересчур засаленными. Фиридиз ленива, это правда, но готовит настолько волшебным образом, что я готов был простить ей невесть чем заляпанный передник, стоптанные туфли и засаленную головную повязку-тарбан! Я, но не Аю. И месяца не прошло, как кухня засверкала чистотой, а Фиридиз торжественно сожгла во дворе старый тарбан и щеголяла теперь в темно-красном, подаренном от щедрот Аю... Еще бы передник сменила, вовсе бы хорошо вышло!

Купальня еще не была готова, и за нерасторопность слуг ожидал справедливый разнос от Аю. Я бы махнул рукой на такую мелочь и полетел купаться на побережье, но она сказала, что в воздух сегодня лучше не подниматься, и я предпочел внять этому предупреждению. Что же там такое? Почему кого-то гибель настигает над землей, а Аю видит смерть в море? Одни вопросы без ответов!

"Я разберусь в этом, - сказал я самому себе. - Я обещал дяде... Дракон я или нет?"

Мысли мои потекли лениво и плавно, и я чуть было снова не уснул, благо что никто больше ко мне не приставал... Впрочем, это продлилось недолго.

-- Шодан... Шодан! - потормошила меня Алиша, не так давно взятая в дом за красоту и добрый нрав.

Впрочем, меня не спрашивали: Аю указала на эту девушку, я ее и купил.

-- Что еще? - спросил я и проснулся окончательно...

...И понял, что видел сон во сне: никакой Алиши и в помине не было, когда Аю будила меня, прыгая с разбегу на кровать, а супруг Лайши недавно, нижайше кланяясь, пригласил меня на праздник наречения имени очередному внуку.

"Не к добру такие сны", - подумал я и с силой потер лицо руками. Не помешал бы кувшин холодной воды на голову, да только она наверняка успела нагреться -- солнце стояло уже высоко.

Почему мне приснился тот разговор с Аю? Непременно нужно спросить ее, что она сегодня видит в воздухе и на море...

-- Так что случилось? - повторил я вопрос.

-- Там пришли, - был ответ.

-- Скажи, чтобы ушли.

Кого еще принесло? Я никого не приглашал... Впрочем, Алиша тут же вскричала:

-- Да как же можно? Это ведь сам Оталь-шодан с сыновьями, он тебя о чем-то просить хочет!

Сказал, что не уйдет, пока ты его не выслушаешь! Я вот тебя бужу, шодан, а они во дворе на коленях стоят, на самом солнцепеке!

-- Что ж ты сразу-то не сказала? - я вскочил, потому что, похоже, дело было нешуточным. - Подай умыться!

Чтобы далеко не последний торговец в наших краях, владелец нескольких кораблей и двух десятков караванов, глава большого семейства пришел ко мне, сопляку по человеческим меркам, да еще вот так... Должно было случиться что-то неопишное!

-- Я говорила, но ты не слушал, - Алиша вылила мне на голову кувшин холодной воды.

-- А что Аю сказала?

-- Чтобы ты сам разбирался, шодан, потому как это не женское дело, - развела руками Алиша.

О способностях моей жены здесь знали. Фиридиз, конечно же, не могла удержать язык за зубами, и вскоре все соседи были оповещены о том, что Аю-шодэ -- прорицательница, да такая, что другие недостойны даже пыль из-под ее туфель целовать!

Должно быть, это случилось после того, как Аю прямо сказала кухарке -- не ешь сливы, которыми тебя угостил торговец. Но те были так хороши на вид, так славно пахли, так

заманчиво блестели лиловыми боками, будто сами просились в рот... Фиридиз не устояла и очень скоро пожалела об этом. Я и сам мог сказать ей, что нельзя есть фрукты, целый день пролежавшие в корзине под палящим солнцем, как бы соблазнительно они ни выглядели, потому что именно в такие спелые и сочные плоды муха-сосальщица откладывает яйца, из которых уже через несколько часов выводятся личинки, такие маленькие, что их нельзя различить невооруженным глазом. Если животное съест такой плод, личинки поселятся у него внутри, а поскольку не смогут вовремя окуклиться и превратиться в мух, выедят носителя изнутри. Человеку они сильно навредить не могут, он слишком велик, однако приятного в этом мало. Впрочем, если вовремя заметить недомогание и выпить настой коры горького иглолиста, то всё обойдется. Фиридиз скоро поправилась (изрядно похудев при этом), а как только смогла встать на ноги, понесла по всем дворам историю о своем чудесном спасении и о волшебном даре молодой Аю-шодэ...

Советоваться к ней ходили очень редко, и только если не видели другого выхода, и не из-за дороговизны -- денег она за предсказания не брала, к тому же сама могла послать весточку кому-то, о ком ей было видение. Просто попробовали спрашивать о будущем по пустыкам, но быстро прекратили, потому что нрав у Аю... не из легких.

-- Подай напитки, - велел я Алише, быстро одеваясь, - и скажи, чтобы готовили обед.

-- Всё уже готово, шодан, - сказала она. - Аю-шодэ еще вечером сказала, что будут гости.

Я только вздохнул: меня предупредить никому и в голову не пришло! Впрочем, может, и предупреждали, только я так устал, что не обратил на это внимания, упал и уснул...

Оталь, тучный мужчина далеко еще не преклонных лет, в самом деле стоял на коленях посреди нашего двора, смиренно склонив непокрытую голову. Рядом замерли его сыновья, а я вдруг заметил подушечку под коленями почтенного торговца, веер в его руке и развеселился: ждал он со всеми возможными удобствами. Не хватало только столика с прохладительными напитками и фруктами да невольника с опахалом и второго -- с расписным солнечником из полупрозрачной ткани. Еще бы шуудэ с собой привел, чтобы танцевали, разбрасывая цветочные лепестки, и услаждали взор хозяина, покуда тот дожидается беседы со мной, и парочку безголовых, но старательных юнцов с дудками и китарами... Впрочем, в этом случае он рисковал не дожидаться меня до скончания века.

-- Оталь-шодан, - почтительно произнес я, подойдя ближе, - что привело тебя на мой двор в такое время?

-- Вейриш-шодан, - ответил он, едва ли не коснувшись ухоженной черной бородой земли, - я пришел просить о великой милости!

-- Тогда встань и идем со мною в дом, и пусть твои сыновья идут с нами вместе, а слуги отдохнут под деревьями, в тени, - сказал я, и он поднялся, опираясь на руку старшего сына. Младший подал ему тарбан.

Солнце палило нещадно, как всегда в это время года, и я подумал: что же могло заставить почтенного человека явиться ко мне вот так? Приди он с обычной просьбой, я мог бы и не выйти к нему, но когда человек преклоняет колени и обнажает голову, нельзя не выслушать его, не навлекши на себя позор.

-- Вейриш-шодан, - выговорил он, когда мы уселись в благословенной прохладе, и Алиша принесла угощение, - я знаю, ты отмечен богами, как и твоя досточтимая супруга... Потому прошу: помоги найти сына моей сестры!

-- Постой, достопочтенный, я чего-то не понимаю, - нахмурился я. - Как я могу найти человека, если никогда не видел его и даже не знаю имени?

-- Говорят, ты часто бываешь в горах, Вейриш-шодан, - сказал Оталь, вытирая мокрый лоб вышитым рукавом, - быть может, с высоты ты разглядишь следы каравана, который должен был вернуться несколько дней назад, и с которым ушел Ориш?

-- Боюсь, те горы не настолько высоки, - сказал я приличия ради. Думаю, соседи прекрасно знали, кто я таков, но предпочитали держать это знание при себе до поры до времени. - Выходит, твой караван не вернулся в срок?

-- Именно так, Вейриш-шодан. Я считал, сыновья считали... Песчаных бурь не было, гроз не случилось, разбойников возле Адмара давно нет, и караван давно должен был миновать оазис! И я точно знаю, что до того с караваном ничего не случилось, если не считать павшего ишака: на половине дороги сын моей сестры выпустил птицу, и та принесла письмо, - Отал вынул из рукава крохотный футляр. - Вот оно. Всё шло, как должно, но никто не вернулся! Совсем никто,

Вейриш-шодан! А даже если бы пали все животные, люди смогли бы дойти, пускай и бросив груз...

-- Странное дело, - я взял футляр, открыл и вытряхнул на ладонь туго свернутую записку. - Самое обычное письмо, ни о каких тревогах и опасениях твой племянник не пишет... Но почему ты не пошлешь людей навстречу?

-- Я послал человека, но не вернулся и он, - покачал головой Оталь. - Жена моя и сестра думают, что виной всему пустынные духи, но я не верю в их вину. Я верю в тебя, Вейриш-шодан!

-- Благодарю, но... - тут я подумал, что могу показаться страшнее любого духа (их здесь именуют джаннаями), и невольно улыбнулся, хотя веселиться было не с чего. - Оталь-шодан, я постараюсь найти следы твоего каравана. Не обещаю большего, потому что не знаю, что стряслось с ним и в особенности с сыном твоей сестры.

-- Благодарю тебя, - сказал он.

-- Не нужно благодарить вперед сделанного, - поднял я руку. - Мне еще нужно посоветоваться с супругой. Ты знаешь, она видит будущее, но не часто и не по своему желанию, но вдруг сумеет узреть что-нибудь и о твоём караване, Оталь-шодан? Ты оставишь мне это письмо? И, быть может, у тебя найдется какая-то вещь сына твоей сестры?

Он закивал и подал младшему сыну. Тот протянул мне вышитый платок, должно быть, подарок Оришу от какой-нибудь красавицы. А может, от матери или тетки: я слышал, женщины в семье Оталя славятся искусством вышивания.

-- Я ничего не могу тебе обещать, distinguished, - сказал я. - Лишь попытаюсь найти следы каравана.

-- Я слышал тебя, Вейриш-шодан, - кивнул он и с трудом поднялся на ноги. - Мои сыновья свидетели тому. И да хранит тебя Высокое Небо!

Пожелания лучше для дракона и придумать нельзя!

Что до просьбы... Взлечу да посмотрю с высоты, где там этот несчастный караван... Оталь прав

-- ни бурь, ни даже сильного ветра не было, так что вряд ли столько выючных животных и людей замело песком, какие-то следы должны сохраниться.

Вот только Аю приземлила меня буквально одной фразой.

-- Нельзя лететь, - сказала она, стоило мне проводить гостей и вернуться во внутренний дворик.

-- Доброе утро, - ответил я и потянулся поцеловать ее.

-- Вообще не доброе, - без твоей улыбки отозвалась Аю, ткнувшись носом в мой нос.

Казалось бы, за столько лет пора привыкнуть к ее манере разговаривать, но, должно быть, я из тех дураков, что не учатся на своих ошибках. Так говорит дядя Гарреш, а он редко ошибается.

-- Что же в нем дурного, если не считать визита этого достойного торговца?

Аю молча развела руками и налила мне обжигающего,пряного, горького ойфа. К нему полагалась вазочка со льдом (который я же и принес с горной вершины), и я почувствовал себя на вершине блаженства.

-- Мне сон был, - сказал я.

-- Аю знает, - ответила она и посмотрела на меня в упор. В ее раскосых темных глазах ничего не читалось. - Потому и говорит -- нельзя лететь.

-- Всё как в тот раз? Смерть в небесах и в море? И ты не видишь, что это такое?

Аю кивнула, подвинула к себе блюдо с орехами и принялась их чистить. Ну как чистить...

давить скорлупу пальцами. На это не всякий мужчина способен, а она так баловалась много лет. Подозреваю, в детстве Аю тренировалась не на орехах...

-- Оно рядом, - сказала она наконец. - За спиной у Эйша. Как его крылья, только больше.

Иногда его нет совсем. Подолгу нет.

-- И как часто оно появляется? - насторожился я.

-- Эйш не помнит, сколько раз Аю говорила ему не летать?

-- Нет, - признался я. - А ты?

-- Аю тогда не умела считать, - улыбнулась она. - Неважно. Этого не было уже шесть зим. До того оно появлялось чаще. Но теперь оно вернулось, и оно сильное. Сильнее, чем было. Может, кого-то съело.

-- Может, и съело... - согласился я.

Вестей от дяди давно не было -- он снова отправился в далекое путешествие, а кроме него, никто не снабжал меня новостями о творящемся в нашем семействе. По правде сказать, я сам не

слишком-то желал общения что со старшим поколением, что с ровесниками... Очевидно, жить отшельником не всегда выгодно.

-- Почему ты не говорила мне об этом прежде?

-- Я говорила. Что нельзя летать.

-- Да нет же! Об этом вот, которое за спиной!

-- Аю не видела, - помолчав, ответила она. - Оно было почти неразлично. Меньше и слабее тени Эйша на воде. Теперь стало большим. Его хорошо видно.

-- Ты хочешь сказать, это произошло внезапно? - уточнил я, и она кивнула.

Что же случилось в последнее время? Ничего не приходило на ум...

-- А о пропавшем караване ты ничего сказать не можешь? - спросил я.

Аю молча покачала головой, подумала, потом сказала все-таки:

-- Песок в глазах. Не вижу.

Раз так, то сегодня нет смысла отправляться на поиски, обещал я или нет. Впрочем, послушать, о чем говорят кругом, не помешает, а делать это лучше всего на базаре. На земле мне вроде бы ничто не грозит, поэтому...

-- Поедешь со мной? Сегодня должны были пристать корабли с севера, торговцы наверняка привезли много всякой всячины!

-- Нет, - сказала Аю и улыбнулась.

Когда она была моложе, то всегда ездила со мной: снять Аю с коня было попросту невозможно. Дома она привыкла совсем к другим, а здесь, увидев горбоносых сухоногих красавцев, сперва замерла от восторга, а потом не могла отойти от них, даже ночевала на конюшне (к вящему ужасу Фиридиз и прочих слуг). Впрочем, маленьких рабочих лошадок с короткими крепкими ножками, широкими спинами и мохнатыми гривами Аю любила не меньше, и даже ишакам и мулам перепала толика ее любви.

Тогда, много лет назад, я брал ее с собой, одев мальчиком. Закрытым лицом здесь никого не удивишь, неважно, мужчина это или женщина, и если на Аю и таращились, так разве что поражаясь: до чего ловко тощенький мальчишка управляет с горячим жеребцом!

Впрочем, Аю и сейчас сошла бы за подростка: росточка она осталась небольшого, лишь немного вытянулась и обзавелась едва заметными округлостями в положенных местах. В местной одежде, повторюсь, от мальчика ее не отличить, и обычно она с большой охотой сопровождает меня куда угодно, но... Если не пожелала, значит, скорее всего, снова что-то увидела. Вот только мне не скажет из каких-то своих загадочных соображений. Ну что ж, не первой...

-- Привезти тебе что-нибудь? - спросил я.

-- Не нужно. Но если Эйш увидит хорошую женщину, пускай берет.

-- Я и не сомневался, что ты так скажешь... - пробормотал я.

Куда девать наложниц -- серьезная проблема. Не торговать же ими? Мне столько не нужно!

Аю с ними обходилась, как исправный арастенский сержант с новобранцами (я видел такого во время путешествия на север), не позволяла лениться и ссориться. Это пошло еще с тех давних пор, когда сама она по молодости лет не могла разделить со мной ложе, но зато была вполне в состоянии проконтролировать, как ведут себя мои шуудэ, "девушки для удовольствия".

Как я позже выяснил, Аю сперва заставила их навести порядок в покоях и выстирать наряды, пригрозив, что если они и дальше будут докучать шодану своими склоками, то отправятся напрямик к прачкам, каковыми и останутся до конца дней своих. Ну и еще пообещала отрезать языки особенно злословным. И продемонстрировав свой, тогда еще не пришедший в порядок, а заодно кухонный тесак. Это подействовало, и в моем цветнике царила отныне тишь да гладь...

А по округе ходило присловье: хочешь взять красивую добрую жену без надоедливой родни, езжай и поклонись Вейришу-шодану. Если понравится ему, он тебе покажет девушек -- выбирай. Только не обессуди, если ты не придешься по сердцу избраннице, а тем более -- супруге Вейриша-шодана: её бесполезно уговаривать, а богатые дары она прикажет забрать назад, а станешь надоедать -- выбросит за ворота. И скажи спасибо, если только дары, а не самого... Придется уезжать ни с чем! Однако многим везло. Клянусь, я всякий раз старался уладить дело ко всеобщему удовольствию, потому что содержать столько шуудэ было... не то чтобы не по карману, но просто утомительно. Всё равно как жить на постоялом дворе, право слово: какое-то время это можно выдержать, но не постоянно же...

"Прекрасная карьера, - сказал мне дядя Гарреш, услышав об этом. - Ты так молод, а уже сделался записной свахой! Или это называется иначе? Не знаю, право, не силен в местной терминологии".

Увы, тогда не нашелся с ответом, да и теперь вряд ли придумаю что-нибудь достойное.

Очевидно, и впрямь слишком молод: покорять вершины дядюшкиного красноречия и пучины суесловия мне придется еще не один век...

Впрочем, это ерунда. Главное, я добился своего: теперь у меня одновременно жило не более шести шуудэ! По-моему, сама Аю стала относиться к выбору девушек куда более серьезно: прежде стремилась скупить всех подряд, а теперь подолгу прислушивалась к себе, выискивая ту, чья звезда еще может вспыхнуть на небосводе, пускай даже он будет виден в окошко маленькой хижинки.

"Как там продвигается освобождение женщин Юга?" - ядовито спрашивал дядюшка Гарреш при встрече, а я только вздыхал. За свободную девушку (неужто я стал бы перепродавать рабынь!) полагался выкуп, только не многие могли его себе позволить. Учитывая, сколько я тратил на содержание шуудэ, подарки им и прочие мелочи, я оставался сильно внакладе.

Я бы и вовсе отказался от этого, когда Аю вошла в возраст, но она же мне и не позволила.

Наверно, слышала, как горько рыдают шуудэ, услышавшие, что хозяин взял жену. Они-то плакали по обычаю, да еще потому, что не представляли, чего ожидать от странной девочки, как она с ними обойдется, но Аю этого не знала. Может, и к лучшему...

-- Эйш опять уснул? - спросила она и бросила в меня подтаявшей льдинкой. Угодила точно за воротник, к слову.

-- Что? Нет, задумался просто, - отозвался я, вскочив и развязав пояс: нужно было вытряхнуть ледышку.

Конечно, по жаре она быстро растает, а мокрое пятно на одежде высохнет, но мне не нравилось это ощущение льда у кожи. Я однажды полежал на снегу, мне вполне хватило...

-- Аю прикажет седлать коня.

Это не было вопросом. Наверно, реши я отказаться от прогулки, меня выпнули бы за ворота поместья силой! Всё-таки жить с ашшу -- сложное испытание. Недаром в степи на них никто и никогда не женится в привычном нашем понимании. Они сами выбирают, с кем быть и от кого рожать детей. И правильно -- им видней... во всех смыслах слова.

Когда я выехал на улицы Адмара, солнце уже стояло в зените. Двое слуг следовали за мной -- просто дань обычаю, появляться в одиночку уважаемому человеку неприлично, - и я краем глаза видел, как они утирают потные лица. Мне не было жарко, наоборот, хотелось взлететь к самому солнцу, разогреть крылья до белого жара, а потом упасть камнем в море, чтобы пар взвился столбом... Но нет, нельзя. Не рискну. Аю еще ни разу не ошибалась в своем предвидении, и я не хотел проверять, повезет ли мне обмануть судьбу...

Я придержал жеребца: узкую улочку перебегала стайка ребятишек лет пяти или младше, босоногих, в живописных лохмотьях, перемазанных ягодами -- красными, густо-лиловыми...

Веселые крики звучали, словно птичьи голоса, мелькали белозубые улыбки, худые руки и ноги -- золотисто-коричневые, бронзовые, медно-красные, иссиня-черные...

Они промчались, а я лишь вздохнул.

У нас с Аю детей не было.

2.

Оставив лошадей на попечение одного из слуг, я в сопровождении второго двинулся по базару, раскланиваясь со знакомыми.

Многим, особенно чужестранцам, не нравится этот пестрый круговорот, этот шум и гам, гортанные и слишком высокие крики, цветистая ругань и порой драки... Я, однако, бывал на севере и готов заявить со всей ответственностью: тамошние рынки отличаются от наших разве что чуть большей сдержанностью нравов. Точно таких же голосистых торговков я встречал в Арастене, а еще мне однажды чуть не намяли бока, приняв золотую монету адмарской чеканки за фальшивую. Я отбился, конечно, но впечатлений мне хватило надолго...

Я миновал невольничьи ряды (ничего интересного там не встретилось, так на что же намекала Аю?) и повернул к причалам, посмотреть на корабли. Мне больше нравилось разглядывать их с высоты полета, спрятавшись в облаках или зайдя против солнца и поражаясь искусству, с каким

люди вели эти скорлупки наперекор воле ветра и волн... Но не сегодня. Тем более, царил штиль, хотя вчера и позавчера с моря задувал сильный ровный ветер. Теперь корабли могли выйти из тесной гавани разве что на веслах. Ну а те, у которых весла не были предусмотрены конструкцией, - на буксире. Но что им делать в открытом море в штиль? Ждать, пока течение прибьет к берегу, да не к дружелобному адмарскому, а дальше к югу, где обитают дикие племена, за кусок дерева и какую-нибудь побрякушку готовые съесть чужеземца? Лучше уж переждать затишье в порту.

Вблизи корабли напоминали мне чашек: стремительные, изящные в полете, на берегу они выглядят куда хуже. Да и запах...

С этой мыслью я поспешил миновать невольничью галеру, но тут же остановился, услышав с кормовой надстройки громкое:

-- То есть как это -- ты не намерен мне платить?

В ответ донеслось что-то неразборчивое, и борец за свои права еще повысил голос:

-- Уважаемый! Я пока не знаю, как здесь у вас принято вести дела, но не забывай, что если бы не мои усилия, твоя лоханка так и болталась бы в открытом море! Что? Добрались бы до берега? Ну конечно, ты убедил себя, что эти живые скелеты, которые по недоразумению именуются гребцами, сумели бы совершить невозможное! Твоя галера сидит в воде по самую палубу, трюмы набиты до отказа, и ты еще будешь мне говорить... Что? Да, представь, я разбираюсь в мореходстве! Или ты хочешь сказать, что я... Ах, это было божественное вмешательство! Понятно...

Я остановился и пригляделся против солнца. Мне видна была только коротенькая круглая фигура в большом тарбане-- должно быть, хозяин судна, - и еще одна, высокая, широкоплечая.

-- Что? Прости, я не расслышала! - зазвенело таким знакомым тоном, что я, право, невольно вздрогнул. - Это я тебе должна доплатить? За что, скажи на милость?

-- Госпожа заняла мою каюту, - расслышал я наконец голос капитана, - и я вынужден был делить ложе с помощником!

-- О ужас, - насмешливо ответила ему женщина. - Надеюсь, вам обоим понравилось... Потому что мне -- нет!

-- Госпожа!..

-- Твоя каюта никак не тянет на капитанскую, - отрезала она. - Тесная, душная, щели толком не проконопачены... Когда галера идет носом к волне, изо всех дыр так и льет! Скажи своим работникам -- еще пары штормов эта посудина может и не пережить.

-- Это лучшая пакля...

-- Это вообще не пакля, - перебила она и наклонилась к капитану. Жаль, я не мог рассмотреть сцену поближе, зрелище должно было быть уморительным. - Не знаю, где ты ее покупал, но послушай человека, который вырос на корабле: тебя обманули. Думаю, расспросы нужно начинать с помощника... Впрочем, это вопрос далеко не первостепенной важности, и мы отвлеклись. Ты, кажется, намекал, будто я тебе что-то должна?

-- Да, госпожа, - набычился толстячок. - На берегу мы договаривались: за проезд до Адмара, за отдельную каюту, за еду и воду, за ваш багаж. Потом вы заняли мою каюту вместо пассажирской, съели и выпили больше меня, и... и теперь вообще не желаете платить!

-- Я сейчас на пальцах объясню, почему не желаю, - женщина показала ему указательный палец. - Отдельная пассажирская каюта похожа на крысоловку, и даже твоя личная немногим лучше.

Посмотри на меня, уважаемый! По-твоему, я могла находиться там, не скрючившись в три погребели? А ты, к слову, видели меня, когда мы ударили по рукам, и прекрасно понимал, как именно я буду чувствовать себя в этой душегубке, с моим-то ростом! Тебе хотелось посмеяться надо мной? И как, удалось?.. Это первое.

-- Но...

-- Второе, - не дала она договорить. - Еда. О, эта пища богов! Если бы они ее отведали, то низвергли бы ваше корыто в пучину вод, а печень кока отдали бы на растерзание морским гадам! Мое счастье, что я приучена не отправляться в дальний путь без собственных припасов, иначе мне пришлось бы ловить летучих рыб и утолять голод их костлявой плотью!

-- Госпожа...

-- Про воду даже не упоминай, - сказала незнакомка. - Она протухла еще до того, как я взшла на борт. Кому, спрашивается, ты обязан тем, что на корабле не случилось никакой болезни?

Молчишь, уважаемый? Вот и молчи дальше, я дошла только до третьего пункта! Нас еще ждет багаж!

-- Он в целости и сохранности! - возопил капитан. По-моему, он уже не чаял избавиться от пассажирки. - И вы получите его, госпожа, как только расплатитесь!

-- Неужели? - женщина наклонила голову, и на солнце сверкнул ярко-алый платок, лихо повязанный на манер пустынных жителей -- бадарзинов. Узелок только был неправильный, но в чем именно, я разглядеть не успел. - На этом дырявом тазу нет ни единого сухого места! Промокли все мои вещи, книги... Ты знаешь, что такое книги? Ах да, я же видела у тебя судовую роль и что-то наподобие учетного листа. Прекрасно!

-- Госпожа...

-- Эти книги стоят дороже, чем вся твоя галера с гребцами вместе! Себя тоже можешь присчитать, за такого работягу дорого не дадут...

Капитан жалобно пискнул, явно протестуя против этакой несправедливости, но ему не дали вставить ни слова:

-- Я еще раз напоминаю о попутном ветре, который оказался тебе случайным, но без которого мы еще долго болтались бы вдоль берега по воле течения! Не желаешь ли доплатить мне за ущерб и за работу, выполнять которую я не нанималась?

-- Но вы сделали это ради собственного удобства, госпожа, чтобы скорее попасть в порт!

-- А сундуки я тоже сама намочила?

Женщина снова встала во весь рост, уперла руки в бока, и этот силуэт, поворот головы, а главное, профиль показались мне настолько знакомыми, что я не удержался и окликнул:

-- Госпожа Нарен!

Она развернулась, нашла меня взглядом в толпе и перегнулась через фальшборт. Судя по всему, перед лицом капитана оказался ее... гм... тыл, обтянутый мужскими штанами, потому что он поспешил отвернуться, прикрыл лицо и принялся делать жесты, призванные отогнать злых духов. Сам, однако, всюду пялился на женщину сквозь щелочку между пальцев.

-- Вы угадали, - сказала она, смерив меня взглядом, - но я не возьму в толк, откуда вы меня знаете? Я вас прежде точно не встречала!

Я присмотрелся лучше и опешил: это действительно была госпожа Нарен, вот только... не та!

Лицо очень похоже, но черты немного отличаются. Глаза больше... и веселее, что ли? Губы очерчены чуть мягче, не складываются в презрительную гримасу или жесткую линию.

Подбородок такой же упрямый, но с задорной ямочкой. Прическа похожа, но надо лбом из-под платка выбиваются выющиеся черные пряди. Фигура такая же: по-мужски широкие плечи, изрядный рост, только в данном случае природа все-таки расщедрилась не только на прямые углы, но и на небольшие округлости. И в целом...

Это была ранняя копия Флоссии Нарен. Вывод мог быть только один.

-- Я знал вашу матушку, - выговорил я.

-- Не вижу в этом ничего удивительного, - заверила она. - Кто ее только не знал... Если вас не затруднит, обождите буквально полчаса -- я заберу свой багаж и с удовольствием предамся воспоминаниям о маме! Особенно, если вы покажете, где здесь продают ойф... То, чем поили на этой посудине, можно заливать преступникам в глотки вместо расплавленного свинца! Это не ойф, а надругательство над благородным напитком!

-- Госпожа, а что все-таки случилось? - перебил я. Мне сделалось до того интересно, что я даже поднялся по сходням, сделав слуге знак ждать на причале.

-- Суцья ерунда. Не сошлись в вопросах оплаты, но спор наш вряд ли затянется надолго, - сверкнула она улыбкой и вновь повернулась к капитану.

Тот, заметив меня, умоляюще сложил руки у сердца. Надеялся, бедолага, что я выручу его...

Впрочем, это ведь несложно!

"Соглашайся, - показал я ему жестами, - я заплачу после".

Мне можно верить на слово, это все знали, и капитан широко улыбнулся.

Рано он обрадовался.

-- Прекрасный рыцарь, - сказала мне госпожа Нарен-младшая, обернувшись через плечо, - я ценю ваше участие, но извольте не встречать. Это невежливо, в конце концов!

-- Я вовсе не...

-- Вы -- да, - отрезала она. - Вы сигналили этому проходимцу. Очевидно, намекали, чтобы он согласился на мои условия, а вы разберетесь позже... Увы, так дело не пойдет. Ваше знакомство

с моей мамой не дает вам права вмешиваться в мои личные торгово-денежные отношения с этим отпрыском народа жуликов и обманщиков!

-- Как вы догадались, что я подавал знаки? - только и смог я спросить. - Вы же стояли спиной!

-- О, очень просто, - ответила она без тени улыбки. - У всех магов на затылке, на спине, даже на пояснице и ниже есть особые чувствительные точки. Как иначе, по-вашему, нам следить за тылом? Зеркало с собой носить, что ли?

Должно быть, лицо мое приобрело настолько красноречивое выражение, что она не выдержала и расхохоталась:

-- Я вашу тень на палубе вижу! И немного -- отражение в побрякушках на груди этого ничтожного водохлеба, смеющего именовать себя мореходом!

Она помолчала и добавила:

-- Даже если бы я ничего не увидела, всё равно бы догадалась. Он смотрит на вас, как на местное божество, следовательно, вы располагаете властью и, главное, средствами. Из любопытства вы вполне можете уладить дело, чтобы потом вернуть этому проходимцу скромную сумму, которую он буквально выдирает когтями из глотки одинокой беззащитной чужестранки!

-- Беззащитной, значит? - уточнил я. - Вы точно дочь госпожи Флоссии Нарен?

-- Нет, прикидываюсь, чтобы ввести вас в заблуждение, - фыркнула она и вновь обратилась к капитану. - Я могу, наконец, получить мой багаж, о любезнейший из водоплавающих?

-- Да, госпожа, - произнес он, покосившись на меня. Надеюсь, я подмигивал не слишком заметно, и госпожа Нарен-младшая этого не увидела. - Конечно, госпожа. Прикажете позвать носильщиков?

-- Мой слуга позовет, - опередил я очередную тираду, и жестом велел ему подойти.

-- Удачного плавания, - улыбнулась она капитану и, по-моему, что-то начертила каблуком на палубе. - Два шторма. Не больше.

Он изменился в лице, что-то заговорил, но госпожа Нарен уже шествовала вниз по сходням, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за нею.

-- Вы его прокляли? - негромко спросил я, когда мы очутились на твердой земле.

-- Как вы могли такое обо мне подумать? - деланно возмутилась она. - Что за нелепые намеки и странные подозрения?

-- Вы что-то сделали, - сказал я. - Не знаю, что именно, но почувствовал -- магией потянуло.

Странной, незнакомой. Не припоминаю подобного у вашей матушки.

-- Это вы недостаточно близко с ней знакомы, - заверила женщина. - К тому же мама не очень-то любит работать на публику... ну, за редким исключением.

-- А вы, значит, любите?

-- Это мой образ жизни... И скажите своему слуге, чтобы он велел поаккуратнее обращаться с большим сундуком! - перебила она сама себя. - Иначе я сама скажу, и не уверена, что мои слова понравятся этому несчастному!

-- Он вас не поймет, - посмеиваясь, произнес я и указал слуге на сундук, который с огромной натугой волочил на спине могучий чернокожий носильщик. - Мы же на арастенском говорим. Капитан его знает, а эти...

-- Во-первых, - с достоинством произнесла она, - кто вам сказал, что я не знаю местных наречий? Было бы крайне глупо с моей стороны отправляться в далекое странствие, не зная языка и даже не захватив с собой надежного толмача... Ну а поскольку я не люблю таскать с собой лишний багаж... я о толмаче, разумеется, не коситесь так на сундуки, в них лишь самое необходимое! Так вот, проще самой выучить язык, чем полагаться невесть на кого. Во-вторых, милейший, почему вы думаете, что я не сумею объясниться жестами?

-- Гхм... - это всё, что мне удалось выдать в ответ на ее тираду. - Так что с галерой? Вы ее прокляли или нет?

-- Была охота силы тратить... Просто больше двух средних штормов это корыто и впрямь не выдержит. Может, если этот жадный тип перепугается, то хоть велит щели законопатить, как думаете? Самого-то, если потонет, не особенно жалко, а вот гребцы... - она вздохнула. - Не выплывут.

Я молча кивнул. Какое уж тут выплыть, если прикован к скамье...

-- А теперь давайте знакомиться по-настоящему, - перебила госпожа Нарен мои мысли. -

Спорим, я угадаю, кто вы?

-- Да неужели? - невольно улынулся я.

-- Так поспорим? - повторила она.

-- На что?

-- На желание, конечно же!

-- Исполнимое, - дополнил я, чувствуя какой-то подвох.

-- Ну... исполнимость желаний зависит от желания исполняющего, уж простите за грубую игру слов, - широко улынулась она, и в темно-карих, почти черных, цвета крепкого ойфа глазах сверкнули золотистые искры.

Как я мог принять ее за мать? У старшей госпожи Нарен внутри горело совершенно иное пламя, не настолько ровное и яркое. И, к слову, вряд ли более сильное...

-- Ну что, по рукам? - перебила она мои мысли. -

-- Пожалуй, - согласился я, протянул руку и почувствовал не по-женски сильное пожатие. - Кто же я такой, по-вашему?

-- Ваше имя -- Вейриш, вы дракон и племянник Гарреша, - весело ответила она, оценила выражение моего лица и добавила: - И, думаю, вы женаты на Аю, если она еще жива. Должна быть жива, она ведь немногим старше меня, а рядом с драконами люди живут дольше, верно?

-- Тише вы! - шикнул я и взял ее под руку. - Как вы это... Вы знали, что я живу в Адмаре и нарочно приплыли сюда? Дядя меня выдал?

-- Нет. Я никогда не видела вашего дядю. Просто... это как сложить два и два.

-- Неужели?

-- Честное слово! Я с детства слышала рассказы о драконах. Мама точно вас описала, у нее отменная память на детали. Жаль, рисовать не умеет -- пригодилось бы! Зато меня заставила выучиться... Так вот, она знала от Гарреша, что вы увезли Аю куда-то на юг, - госпожа Нарен шагала широко, вровень со мной, а на ходу ухитрялась поддавать камешки носками кованых сапог, слишком тяжелых для нашей жары. - И вот я прибываю в этот порт... можно было выбрать и другой корабль, и другое место, но я, знаете ли, очень торопилась, а ничего получше не подвернулось. И вдруг какой-то незнакомец, по виду мой ровесник, причем явно не местный -- уж простите, Вейриш, но русые волосы и зеленые глаза для них не характерны, - определенно узнает меня в лицо и называет по фамилии! Мы с мамой очень похожи внешне... и что, по-вашему, после этого сложно сделать вывод?

-- И правда, не сложно, - согласился я. - Видимо, у вас это семейное.

-- Еще бы, - серьезно ответила она, остановилась и снова протянула мне свободную руку. - Я-то не представилась... Независимый судебный маг Фергия Нарен в поисках временного пристанища -- к вашим услугам!

-- Что это означает? - осторожно спросил я.

-- Независимый судебный маг? Вы не знаете? Я вам сейчас объясню!

-- Нет! Об этом я осведомлен даже слишком хорошо... - я невольно потер то место, в которое когда-то воткнулась арбалетная стрела с заклятьем на острие. - Я о поисках пристанища. Вас что, из дома выгнали?

-- Один -- один, - пресерьезно сказала Фергия. - Ну... почти. Меня не выгнали, я была вынуждена исчезнуть как можно скорее в самом неизвестном из неизвестных направлений. Надеюсь, мне удалось достаточно хорошо запутать след...

-- Что же вы такое натворили? - не удержался я от вопроса.

-- Это слишком страшно, - искренне ответила она. - Я не могу поведать вам о подобном, чтобы не подвергнуть опасности вас, ваших близких и всё южное побережье. Просто поверьте: мне лучше не показываться дома в ближайшие... лет сто. Впрочем, я и не собиралась там оставаться: Арастен слишком тесен для нас с мамой! Кроме того, есть ведь другие судебные маги есть, и было бы некрасиво отбирать у них скромный заработок, не правда ли?

-- Да неужели... Кто-то выжил и даже держит практику?

-- Не может же мама заниматься всякой ерундой, - фыркнула Фергия, поправила красный платок и показала неприличный жест торговцу, который свистнул ей вслед.

Зря, жест был арастенским, и торговец вряд ли его понял. Хотя, может, на том и строился расчет?

-- К тому же, скучно там, - продолжила она. - Всё одно и то же, и у соседей... На севере получше, но там меня станут искать в первую очередь.

-- То есть вы полагаете, что вас станут разыскивать? - уточнил я.

-- Не сразу, - туманно ответила Фергия. - Но рано или поздно начнут. Так или иначе, на севере и без меня ведьм хватает, а ремесло моё не востребовано. На востоке еще скучнее, чем в Арастене, а значит, мне оставались запад и юг. Поэтому я и отправилась на первом попавшемся корабле куда глаза глядят и ветер несет!

-- Вас так могло на Западный архипелаг занести, - любезно заметил я.

-- О, это в планах, - заверила она и улыбнулась еще шире. - Я бы и рада улетучиться именно в том направлении, но не подвернулось ни одного подходящего судна, а ждать было некогда. С другой стороны, посудите сами, как удивительно свела нас судьба посреди шумного порта!

-- Аю подсказала... - пробормотал я и ужаснулся. Так она вот эту встречу имела в виду?! Не могла предупредить?..

-- Еще лучше, - Фергия огляделась и добавила: - Вы меня чрезвычайно обяжете, Вейриш, если покажете, где здесь селят, кормят и... да, моют. Пахнет от меня отнюдь не розами, а я все-таки молодая женщина, а не грузчик!

-- Думаю, - сказал я, понимая, что загоняю себя в ловушку, - Аю смертельно обидится, если я не приглашу вас в наше скромное жилище.

-- Замечательно! - искренне сказала она.

"На это я и рассчитывала", - читалось в ее глазах.

3.

-- Скажите, Вейриш, - спросила Фергия, услышав, что мы направляемся в мое поместье, - а пруд у вас есть? Или хотя бы фонтан?

-- Зачем? - не понял я.

-- Отдыхать под сенью струй, зачем же еще? - вздохнула она, но всё же снизошла до пояснения:

- Я, Вейриш, треть жизни провела на севере. Из этой трети жизни я в лучшем случае одну пятую времени оставалась на суше. Понимаете?

-- Привыкли к морю?

-- Ну да. Здесь оно тоже есть, но, подозреваю, хотя бы до бухточек или заливов, где можно искупаться, не вляпавшись в какую-нибудь портовую дрянь, отсюда далековато.

-- Отчего же, я знаю такие местечки, сам люблю окунуться, - ответил я, потом сообразил, что я-то туда летаю и согласился: - Они и впрямь не слишком близко.

-- Печально, - вздохнула Фергия. - Что ж, придется привыкать...

-- Если вы так любите воду, может, вам лучше было сделаться заклинательницей ветров или... - я развел руками, не зная наименований для таких специалистов.

-- Нет, погодная магия -- не для меня, - тут же сказала она. - Тем более, обычным магам-погодникам со мной не тягаться, неинтересно. А северным ведьмам я сама в подметки не гожусь. Уметь-то я кое-что умею, мне достаточно, но это явно не дело всей моей жизни.

-- Я мог бы не сомневаться в том, что вы пошли по стопам матушки...

-- Даже если бы я захотела свернуть, меня моментально вернули бы на путь истинный. Я не жалею! - не дала мне Фергия открыть рот. - Именно наше ремесло -- самое интересное, и в нем всяким умениям найдется применение...

-- Только в Адмаре нет судебных магов, - любезно заметил я.

-- Прекрасно, - пожала она плечами. Жест был в точности такой, как у госпожи Нарен. - Значит, я буду единственной! Без конкуренции, конечно, немного скучно, но со временем коллеги появятся, как вы полагаете?

-- Не появятся.

-- Что, здесь настолько плохо с магами?

-- Нет, с магами здесь всё как раз замечательно, - заверил я. - Их предостаточно, на любой вкус и кошелек. Я имел в виду: ваша Коллегия здесь не имеет особой власти.

-- Так это же замечательно! Вы не представляете, насколько занудны ее действительные члены! Особенно мои ровесники, - добавила она. - Даже удивительно: обычно подобного ожидаешь от замшелых стариков, а не юнцов, ан поди ж ты!

-- Фергия, можно, я закончу мысль? - попросил я, и она кивнула.

Кажется, я начал понимать, за что госпожа Нарен выставила дочь из дома. Нет, вряд ли за одну лишь чрезмерную говорливость, но это наверняка было не последним пунктом в списке прегрешений Фергии.

-- Я начал с того, что Коллегия не имеет здесь большого влияния, - повторил я. - А о том, чтобы позволить магам, да еще независимым, вести расследования и тем более выносить какие-то решения, чем, помнится, частенько занималась ваша матушка, и речи быть не может.

Адмарские сыщики прибегают к услугам магов, колдунов, даже прорицателей и гадателей, но не более того. А еще... Вы женщина.

-- Да, я определенно не мужчина, - согласилась Фергия. - Вы только что заметили?

-- Я не к тому... - мне захотелось схватиться за голову. - Будь вы хоть сильнее всех придворных магов, вместе взятых, вас не то что не наймут даже для розыска пропавшей булавки, а и слушать не станут!

-- Почему?

-- Я же сказал -- вы женщина! Это... - отчаявшись объяснить, я указал на окружающий нас пестрый базар. - Оглядитесь. Вы видите женщин, свободно идущих, куда им вздумается?

-- Вот те две явно устремились в лавку с тканями, - указала Фергия. - Та весьма бойко торгуется с пузатым господином в полосатом одеянии и явно выигрывает, а эти... Ого! Послушайте, Вейриш, может, стоит поменять наших несчастных носильщиков на этих дам?

Я покосился на рослых женщин с таким могучим разворотом плеч и такими бицепсами, что при виде их устыдился бы не один признанный силач. Все они несли на головах и плечах кто громадную корзину, а кто и бочку. Широкие бедра плавно покачивались под тонкой тканью коротких, едва до колен, юбок, босые ноги ступали твердо и уверенно, так что тяжелая кладь не сдвигалась ни на волос. Темная кожа, украшенная сложными белыми узорами, блестела от пота, сверкали белки глаз и зубы, когда носильщицы переговаривались между собой. На окружающих они смотрели, как громадный тяжеловоз на цыплят, - не затоптать бы ненароком... Всё-таки мне не доставало красноречия дядюшки Гарреша! Но я попробовал еще раз:

-- Фергия, я говорил не о торговках и носильщицах!

-- А, вы имеете в виду, что порядочным дамам не положено бродить в одиночку? Тем более по всяческим подозрительным местам?

-- Именно! Это ведь и в Арастене так, верно?

-- Конечно. Но мне-то что с того? Я все-таки не знатная барышня на выданье, и даже если кто-то застанет меня в злачном заведении... кстати, потом расскажете, где они у вас прячутся, на виду пока ни одного не попалось! Так вот, вряд ли это повредит моей репутации, - завершила она мысль.

-- Еще как повредит, - пробормотал я и предпринял последнюю попытку: - Фергия, здесь не Арастен и тем более не север! Здесь женщины не ведут дел! То есть они могут работать, но это совсем другое дело. Аю... Аю может видеть будущее, поэтому у нее спрашивают совета, но и то лишь соседи. Вздумай она открыть... не знаю... гадальный салон, ее бы ославили на весь Адмар, назвали мошенницей... И мне бы досталось за то, что позволяю супруге подобные вольности! Ну а к прочим вовсе не станут прислушиваться! Даже к самым знатным и богатым -- не станут, потому что...

-- Потому что они всего лишь женщины, - кивнула Фергия. - Какая дикость!

Я хотел было сказать, что с точки зрения рядового адмарца дикостью кажутся нравы вольного севера, но не успел. Фергия вдруг широко улыбнулась:

-- По-вашему, когда я учила язык, я ничего этого не выяснила?

-- Ах вот как... Выяснили, значит, - процедил я. - И зачем тогда я произносил столько ненужных слов?

-- Ну... За вами забавно наблюдать, - честно ответила она. - А еще мне было интересно, как вы выкрутитесь, стараясь объяснить мне, что женщины в Адмаре не имеют прав и свобод, но при этом не задеть меня даже в малости. Чувствуется, общение с мамой не прошло для вас даром...

-- В каком смысле? - опешил я.

-- Вы явно опасаетесь схожей реакции, - пояснила Фергия. - Но не переживайте, я самую чуточку сдержаннее. И потом, вы не сказали ничего обидного лично для меня, так на что же мне злиться? А местные порядки... Мне они действительно кажутся... хм... своеобразными, но я-то не адмарка!

-- Вот именно. Иностранок здесь вообще за людей не считают, - буркнул я. - И если вы об этом знали, то как, скажите на милость, намеревались здесь работать?!

-- О, - произнесла Фергия и снова улыбнулась. - Так ведь это и есть самое интересное! Ну какое удовольствие открывать практику буквально на всём готовом? Там, где на слуху имя моего деда

и мамы, где к независимым судебным магам относятся с уважением, даже к не слишком-то опытным?

-- То есть вы не сбежали, а отправились покорять новые... м-м-м... горизонты? - уточнил я, отказываясь что-либо понимать.

-- Скажем так, я совместила приятное с неизбежным. И я не договорила, Вейриш! Что вы меня перебиваете постоянно?

-- Я перебиваю?!

-- Ну я же не сама с собой разговариваю, следовательно, вы, - заявила она. - Так вот, Вейриш... Я прекрасно осознаю, что на мага-сыщика -- уж забудем пока о нашем громком именовании, - да еще женского пола здесь поначалу будут смотреть, как на двухголового теленка, говорящего притом. Наверняка станут насмехаться, а может, и вредить.

-- Думаете? - мрачно спросил я.

-- Уверена. Вы полагаете, маме просто было заслужить уважение? Добиться того, чтобы ее перестали сравнивать с дедом, с отцом, относиться пренебрежительно лишь потому, что она женщина? У нее на это не один десяток лет ушел! И это во вполне просвещенном Арастене!

-- Теперь я понимаю, почему у нее такой характер...

-- Нет, что вы, дед говорит, он всегда такой был, - фыркнула Фергия. - Хотя с возрастом... закалился.

-- Словом, вы решили перешагнуть матушку и начать дело с нуля? Там, где вас никто не знает, не помнит ваших предков и их деяния, где репутацию придется создавать буквально из ничего?

-- Ну почему же -- из ничего? - удивилась она. - Голова при мне, знания в голове имеются, магия тоже никуда не делась, а что еще человеку нужно?

-- Вы не знакомы со здешней жизнью, - мрачно сказал я.

-- Ничего, познакомлюсь, у меня вся жизнь впереди, - жизнерадостно заявила Фергия. - Я, собственно, и рассчитывала для начала пожить в Адмаре, оглядеться, завести знакомства, а уж потом браться за дело. Может, начинать придется с ерунды вроде пропажи булавки, о которой вы упомянули, но... Лет через пятьдесят посмотрим, а, Вейриш?

-- Мне бы ваш оптимизм, - покачал я головой. - Впрочем, спорить не стану!

-- Почему? Бойтесь проиграть?

-- Нет, опасаясь, что не с кого будет требовать выигрыш.

-- Это вы так изящно предупреждаете меня, чтобы я была осторожнее? Могли бы не утруждаться, я не вчера на свет появилась. И вообще, Вейриш, складывается впечатление, будто вы меня отговариваете... О, ну конечно же! - она хлопнула себя по лбу. - Я поняла!

-- Что вы поняли?

-- Как же я могла забыть! - Фергия картинным жестом заломила руки. Признаюсь, я уже начал скучать по немногословной и сдержанной Флоссии Нарен, которая чаще всего изъяснялась односложно. Или вовсе ничего не говорила, только выразительно хмыкала. - Вы мой конкурент!

-- Что?.. - я чуть в верблужий навоз не наступил, до того изумился.

-- То! Вы же говорили маме, что сами намерены попробовать силы в расследованиях, именно как частный сыщик... Прошло столько лет, и вы, с вашими способностями, средствами и знанием местных реалий наверняка заняли подходящее место... И вдруг являюсь я! Конечно же, вам не нужна соперница, пускай и менее опытная, но ретивая... Скажете, я не права, Вейриш?

-- Э-э-э... - только и смог выговорить я. - Нет!

-- Да неужели? - сощурилась Фергия. - А действия ваши говорят об обратном!

Ну не мог же я сказать, что благополучно позабыл о своем мимолетном желании, стоило мне вернуться в Адмар? И без того забот хватало...

-- Вейриш-шодан, - окликнул меня знакомый торговец коврами и почтительно поклонился, - эта странная женщина тебе докучает? Хочешь, я прикажу моим сыновьям прогнать ее?

-- Убедились? А мы ведь просто беседовали! - прошипел я и хотел было ответить мужчине, но Фергия меня опередила.

-- Это ты нам докучаешь, любезный, - сказала она ему на адмарском, со столичным выговором: только там так тянут гласные и смачно раскатывают "р". - И встречаешь в частную беседу, к слову. Кстати, вот тот ковер у тебя мышами трачен, да-да, именно тот, с красной бахромой.

-- Что ты говоришь, женщина! - возопил торговец, забыв даже удивиться тому, что чужестранка настолько хорошо говорит на его языке, и схватил край указанного ковра. - Где...

А-а-а!.. Я убью этого сына плешивого осла и блудницы, эту безмозглую ящерицу, этого навозного жука...

-- О ком это он? - шепотом спросила Фергия.

-- Не знаю. Наверно, о том, кто должен был следить за товаром, - так же тихо ответил я. - Или о хозяине склада. Идемте отсюда скорее, пока на крики весь базар не сбежался...

-- Нет, погодите, я хочу узнать, в чем дело, - заупрямилась Фергия и подошла к торговцу поближе. Тот ворошил ковры, то и дело разражаясь бранью. - Ага... Интересно!

-- Что вам интересно? - я взял было ее за локоть и попытался увлечь прочь, но тщетно. С тем же успехом я мог бы пытаться сдвинуть с места статую. С той лишь разницей, что статуи не сопротивляются, - Фергия чувствительно заехала мне локтем под ребра.

-- Уважаемый! - обратилась она к торговцу. - Уважаемый, заклинаю: перестань причитать подобно женщине и обрати ко мне лицо, а не седалище! Оно, конечно, тоже выражает страдание, но мне хотелось бы слышать человеческую речь вместо...

-- Вейриш-шодан! - простонал он, распрямившись и напрочь игнорируя Фергию. - Что нужно этой чужестранке? Она хочет посмеяться над моим горем? Пускай смеется! Пускай все смеются! Итиш разорен!..

-- Чужестранка умеет разговаривать человеческим голосом, если ты не обратил внимания, - дружелюбно заметила Фергия. - Ну же, Итиш-шодан, успокойся и взгляни на меня. Я здесь, прямо перед тобой, видишь? Со мной тоже можно общаться, здорово, правда?

И она помахала рукой перед его носом, так что бедняга вынужденно посмотрел на нее.

-- Что тебе нужно, женщина? - процедил он, поглядывая на меня в поисках подсказки: кто эта незнакомка, что она здесь делает, как связана со мной...

Я, однако, предпочел не вмешиваться. Если Фергии Нарен угодно постигать сложности жизни в Адмаре -- всё кругом к ее услугам! Надеюсь, я успею спасти ее до того, как явится стража... вернее, спасти стражу от неё. Потом придется укрывать беглую преступницу и как-то отправлять ее за пределы Адмара, но это уже мелочи, право...

Углубившись в свои мысли, я как-то упустил момент, в который Итиш и Фергия принялись кричать друг на друга громче прежнего, перетягивая злосчастный ковер. Как только не порвали...

-- Я тебе говорю, это не мыши!

-- Ты сама сказала, что мыши! И глаза меня пока не обманывают!

-- А меня обманули! Я слабая женщина, вот и ошиблась, и вообще, ковер был в тени, а издалека поди разгляди! Теперь вижу -- не мыши его попортили!

-- А кто?! Кто, скажи выгрыз такую дыру и объел бахрому?!

-- Моль у вас тут водится?

-- Это не моль! Следы бы остались, а здесь ничего! И не завелась бы она, не успела просто, мои ковры раскупают быстро! Вдобавок я всегда пересыпаю их душистыми травами от насекомых! Значит, мыши!

-- А они, по-твоему, еще и краску из нитей высасывают? - неожиданно тихо спросила Фергия, и Итиш замер, поднеся ковер к носу. - Что ты замер, уважаемый? Кстати, дай понюхать...

-- Не пахнет мышами, - сказал он, дав вытянуть у себя из рук ткань.

-- Кое-чем другим пахнет, - задумчиво произнесла Фергия, тоже обнюхав пострадавший ковер. - Дай-ка еще один, проверю. Сам не чувствуешь, что ли?

-- Кислое что-то, - ответил Итиш, изо всех сил втягивая носом воздух. - Не пойму... будто уксус, но всё же не совсем...

-- Ага... А покажи-ка, уважаемый, остальные ковры!

Я и глазом моргнуть не успел, как она уже оказалась внутри лавки и вместе с Итишем принялась ворошить ковры, приговаривая:

-- Гляди, уважаемый, дыра есть только на том, что висел сверху, на виду, правильно?

-- Иначе бы ты его не заметила!

-- Вот именно. Этот был под ним, точно? Ты уверен?

-- Еще бы я не был уверен! Каждый ковер, каждый узор, над которым трудилась моя бедная, почти слепая мать, моя жена и дочери, я знаю лучше, чем рисунок у себя на ладонях!

-- Это очень красиво звучит, - серьезно сказала Фергия, - но давай не будем отвлекаться.

Смотри, Итиш-шодан, на верхнем ковре довольно большая дыра. На следующем -- чуть меньше, потом еще меньше, а на нижних ткань осталась цела, только краска почему-то выцвела.

Тебе это ничего не напоминает? Если твои родные ткуют ковры, то, наверно, ты много знаешь и о том, как окрашивают нити?

-- Еще бы! - вскричал Итиш. - Мой брат -- хозяин красильни, и только у него выходят самые яркие, самые стойкие цвета, которые не выгорают под солнцем, не блекнут под дождем, не стираются под ногами, хоть век ходи по ним!

-- Да у вас семейный подряд... - пробормотала она и тут же самокритично добавила: - Впрочем, кто бы говорил! Гм... это к делу не отосится. Так вот, о секретах твоего брата я спрашивать не стану, Итиш-шодан, скажи лишь вот что: наверняка ведь существуют едкие составы, которыми протравливают пряжу, чтобы закрепить краситель?

-- Конечно, женщина! - раздраженно ответил он. - Красильщик должен быть здоровее быка, чтобы не умереть раньше времени -- он же дышит этим ядом изо дня в день!

-- Надеюсь, твой брат здоров, - серьезно сказала Фегия, и Итиш прижал руки ко лбу, давая понять, что, хвала всем богам, с родными его все в порядке. - Уважаемый, так скажи мне: если вылить такое вещество на уже готовый ковер, что случится?

Торговец замер, так и не опустив руки, задумался...

-- Но кто?! - возопил он наконец. Наверно, сообразил наконец, что ковры не сами собой испортились, и мыши тут ни при чем. - Зачем?!

-- Откуда же мне знать, уважаемый? - усмехнулась Фегия. - Я всего лишь чужестранка, указавшая тебе на дыру в таком красивом ковре. А уж кто и чего ради решил испортить твой товар -- думай сам. Зачем тебе совет глупой женщины, которая не знакома с твоими родственниками, не в курсе твоих отношений с другими торговцами, поставщиками и прочими, и не представляет, кто мог замыслить недоброе? А главное, чего ради? Может, тебя хотели очернить? Или выставить глупцом в глазах покупателей? Или намекнуть им... - тут она нагнулась поближе и шепнула: - Что ты стал совсем слаб глазами и не видишь прорех на собственных коврах?

-- Э... - выговорил Итиш, и я понял, что он попался.

В Адмаре подносить вещи к глазам, чтобы рассмотреть получше -- признак хорошего тона, и откуда мне было знать, что Итиш действительно близорук, а не просто следует правилам приличия? Я мог бы проверить, но мне такое и в голову не приходило!

-- Кто-то мимоходом вылил нечто едкое на твои ковры, - подвела итог Фегия. - Не думаю, что ты разоришься от такой потери, Итиш-шодан, но история неприятная, согласишься? В следующий раз такой раствор могут выплеснуть не на ковры, а тебе в лицо.

Клянусь, смуглое лица торговца сделалось цвета остывшего пепла. Должно быть, он вживе представил, что такая жидкость может сотворить с его кожей, если уж разъела даже хваленую прочнейшую ткань!

-- Если не сможешь угадать сам, кто виноват, Итиш-шодан, - сказала Фегия, - попроси меня о помощи. Мое имя -- Фегия Нарен, а найти меня ты сможешь в доме Вейриша-шодана. Ну, во всяком случае, сегодня, - добавила она, оценив выражение моего лица. - Надеюсь, на сутки его гостеприимства хватит, а потом он, надеюсь, подскажет тебе, где меня искать. И заметь, уважаемый, я не потребовала с тебя даже медной монеты за свою работу!

-- Работу?! - взвыл несчастный Итиш.

-- Именно так. Я расследую преступление, уважаемый, - улыбнулась она и даже развернулась, чтобы окружающим было лучше слышно. - Любые. Чем сложнее дело, тем больше плата. В твоем случае, думаю, картина окажется сложнее, чем узор на лучшем ковре твоей достопочтенной матери...

-- Вейриш-шодан... - он обернулся ко мне в поисках поддержки.

-- Фегия-шади будет гостить у меня, - сказал я. - Она дочь уважаемых людей. Ее мать когда-то спасла мне жизнь и даже более того -- сохранила честь семьи моего дяди, ты знаешь его. Мы оба в большом долгу перед ней.

Хочу заметить, я не солгал ни единым словом, однако прозвучало это весьма внушительно. Собравшиеся зеваки (а на шум их подоспело немало) заперешептывались, и я уверился в том, что еще до вечера вся округа будет знать о беде Итиша, о моей чужеземной гостье и ее странных речах. И чтоб мне провалиться, если Фегия не рассчитывала именно на это!

-- Я лишь проходила мимо, - мило улыбнулась она. - И потому действительно не возьму денег, даже если ты станешь мне их предлагать, Итиш-шодан! Уж будто так сложно заметить непорядок и сказать о нем хозяину лавки? Куда сложнее заметить злое намерение, но ведь

Итиш-шодан и сам догадался бы о нем рано или поздно, не так ли? Вот только такое "поздно" может обернуться разорением и смертью... Понимаешь, к чему я клоню?

Итиш кивнул. Он явно чувствовал, что его в чем-то обманули, но как именно, сообразить не мог.

-- Вот и славно. Найти меня, повторяю, можно у Вейриша-шодана, - уже другим тоном проговорила Фергия и взяла меня под локоть. - Всего тебе доброго, уважаемый.

-- Но... за добрый совет тоже положена плата... - сумел он выговорить.

-- Право, не стоит беспокойства. Я же не нашла злоумышленника, не так ли? И не стану его искать, пока ты меня об этом не попросишь. А это... - Фергия махнула рукой на ворох ковров, - просто наблюдение досужей путешественницы. Может, виной всему досадная случайность и неуклюжесть какого-нибудь слуги, который побоялся признаться в содеянном. Ну что, идем, Вейриш?

-- Он сейчас оскорбится... - проговорила я едва слышно.

-- Я знаю, - ответила она. - Посмотрим...

В себя торговец приходил недолго, и уже скоро над базаром зазвучало:

-- Что же, чужестранцы станут говорить про Итиша, будто он не платит добром за добро? За хороший совет не предложит даже чашечки ойфа? Не расплатится по чести?

-- Уважаемый, вы мне ничего не должны, - уговаривала Фергия, весело блестя глазами, но Итиш не унимался. - И не хватайте меня за руки! Ох, ну хорошо, если вы так настаиваете... Я возьму вот этот ковер!

-- Он дырявый! - схватился за тарбан Итиш.

-- Ну и что? Эта дырка подчеркивает совершенство узора, - невозмутимо ответила она. - Кроме того, она будет напоминать мне о бренности всего сущего. И о нашем знакомстве. И о том, что случайный взгляд порой может изменить чью-то судьбу. Не так уж и мало, как по-вашему? Даже не спорьте, Итиш-шодан, я согласна на ковер!

Они спорили еще долго, но в итоге Фергия все-таки победила. Итиш осел на грудку товара, утирая пот со лба, а она повернулась ко мне, вскинув на плечо свернутый в трубку ковер и едва не зашибив им любопытствующих.

-- Идемте, Вейриш? А то час уже не ранний, жарковато...

-- Да, пожалуй, - согласился я и повлек ее за собой. Попыток отобрать ковер я не делал. Хочется ей нести -- на здоровье! Правда, не удержался и спросил все-таки: - Зачем вам эта штукovina?

-- На память, - ответила Фергия. - О первом моем деле в Адмаре.

-- Каком деле, о чем вы?

-- Ну как же? Этому смешному торговцу действительно кто-то напакостил, и в следующий раз кислота... или чем там облили ковры, надо будет проверить... Словом, она может оказаться на нем самом, как я ему и сказала, - сказала она.

-- И вы хотите сказать, будто случайно углядели Итиша среди десятков других?

-- Именно так. И не смотрите на меня с укоризной, Вейриш! Если бы мне не подвернулся он, я поймала бы за руку воришку, заметила обвес... - она улыбнулась. - На любом рынке этого хоть отбавляй, заметишь, если знаешь, куда смотреть! И я уже поглядывала на одного симпатичного карманника с ручной обезьянкой -- он обчищал кошелек, пока зверюшка забавляла публику, - но вдруг заметила Итиша... По-моему, удачно вышло, а?

-- Да уж, вас слышал весь базар, - согласился я. Голос у Фергии был такой, что впору армией командовать: гаркнет -- боевой алефант присядет.

-- Именно, - Фергия посерьезнела. - Открыть дело можно, Вейриш, даже чужеземке это позволят, если заплатить вдоволь. Но кто ко мне придет? Даже любопытные не заглянут, это ведь не Арастен, как вы верно подметили. Однако слухом земля полнится, и уже к вечеру многие узнают о Фергии-шади!

-- И о ковре с дырой... - пробормотал я.

-- Да, и о ковре, - согласилась она. - Повторяю, Вейриш, это не простая вещь!

-- А что же?

-- Символ! У меня пока нет собственной гостиной, но когда появится, я повешу его на стену. Ну а если вы выгоните меня за порог прежде, чем я найду себе жилье, я смогу спать, завернувшись в этот ковер. Или даже сооружу из него маленький шатер, я же маг, в конце концов.

-- Ваша матушка не пользовалась магией по пустякам.

-- Ничего себе пустяк! - воскликнула Фергия и перекинула ковер на другое плечо. - Это вопрос выживания!

-- Скажите, - произнес я, отчаявшись заставить ее говорить серьезно, - как вы это спланировали? В особенности мое участие!

-- Я же сказала, что в курсе местных обычаев, поэтому собиралась повести себя именно так еще до того, как встретила вас. Ну, быть может, не в первый же день, но все же... А вы стали неучтенным фактором, - заверила она. - Неучтенным, но каким ценным! Пришлось немного скорректировать планы, и вышло, на мой взгляд, претотменно.

В ее словах был резон: мало того, что Фергия подняла шум на весь базар, так еще и показалась рядом со мной. И я за нее, можно сказать, поручился. Следовательно, теперь должен отвечать за свои слова -- мужчина я или нет?

-- Знаете, Вейриш, - сказала вдруг она. - Я ведь угодила на эту дырявую галеру совершенно случайно. Я действительно собиралась на запад и уже выкупила место за замечательном корабле, который готовился к отплытию буквально через неделю.

-- Но вас настигала погоня?

-- А? Нет, что вы, времени хватало. Я колебалась -- юг или запад, просто сюда нормальные корабли не шли, только грузовые. И вдруг эта галера, крики, вопли -- кто-то то ли сбежал, не заплатив, то ли умер, то ли, наоборот, кого-то убил... Меня и потянуло на эту калошу, сперва узнать, в чем там дело, а потом... Потом я решила на ней остаться, - обезоруживающе улыбнулась Фергия.

Что ж, у капитана явно не было шансов устоять против ее дара убеждения, даже если он считал женщин на корабле причиной всех бед и не желал связываться с иностранкой даже за большие деньги. К слову о деньгах: он ведь ей еще должен остался, если я правильно понял разговор о попутном ветре. Кто же его поднял, если не Фергия?

-- Когда бы еще подвернулся такой случай? - продолжала она. - Чтобы не ждать в порту, а отчалить почти сразу... Я и ухватилась за него! Знаете, я привыкла слушаться интуиции, вот и на этот раз она не подвела, раз мы с вами встретились!

"Лучше бы я остался дома!" - подумал я, но вежливо кивнул. Мне уже ясно было, что вместе с Фергией Нарен в мою размеренную, спокойную и уютную жизнь ворвался неуправляемый хаос, и что с этим делать, я пока не знал...

4.

Стоило слугам распахнуть ворота, как на нашем пути воздвиглась Фиридиз в неизменном заляпанном переднике, по очереди смерила взглядом меня и гостью и мрачно спросила:

-- Шодан привез новую женщину? А почему такую худую? И старую?

Я не успел отреагировать - Фергия захохотала так, что ее лошадь шарахнулась, и сказала:

-- Какая первобытная непосредственность! Почти как на севере, клянусь! Кажется, мне начинает здесь нравиться...

-- Поди прочь, - велел я Фиридиз. - И скажи, чтобы приготовили покои для гостыи.

-- Всё давно готово, шодан, - ответила она. - Аю-шодэ распорядилась, едва ты уехал.

-- Как славно, - сказала Фергия, спрыгнув с лошади и взяв ковер для разнообразия подмышку. - Я, конечно, все еще незваная гостыя, но как минимум не неожиданная. А где же сама хозяйка дома?

-- Аю здесь! - отозвалась от входа в дом моя супруга, и Фергия развернулась к ней. На этот раз ковром перепало мне, не успев увернуться.

-- Точно такая, как мама описывала, только красивее! - воскликнула она, всучила свой трофей не успевшей удрать Фиридиз и широким шагом подошла к ступеням. - Рада встрече, Аю-шодэ. Я дочь...

-- Аю знает, - широко улыбнулась та, спустилась с крыльца, протянула гостые обе руки, и они с чувством обнялись. - Дочь аяйки!

-- Да, она упоминала, что ты ее так называла, когда не могла говорить... - Фергия отстранилась и с интересом посмотрела на Аю сверху вниз. - Но теперь, вижу, это позади.

-- Она, к счастью, не болтлива, - вставил я, каюсь, не без желания уязвить.

Зря - Фергия этого не заметила. Или сделала вид, что не заметила.

-- Идем в дом, - сказала Аю и потянула Фергию за собой. - Говорить потом. Сперва отдыхать. Амма уже готова.

-- Это что за зверь? - с любопытством спросила та.

-- Не зверь. Там моются, - пояснила Аю. - Разминают тело, это хорошо от усталости. Если Фергия хочет, Аю позовет Бушана. Он лучше всех.

-- Не откажусь! - тут же загорелась гостья.

Я мысленно позлорадствовал: из огромных лап Бушана даже я выходил похожим на мягкую тряпочку, а я к таким процедурам привычен да и в целом крепче обычного человека. Хотелось посмотреть, что он сотворит с непривычной к подобному женщиной с севера...

Сам я тоже отправился освежиться, а потом еще долго ждал, когда гостья изволит появиться. Откуда-то из глубины дома доносился хохот, иногда визг на разные голоса (кажется, все мои шуудэ принимали участие в веселье), гулкий голос Бушана... Я даже пожалел, что не могу поучаствовать: вряд ли бы Фергия оценила мое вторжение в женское царство... Хотя постойте, как же Бушан? Он, правда, не мужчина в полном смысле этого слова, однако, по слухам, женщины зазывают его в аммы не только ради целительного массажа. Чем они вообще там заняты столько времени?!

Наконец они появились -- довольные и веселые. По Фергии никак нельзя было сказать, что она удивлена или поражена искусством Бушана. Да и амма не слишком на нее подействовала: разве что лицо покраснелось и волосы, сейчас не спрятанные под платком, а свободно распущенные по плечам, завились от влаги крупными кольцами.

-- Что так долго? - спросил я Аю.

-- Бушан учил Фергию, - пояснила она, подсовывая гостье подушки поудобнее. Та устроилась на них, поджав ноги, почти как делали в Адмаре. И все же -- иначе. Сложно объяснить, но это различие явственно ощущалось.

-- Чему учил?

-- Всему, - последовал лаконичный ответ.

Аю хлопнула в ладоши, и служанка внесла напитки и угощение. Наконец-то!

-- Этот ваш здоровяк -- настоящий кудесник, - подала голову Фергия, когда утолила первую жажду. - Знает несколько приемов, которых не знаю я. И наоборот. Вот мы и обменялись опытом.

-- А вы-то откуда...

-- Так на севере же научилась, Вейриш, - улыбнулась она. - Думаете, эти ваши аммы -- исключительно южное изобретение? Отнюдь! У северян всё устроено немного иначе, там любят влажный пар, а не сухой жар... Но у вас мне тоже понравилось. Я бы разогрела камни посильнее, но одной вашей шуудэ и так сделалось дурно, так что я не рискнула.

-- Талья, - пояснила Аю. - Не переносит жар. Всегда идет купаться последней, когда амма остынет.

-- А почему не сказала сразу? В обморок же грохнулась, чуть голову не расшибла! Впрочем, понимаю, - сама себя перебила Фергия. - Все пошло, и она пошла, нельзя же отрываться от подруг. И на меня посмотреть любопытно, вдруг у меня... м-м-м... что-нибудь расположено не так, как у здешних женщин?

-- Рисунки, - сказала Аю. - Красивые.

-- Да, мне тоже нравятся, - согласилась та. - Долго с ними возились. Магией-то, конечно, проще, но это не то...

-- Какие рисунки? - я снова ничего не понял.

-- У меня на спине наколото кое-что, - пояснила Фергия, - на морскую тему, как несложно догадаться. Дед чуть не убил, когда узнал...

-- Почему?

-- Потому что мне было всего десять, когда друзья-приятели сделали мне первую наколку, - ответила она. - Он надеялся, что этим дело и ограничится, думал, я подрасту и сама выведу эту картинку и буду шеголять чистой кожей, но увы! Еще через десять лет я наведалься в те края, и... Правда, - добавила Фергия справедливости ради, - об этой части моих приключений дед не знает. Во всяком случае, я на это надеюсь.

-- А матушка?

-- Ей-то что? - пожала плечами Фергия. - Сперва покрутила пальцем у виска, потом развернула меня, присмотрелась и согласилась, что с определенного ракурса наколка выглядит весьма

пикантно. Да ну, Вейриш, это совершенно не интересно! Подумаешь, кожа расписная... местами. Надоест -- избавлюсь от этой красоты или переделаю. А вот вы...

-- Что -- я? - признаюсь, я невольно испугался.

-- Я столько о вас слышала, - мечтательно протянула она, не забывая уничтожать поданные яства. Аппетит у госпожи Нарен-младшей был точно такой же, как у старшей: я помнил, как та трапезничала. Я за ней угнаться не мог, а я все-таки мужчина и дракон к тому же. - И Аю кое-что добавила. О том, например, что вы не очень-то таитесь и часто летаете куда-нибудь...

-- Если это намек на то, что я мог бы вас прокатить, то я против.

-- Ну не сразу, конечно же, - согласилась она. - Это даже как-то неприлично: седлать едва знакомого дракона. В смысле, я знаю вас по маминым рассказам, но она ведь и сама прожила с вами бок о бок всего ничего! И то большую часть времени вы то умирали, то бездельничали. Я дар речи потерял от таких слов. Ничего себе -- бездельничал! Я же помогал, как только мог!

-- Но, бесспорно, если бы не вы, мы бы сейчас не разговаривали, - вдруг совершенно иным тоном заключила Фергия.

-- За это в первую очередь нужно благодарить Аю, - сказал я.

-- Я уже, - заверила Фергия, и та кивнула. - Но если бы вы не поняли, чего именно она от вас хочет, то, боюсь, всё завершилось бы весьма печально. Что для нашей семьи, что для вашей. Я имею в виду, мы-то с дедом были на севере, но...

-- Но памятуя об упорстве врага вашей матушки, он сумел бы разыскать вас, - кивнул я, припомнив тот страшный шторм.

Показалось вдруг, будто откуда-то повеяло холодным ветром, захотелось прикрыть спину от проливного ледяного дождя, а пуще того от непрерывно бьющих молний -- я уже не различал, обычных или магических. Я вообще не видел, куда лечу, что передо мной -- грозовая туча, огромная волна или утёс! И не понимал, что делать, бросаться в сторону, вверх или, наоборот, нырять? Да и сил не осталось, крылья не держали, я мог только отдаться на волю ветра, ловить восходящие потоки и стараться не свалиться камнем вниз, но надолго меня бы не хватило. Я не мог вырваться из этого шторма, не мог даже сесть на воду, рискуя разбиться о скалы...

Я невольно подумал: "Ведь не было же ничего подобного! Был смерч над островом, молнии, не страшные для нас... И где все остальные? Дядя? Почему я никого не..."

Темная громада впереди вдруг заняла всё поле зрения, даже молний я больше не видел, не слышал раскатов грома. Она навалилась на меня невозможной, непереносимой каменной тяжестью, и я почувствовал, что падаю, падаю, падаю в бездонную пропасть, в которой даже воздух не держал -- сколько ни молоти крыльями, не взлетишь! Его вообще не было, я тщетно пытался сделать вдох, но ничего не выходило, кровь уже гремела в ушах, глаза заволочла кровавая пелена, сердце мое, сердце сильного молодого дракона вдруг пропустило удар, другой, и...

Видение было таким ярким, почти физически ощутимым, что я содрогнулся... и очнулся, лежа на полу.

-- Вейриш, - Фергия осторожно похлопывала меня по щекам. Ну, как "осторожно", таким шлепком кого-нибудь более хлипкого убить можно. - Вейриш, что с вами? Ответьте же, ну!

Я и рад был бы сказать, что со мной все в порядке, но не смог. Не было сил даже пошевелить пальцем, не то что произнести несколько связных слов!

-- Аю, с ним часто такое бывает?

-- Никогда не бывает, - покачала та головой и положила мне на лоб узкую прохладную ладонь. Лицо ее оставалось невозмутимым, но я знал жену достаточно хорошо, чтобы понимать: она очень напугана. - Аю не видела.

-- И в чем же дело? Вряд ли он на солнце перегрелся! И не пил вроде бы, вел себя совершенно адекватно... - Фергия наклонилась ниже и бесцеремонно обнюхала мои губы. - Ничем таким не пахнет, да только я не знаю, все вещества, которые у вас здесь употребляют. А уж какой они могут дать эффект... Аю?

-- Вейриш ничего не жует и не курит, - твердо сказала та. Потом поправилась: - Нет, иногда курит с другими мужчинами, но это не злые зелья. Просто каррис. Пьет вино. Аю бы знала о другом.

-- Ну не восторг же от лицемерия моей, вне всякого сомнения, неотразимой персоны уложил его в такой глубокий и продолжительный обморок... Вейриш, - она снова потормошила меня, -

вы хоть моргните, дайте знак, что слышите и понимаете! А то, может, вас удар хватил, и вы разума лишились, а я тут распинаюсь!

-- Умеете вы... ободрить... - с усилием выговорил я и попытался сесть.

-- Это у нас семейное, - напомнила Фергия, цепко взяла меня за запястье и принялась считать пульс. - Знаете, вы будто только что прилетели с северных островов, причем гнали со всех крыльев и ни разу не остановились передохнуть. Аю, сама послушай, как у него сердце заходится!

Та просто приникла к моей груди, но скоро выпрямилась и кивнула.

-- Однако вы никуда на наших глазах не летали, сидели и мирно беседовали, - продолжила Фергия. - Что же могло вызвать такой приступ? Подобное сердцебиение случается от сильного испуга, но не меня же вы испугались?

-- Видение, - выговорил я наконец. - У нас бывают...

-- Да, мама говорила, - поняла она меня. - Но я полагала, это что-то наподобие предчувствия или... не знаю, интуиции, как у меня.

-- Обычно так и есть.

Я потянулся за водой и опустил руку, так она дрожала. Я даже после кошмарной попойки в Арастене не чувствовал себя настолько скверно! Аю поддержала мне голову и поднесла пиалу к губам. Немного полегчало.

-- Значит, в этот раз случилось что-то необычное, - произнесла Фергия, в упор глядя на меня. - Ну же, Вейриш, говорите, вы уже не умираете!

-- У меня никогда не случалось видений, - сказал я. Она была права: противная дрожь во всем теле быстро унялась, сердце успокоилось, и дышал я уже не как загнанная лошадь. - И ни от кого из старших я не слышал, чтобы у них бывало подобное. Это из области преданий... Может, прабабушка Иррашья что-то такое знает, но я ее видел только издали...

-- А что гласят предания? - поинтересовалась Фергия. - Я помню, что драконам нужно крайне внимательно относиться к предчувствиям, чтобы не влипнуть в неприятности, но большего ни вы, ни Гарреш маме не рассказывали.

-- Да кто же мог знать... - я вздохнул поглубже. - Видение для дракона -- это... это не предчувствие. То только предостерегает, и можно избежать беды, если держать глаза открытыми и думать головой. А видения -- о том, что случится неизбежно.

-- И что же вы узрели, Вейриш? - негромко спросила Фергия, и я ответил:

-- Свою смерть.

Аю смотрела на меня, не мигая, и мне вдруг почудилось: она давно знает о том, что меня ждет. Ашшу тоже прекрасно различают зыбкие тени вероятностей и неотвратимые события.

-- Ты что-то углядела? - спросил я, и она медленно покачала головой.

-- Аю не видит. Слишком далеко. Слишком темно. Никак не добраться.

-- То есть Вейриш умрет, но случится это так нескоро, что ты просто не доживешь, а потому и увидеть этого не можешь? - непосредственно поинтересовалась Фергия, и Аю кивнула с заметным облегчением. - Хм... Интересно, что же с вами такое случится, Вейриш? Что там было?

-- Смерть, я же сказал, - повторил я.

Такой свинцовой усталости я давно уже не испытывал, и если Аю после своих прозрений ощущает что-то подобное, то... не знаю даже, как держится, она ведь почти постоянно подмечает какие-то мелочи! Может, дело привычки? Или же суть нашего дара различна?

-- Какая? - не отставала Фергия. - Вас подстрелили из пушки? Вы напились пьяным, взлетели на самую высокую здешнюю гору, поскольку зашли на леднике, упали и сломали шею? Хотя вряд ли, дед говорил, драконы прочные, замучаешься, пока вскрыешь... Ну же, не молчите!

-- Кажется... - сказал я, сложив два и два, как она выражалась, - кажется, меня настиг злой рок. То, что поджидает в небе и в море. Аю тоже это видит и запрещает мне летать в такие дни. Как сегодня. Верно же?

Аю кивнула.

-- Похоже, оно было совсем близко...

-- Что?

-- Я не знаю, - развел я руками. - Никто не знает.

-- Дядя сказал Вейришу разобраться, - сообщила Аю. - Давно.

-- Давно по чьим меркам, человеческим или драконьим?

-- Вейриш тогда сделал меня женой, - подумав, ответила она.

-- Значит, прошло не меньше тридцати лет... И как успехи? - с живым любопытством спросила Фергия, и Аю выразительно вздохнула. - Да, а в чем именно нужно разбираться?

-- Право, не стоит беспокойства, - ответил я.

Мне вовсе не хотелось посвящать Фергию в эту историю. Я, признаюсь, и сам не хотел в нее лезть, что бы там ни придумал дядюшка.

-- Как угодно, - неожиданно легко сдалась Фергия...

И я сразу же понял, почему.

-- Аю скажет, - произнесла моя жена.

-- Не надо!

-- Аю скажет, - упрямо повторила она, и я осекся. Запрещать что-то ашшу себе дороже. - Родные Эйша гибнут. Друзья. Совсем не знакомые. Много. Никто не знает, почему. Войны нет. Люди их не убивали. Они не болели и были не старые. Дядя сказал, Эйш сможет понять, почему так. Но Эйш...

-- Ничего не сделал, - перебил я. - Ладно... Чувствую, это неизбежно, вы обе от меня не отстанете, пока я не расскажу.

-- Может, оставим это до завтра? - предложила Фергия. - Вы довольно бледно выглядите.

-- Ничего, жить буду. Слушайте, что у нас стряслось... Аю, а ты поправляй меня, если я что-нибудь перепутаю!

-- Аю поправит, - серьезно сказала она.

-- В тот год мне пришлось побывать в дальних краях по невеселому поводу, - начал я. -- Погибла одна из моих бабушек, то ли двоюродных, то ли троюродных, у нас и не разберешь уже... Вроде бы она умерла своей смертью, лет-то бабушке было порядочно. И все так думали... Я вернулся мыслями в тот синий холодный вечер. Что-то не давало мне покоя, да и дядя смотрел как-то сумрачно, а когда завершилась церемония прощания, и тело покойной растворилось в языках пламени, такого, что даже и пепла не осталось (а что осталось, разнес ветер, и это было привычно и правильно), отозвал меня в сторону.

-- Скажи-ка, Вейриш, - негромко произнес он, - не кажется ли тебе странным это происшествие?

-- Дядя, я не так часто и настолько тесно общался с Гирришьей, чтобы судить о состоянии ее здоровья, - осторожно ответил я. - В ее возрасте всякое возможно.

-- Однако Иррашья все еще жива и, да продлят небеса ее годы, даст фору любой молодой соплеменнице, а она не на много лет, а во много раз старше покойной.

-- Я слышал, бывает, что с виду кто-то здоров, но в теле кроется некий изъян, который может дать знать о себе в любое мгновение. Кому-то везет и он проживает долгую жизнь, а кто-то может умереть в юности. Наверно, Гирришью настигло нечто подобное, - предположил я. Недавно слышал об этом, вот и вспомнилось.

-- Может быть, и так, - задумчиво произнес дядя. - Но, знаешь... Поди ближе, я не хочу, чтобы нас услышали.

Я повиновался.

-- Это не первая внезапная смерть в небесах, - негромко сказал он. - За последние три года вот так погибли шестеро. Не из нашего рода, но ты ведь знаешь, слухи разносятся, такое не утаишь.

-- А с вашими путешествиями услышишь и не такое, - кивнул я.

Дядя предпочитал странствовать в человеческом обличье. Чем-то ему нравились люди... и мне тоже. Может быть, поэтому он выделял меня среди остальных племянников.

-- Слушай дальше, - сказал он, - все погибшие -- взрослые. Ни одного юнца, ни одного ребенка. Вернее, и такое случалось, но то был несчастный случай: подросток не рассчитал сил и разбился о скалы. Ты сам, помнится, едва не покалечился вот так.

Я пристыженно кивнул. Да, было дело...

-- А вот остальные, - продолжил Гарреш, -- все как один умирали в полете. На земле они оказывались уже бездыханными. Тому есть очевидцы: одной из покойных составлял компанию сын, и он видел, как это было, своими глазами. Он говорит, мать его словно ударилась о невидимую преграду, и крылья перестали слушаться ее. Она пыталась обогнуть препятствие, но ничего не вышло. Он не смог дозваться ее, а когда она упала, не сумел удержать -- не хватило сил, - лишь немного замедлил ее падение и не дал разбиться. Тщетно, она умерла еще в воздухе...

-- Но ведь не эпидемия же это? - спросил я.

-- Нет. Шесть случаев за три года... Наш -- седьмой. А общего в этих смертях только одно, - Гарреш выдержал паузу. - Все погибшие таким образом -- женщины. Подростка можно не брать в расчет, он разбился из-за чрезмерной лихости.

Я, признаюсь, оторопел. У нас очень мало женщин, особенно урожденных, и потеря шестерых всего за три года... Это должно было ударить по всем семействам!

Гарреш внимательно смотрел на меня, и мне стало не по себе под немигающим взглядом его темных глаз. Я проговорил со смешком:

-- Дядя, не хотите же вы сказать, что какой-то род намерен захватить главенство, ослабив остальные? Но тогда выгоднее было бы избавляться от бойцов... Хотя без женщин род вымрет сам собой: обретенных не так уж много, и живут они слишком мало, чтобы успеть восполнить потери!

-- Боюсь, все намного хуже, Вейриш, - ответил он. - Ты верно сказал, мы не успеем восполнить потери. Мы слишком медленно взрослеем, в отличие от людей, и у нас мало детей.

-- Если лишит род женщин, он не будет прирастать, - медленно выговорил я. - Но дядя, вы же сказали, потери понесли несколько семей, и если устроил все это кто-то из своих, я не понимаю, какими соображениями он руководствовался... Или вы хотите сказать, что это проделывает кто-то извне? Но кому это могло понадобиться?

-- Кому-то, кто не хочет, чтобы наши крылья застили ему небо, - ответил Гарреш. - Я не могу даже предположить, человек это или кто-то иной, но если и человек, то не простой.

-- Вы имеете в виду, маг?

-- Конечно. Только они живут достаточно долго, чтобы увидеть, чем закончится дело.

-- Но последнего должителя, кажется, не так давно вывела из игры наша общая знакомая... - пробормотал я. - Дядя, а не пригласить ли нам специалиста? Раз уж мы знаем, кому можно доверять!

-- Вейриш, если ты имеешь в виду госпожу Нарен, то, во-первых, даже ей жизни не хватит, чтобы разобраться в хитросплетениях наших семейных связей, а во-вторых... - Он помолчал. - Вряд ли ей расскажут что-то такое, что могут поведать своему. Она всего лишь человек.

-- Ясно...

-- Конечно, если что-то укажет на человеческий след в этом деле, ее помощь будет не лишней, но сперва нужно потрудиться самим, - добавил Гарреш. - Ты, помнится, хотел пойти по ее стопам, разве нет?

-- Дядя, я слишком ленив для этого! - воскликнул я. - И чересчур молод, вы же сами постоянно твердите мне об этом!

-- Вот именно. Тебя не воспринимают всерьез, а прикинувшись дурачком, можно многое выведать. У тебя это превосходно получается.

-- Спасибо вам на добром слове...

-- Мне не поверят. Все знают, что Гарреш -- большой ценитель сокровищ, и не только золота. Я ведь коллекционирую тайны, - улыбнулся он. - А у тебя есть шанс. Хотя бы попытайся разобраться, Вейриш, у тебя есть для этого все задатки... Пойми, я боюсь, что однажды мою супругу настигнет такая же беда, а я люблю ее! А еще, - добавил дядя, - у тебя есть козырь. Ты сумеешь понять, на правильном ли ты пути.

-- Да, это верно, - кивнул я, и дядя пересказал мне то, что успел разузнать.

Все это были предположения и слухи, не более того, и что может стать зацепкой, я даже представить не мог! Единственное расследование, в котором мне выпал случай принять участие, вел вовсе не я, мне досталась роль, скажем так, случайного помощника с особым даром. А здесь... Если никто из старших родственников не смог учуять и следа чужой магии, сгубившей наших женщин, мне и вовсе не на что рассчитывать! Или это была не магия? Тогда что? Яд, проклятие?.. Гадать можно бесконечно!

-- Боюсь, мне это не по плечу, - честно сказала я. - Но я постараюсь сделать все, что смогу.

-- Ты сказал -- я услышал, - кивнул дядя...

Я завершил рассказ и умолк.

-- Одним словом, - подытожила Фергия, - вы согласились на непосильное для вас дело, но ничего не предприняли для расследования, верно я понимаю?

-- Отчего же, - мрачно ответил я, - пытался разузнать что-нибудь. Но выходило скверно, признаюсь. Эти странные смерти, опять же, почти прекратились.

-- Бабушка Арташья разбилась семнадцать лет назад, - подала голос Аю. - Тетя Оннаришья -- девять с небольшим. Сестра Дарришья -- семь. Больше я не знаю. Эйш не говорил. Или не знал сам.

"Она сказала, что не видела тени у меня за спиной уже шесть лет, - вспомнил я. - И что тень выросла, будто кого-то съела. Дарришью? А теперь снова проголодалась и начала искать новую жертву? Но почему я?..."

-- Вот так дела... - глаза Фергии загорелись уже знакомым огнем. - Вейриш, вы же подумывали о том, чтобы пригласить специалиста, верно я поняла по вашему рассказу? Ну так вот она я!

-- Вам, по-моему, еще рановато браться за дела такого масштаба, - ответил я, пожалуй, слишком резко.

-- О, вы правы, - тут же согласилась она. - Начну с дырявых ковров, это мне вполне по плечу.

-- Фергия, я не хотел...

-- Я, Вейриш, никогда не принимаюсь за дело, если меня об этом не попросят, - перебила она. - Вы же слышали, что я сказала Иташу, верно? Ну вот. Хочется вам и дальше считать потери, но ничего не предпринимать, -- ваше право, я тоже пальцем не шевельну. Но вы все-таки подумайте, почему вдруг вам явилось это видение? Вы же не женщина!

-- Не женщина, - со знанием дела подтвердила Аю.

-- Очевидно, убить так можно и мужчину... - протянула Фергия. - Но отчего раньше гибли только женщины? И теперь... Что изменилось? Знаете, Вейриш, оставьте-ка вы распоряжения на случай внезапной гибели!

-- Зачем? - оторопел я.

-- Мне вполне хватит предсмертной записки, чтобы заняться расследованием, - пояснила она. - А хотя не нужно. Думаю, Аю меня наймет, если вы вдруг грохнетесь с высоты с разрывом сердца. Почти как сегодня. Кстати, чего вы так испугались?

Признаюсь, я отвык от подобных расспросов, был растерян и действительно изрядно напугался, поэтому ответил правду:

-- Я вспоминал остров, на котором едва не погибли ваша матушка. И не сразу понял, что это вовсе не он.

-- Так-так-так... - быстро произнесла Фергия, постукивая пальцами по краю столика. - Наора в живых точно нет. Может, шалит его последователь? А даже если нет, почерк все равно схожий: он упорен, терпелив, не допускает ошибок... до поры до времени! Или это не один человек? Целое семейство может избрать делом своей жизни раскрытие тайн, как мы, или истребление драконов.

-- Что вы такое говорите?

-- Похоже, у каждого представителя славного семейства Нарен должен быть собственный Наор или даже несколько! - улыбнулась она. Вышло... кровожадно. - Ну да меня всё это покамест не касается...

-- Касается, - перебила Аю.

-- То есть?

-- Аю увидела Фергию. Фергия встретила Эйша. Эйшу было видение, - объяснила она. - А раньше не было. Никогда. Значит, так должно быть. Судьба.

О том, что против судьбы можно пойти, я знал даже слишком хорошо, но спорить не стал. Просто не было сил...

5.

Той ночью мне долго не удавалось уснуть. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором вновь возникала черная громада -- туча? Скала? Порождение чьей-то магии? - и я вновь ощущал беспомощность, удушье... И, вздрогнув, просыпался.

Надо же, никогда не страдал от ночных кошмаров... Оставалось только надеяться, что это пройдет. Впрочем, если видение повторится, я даже и не знаю, что буду делать. Может, привыкну, а может, начну курить на ночь гаш или напиваться до беспамятства. Правда, от этого я очень скоро разобьюсь даже не о чудовищную тень из видения, а о самую обычную скалу или вовсе городскую башню...

-- Дурные мысли? - тихо спросила Аю, и я вздрогнул, потому что даже не уловил момента, когда она прокралась ко мне.

-- Да, - коротко ответил я и обнял ее покрепче.

Обычно это помогало, но не в этот раз, потому что мысли были не просто дурные, а и страшные. И я не мог перестать корить себя за то, что много лет провел в праздности и развлечениях, вместо того, чтобы хоть попытаться выполнить дядино поручение! Скорее всего, я ничего бы не отыскал, но... Может, мне попалась бы какая-то зацепка? Пускай крохотная и незначительная с виду, вкпе с другими она могла бы привести меня... к чему-то. Мне, во всяком случае, не приходилось бы прятать глаза при встрече с дядей или вовсе сбежать подальше в пустыню, едва услышав о его визите! А сейчас я не лежал бы, глядя в темноту и силясь уснуть, а, возможно, хотя бы представлял, где искать беду, как отвратить собственную гибель... Мне очень не хотелось умирать, да еще так нелепо и страшно!

-- Эйш неправильно думает, - сказала Аю, до того молча гладившая меня по голове.

-- О чем ты?

-- Эйш считает, что виноват. Это неправда.

-- Как же нет, если я тридцать лет и... - я мысленно посчитал, - и три года занимался чем угодно, только не важным делом?

-- Разве Аю не важная? И другие?

-- Так-то оно так... - пробормотал я.

Мог бы еще добавить: "только от вас не зависит моя жизнь", - но прикусил язык. От Аю -- еще как зависит. Только она все эти годы и уберегала меня. Что случилось бы, реши я послушаться совета и поднимись в небо в опасный день? Я встретил бы колдовскую бурю и уже не вернулся в Адмар?

-- Ты говорила мне о смерти в небе и море, - сказал я. - Но никогда не объясняла, что это. Не видела или...

-- Аю не знает таких слов. Аю думала: станет учиться и найдет нужные, а пока будет говорить, как умеет.

-- Не нашла?

Она покачала головой, и жесткие волосы плеснули по моему плечу.

-- Оно чужое. Аю не встречала такого. Но Аю не успела выучиться всему, что нужно знать ашшу. Может, кто-то знает...

"Искать других ашшу где-то в степях -- не лучший вариант, - подумал я. - Но, может оказаться, единственный. Вдруг они сумеют что-то разглядеть? Не стоит сбрасывать такую возможность со счетов".

-- Ты никогда не просила отнести тебя домой, - сказал я зачем-то. - Неужели не скучала по родным? По степи?

-- Родных убили, - просто ответила Аю. - Они со мной. Дом мой здесь. А степи всё равно, есть Аю или нет. Она как море или пустыня. Всегда была и всегда будет, а люди приходят и уходят. Степь никого не выделяет среди других. Люди это сами делают. Или выдумывают.

-- Понимаю...

Да, в степи я не был, но море и пустыня мне знакомы. Они действительно вечны, неизменны, безжалостны и бесстрастны. И правитель, и последний бедняк равны пред лицом этого огромного пустого пространства, из которого смотрит сама вечность... К слову, не стоит бросать в нее камешки. Неизвестно, что может появиться...

-- Эйш злился на Фергию, - неожиданно сказала Аю. - Почему?

-- Я не злился. Просто отвек от таких людей.

-- Каких?

-- Шумных и бесцеремонных.

-- Наши соседи такие. Люди на базаре такие. Какая разница?

-- Не знаю, - сдался я. - Наверно, в том, что к соседям и торговцам я давно привык, только в дом к себе их не приглашаю.

-- Фергия не будет жить у нас, - заявила Аю, и я удивился.

-- Ты встретила ее, как дорогую гостью, а теперь... Неужели ревнуешь?

В самом деле, почему нет? Мои шуудэ -- это одно, Аю сама ими распоряжается. Захочет -- накажет, захочет -- выгонит... Но свободная независимая женщина с севера -- это совсем другое! Фергия Нарен похожа на мать, а я в свое время думал, что мог бы за той приударить. Правда, меня опередили, но это к делу не относится...

-- Аю не ревнует, - терпеливо произнесла жена. - Просто Фергии нельзя здесь жить. Эйш не понимает? Фергия должна работать. Кто же работает в гостях? И люди будут думать о ней неправильно, а это плохо для дела.

-- Да, ты права, - с изрядным облегчением согласился я.

Конечно, я потерпел бы гостью и неделю, и месяц, благо в моем доме можно даже не сталкиваться все это время, если не захочется. Я мог оставить ее на попечение Аю, а сам полететь... куда-нибудь подальше, отдохнуть от шума и суеты.

Но речь о другом: Фергия явно настроена серьезно и от мыслей о собственном деле не откажется. Не может же она приколотить вывеску со своим именем к моим воротам! Вернее, она могла бы, живи мы в Арастене, но не станет, потому в Адмаре нравы совсем иные.

Аю верно сказала: люди станут сплетничать. За кого примут Фергию, если она останется у меня? За очередную наложницу? Тогда о работе ей можно забыть, никто не обратится к моей шуудэ! За гостью? Здесь Аю тем более права: кто же позволит гостью работать? Позор на мою голову!

Вдобавок, полагаю, Фергии вовсе не хочется, чтобы ее имя слишком тесно связывали с моим. Разве же независимый судебный маг потерпит, чтобы меня считали ее покровителем? Меня, конечно, считают немного странным и, пожалуй, сойдутся на мысли, что я позволяю своей чужестранной любовнице чудить, как это заведено на севере. Одним словом, серьезно к Фергии относиться не станут. За такое она мне точно спасибо не скажет.

-- Я помогу ей найти хороший дом, - сказал я.

-- Аю знает такой, - тут же ответила она. - Здесь недалеко, за рощей. Там есть пруд.

-- В том пруду даже цыпленок не утонит.

-- Фергия хочет пруд, - пожала плечами Аю. - Ничего, что мелкий. Заколдует и сделает глубоким, она так сказала. И еще там родник. Фергии нравится, когда вода течет.

-- А, я понял, о каком доме ты говоришь! - сообразил я. - Но он заброшен невесть когда, там крыши нет и стены обвалились. Что внутри творится, даже представлять не хочу. Наверняка песчаные лисицы поселились, а запах после них...

-- Это не страшно, - уверенно ответила Аю. - Место хорошее. Остальное можно починить.

Я даже не сомневался, что искать рабочих и рассказывать Фергии, где покупать мебель и прочее необходимое, чтобы не обманули и не всучили несведущей иностранке сущее барахло, придется мне. Если бы я только знал, насколько ошибаюсь...

Наутро Фергии в доме не оказалось. Багаж ее, правда, громоздился под навесом, следовательно, гостя покамест не собиралась переселяться.

-- Аю сказала, Фергия может взять коня, - ответила жена на мой невысказанный вопрос. - И слугу. Она не хотела, Аю убила.

-- Это правильно, - кивнул я. Без сопровождения хотя бы слуг женщине показываться не следует. Правда, сомневаюсь, что Фергии это поможет, но вдруг?

-- Фергия сказала, наймет своих, когда переедет, - добавила Аю. - А лошадь купит уже сейчас.

-- Надеюсь, это будет не чудовище вроде тех, на которых ездила ее матушка! - искренне сказал я, и Аю возмутилась:

-- У аяйки были хорошие кони!

-- Я имел в виду их... м-м-м... неказистость, - постарался я вывернуться, потому что спорить с ней о лошадях -- гиблое дело. - И скверный характер. Кобыла меня однажды укусила!

-- Значит, Эйш неправильно себя вел, - заявила Аю.

-- Хорошо, посмотрим, что купит наша гостя... К слову, а денег-то у нее достаточно? - спохватился я, потому что спросить об этом позабыл.

Вряд ли, конечно, Фергия приехала устраиваться на новом месте с пустыми карманами, но хорошая лошадь стоит недешево. Я уж не говорю о доме, пускай даже ту заброшенную усадьбу продадут по цене пустой земли, в чем я сомневался!

-- У Фергии много золота, - подтвердила Аю.

-- Надеюсь, она не поволокла всё с собой...

-- Нет, оставила здесь, - она кивнула на сундуки.

-- погоди, ты хочешь сказать, что она вот так просто возит деньги в багаже и бросает его без присмотра? Нет, я был лучшего мнения о ее здравомыслии!

-- Эйш, - перебила Аю. - Магия! Никто не тронет вещи, если Фергия не захочет. Попробуй сам.

-- Нет, спасибо, - отказался я и мысленно постучал себя по лбу. Совсем забыл, кого приютил! - Чего доброго, ее сундук мне руку откусит, а то и голову.

То-то она так беззаботно доверила вещи носильщикам. Должно быть, даже пожелай они сбежать с ее багажом, ничего бы не вышло. Может, сундуки потяжелели втрое против нынешнего, может, начали отбиваться и в самом деле кусаться... Поди угадай, что придумала изобретательная волшебница!

-- Пошлю пока кого-нибудь в управу, - вслух подумал я. - Нужно узнать, кто хозяин той халупы и сколько он за нее хочет. Наверняка ведь заломит неслыханно, если узнает, что я ею интересуюсь, а покупательница -- иностранка...

-- Фергия сказала так же, - ответила Аю. - И просила ничего не делать. Она сама узнает. Говорит, ей интересно, как у нас всё устроено. И торговаться она умеет.

-- Посмотрим, - вздохнул я и отправился завтракать.

Вернее, уже обедать: уснуть мне удалось только на рассвете, Аю не стала меня будить, вот и... пропустил всё. Как матушка говорила, я способен даже конец света проспать... С другой стороны, потратил бы я время на уговоры, а Фергия все равно поступила по-своему. Лучше уж не лезть в ее дела, решил я. Но присматривать стоит: мало ли, во что она может встрять по незнанию...

Когда Фергия не вернулась ночевать (с нею вместе испарился и слуга, и лошади), я встревожился. Аю хранила невозмутимое спокойствие, но мне, признаюсь, хотелось отправиться в город искать пропажу. Мне это не так сложно сделать: драконы хорошо различают людей, а уж если это волшебник с сильным внутренним огнем, и вдобавок он не скрывается, то найти его проще простого. Вернее, придется обшарить весь Адмар и пригороды (потому что я понятия не имел, куда занесло Фергию), а это немало. Арастен вряд ли больше, а там мы со старшей госпожой Нарен, помнится, очень долго разыскивали нужное. Правда, в тот раз то была иголка в стоге сена, а Фергия больше походит на факел в глухой ночи, да и Адмар я знаю неплохо, так что должен был справиться...

Она не вернулась и на рассвете, а после полудня явился измученный слуга, привел обеих лошадей, долго рассылался в извинениях, уверяя, что "чужеземная шади, проклятая ведьма, не отпускала к хозяину", и наконец отдал мне записку.

"Вейриш, место отличное! - было написано по-арастенски на листке бумаги, вырванном, похоже, из записной книжки. - Я нашла хозяина, вернее, его вдову, но она упрямее осла. Уверяет, дом проклят, и не желает продавать. Однако мы уговорились, что если я проведу там три ночи, и со мной ничего не случится, она всё же его продаст, и совсем недорого! По-моему, редкая удача! Но ночью у вас на удивление холодно, а топлива нет (не считая мусора, но его не хватило бы), поэтому я вынуждена была оставить вашего слугу при себе, чтобы согреться его теплом. Магию использовать по ряду причин не хотелось. Расскажу при встрече".

Я с подозрением посмотрел на несчастного и спросил:

-- Что делала с тобой шади?

-- Заколдовала, шодан, и не выпускала из проклятого дома! - возопил он и рухнул на колени. - Всю ночь твой ничтожный слуга не мог пошевелить и пальцем, а ведьма... она...

-- Говори же, - подбодрил я.

-- Сперва она пила вино, а потом легла рядом со мной... - ужасным шепотом проговорил он. - И... и...

-- Ну, продолжай!

-- Храпела, как не всякий мужчина может! Я глаз не сомкнул!

Я с огромным трудом сдержал смех.

-- Кстати, - вспомнилось мне, - что такого страшного в том доме? Я впервые слышу о каком-то проклятии.

-- Его хозяин умер страшной смертью, шодан, - шепотом произнес слуга и осенил себя жестом, долженствующим отпугнуть злых духов. - Говорят, он заключил сделку с джаннаем пустыни, но только они всегда обманывают...

-- И что случилось? А главное, когда?

Я в самом деле не помнил ничего подобного. Может, трагедия случилась в мое отсутствие? Но слухи все равно бы дошли...

-- Это случилось еще до Аю-шодэ, - подумав, сказал слуга. - Тогда я был ребенком, а шодану служил мой отец.

-- Прекрасно помню почтенного Уриша, - кивнул я. - Он здоров?

Как тут скроешь свою суть, если в моем доме сменилось не одно поколение слуг и тем более шуудэ, а я вовсе не изменился? Многие мои соплеменники переезжают с места на место, как дядя Гарреш, выдают себя за собственных сыновей и внуков, но моя лень снова сыграла свою роль: я нашел себе подходящий дом, да так больше и не двигался с места, не считая редких заморских путешествий.

Может, когда стану постарше, и меня потянет в дальние края, потому что у меня всё не как у других: начинаю с хвоста, а не головы, так отец говорит. Обычно-то куролесят и странствуют в юности, а уж потом остепеняются, а я... С другой стороны, дядя Гарреш что-то никак не оседает на одном месте, хотя он в несколько раз старше меня!

-- Отец здоров, - ответил слуга и низко поклонился. - Всегда благодарит Вейриша-шодана и просит богов ниспослать ему несокрушимое здоровье и долгие годы жизни...

-- Похоже, его молитвы действуют, - сказал я без тени улыбки. - Встань-ка, Ариш, пойдем со мной в тень. Расскажи мне о проклятом доме.

-- Шодан, я знаю лишь то, о чем болтали женщины. Я спрашивал старших мужчин, но они только качали головами и говорили, что мне рано знать о таком.

-- Ничего, в женских сплетнях тоже можно почерпнуть много интересного, - улыбнулся я. - Говори же, Ариш!

Он помолчал, поправил узорчатую шапочку на макушке, потом вздохнул и начал:

-- Это был очень богатый и красивый дом. Там много воды, потому что бьет родник, а еще есть глубокий колодец, который никогда не пересыхает. Мы другими детьми бегали посмотреть издали на сады, которые росли кругом дома: плодов было столько, что ветви клонились под их тяжестью и свешивались за ограду. Мы подбирали упавшие фрукты, а иногда даже осмеливались сорвать один. Хозяин однажды проезжал мимо и увидел, как я стою на плечах у другого мальчика, чтобы дотянуться до самых крупных слив... - Ариш помотал головой. - Я думал, он изобьет нас кнутом до полусмерти, а он только засмеялся и сказал: снаружи ограды можете собирать, только не ломайте ветки. Мы потом долго не ходили туда, так боялись, но потом всё же пошли. И было, как он сказал: сторож нас видел, но ничего не сказал, только смотрел, чтобы мы не портили деревья.

-- Сады? - удивленно сказал я. - Но сейчас там только чахлая рощица...

-- Да, шодан, - ответил Ариш. - Всё, что осталось от садов. Это когда-то были те самые сливы, с плодами черными снаружи и красными внутри. Я больше никогда таких не видел ни на одном базаре, ни в чьем саду. Но деревья давно не плодоносят.

-- Ладно, продолжай, это интересно!

-- Осталось сказать немного, шодан. Женщины говорили: раньше хозяин дома часто менял шуудэ, а потом всех продал и привел жену. Говорили, это она потребовала, не хотела делить с наложницами ложе мужа.

-- Должно быть, он сильно влюбился, - покачал я головой. Потребовала, надо же! - Или у нее было богатое приданое, пришлось терпеть, а?

-- Про приданое не говорили, - помотал головой Ариш. - Но сама она была очень красивая. И теперь красивая, хоть и старая.

Верно, Фергия же написала о вдове!

-- Так они и жили, - проговорил слуга. - Сперва хорошо, потом не очень. Хозяин как-то даже стегнул кнутом моего приятеля, когда тот замешкался убраться с дороги. Не до крови, но все равно больно. Раньше он никогда так не делал.

-- Да, ты сказал... И что дальше?

-- Одной ночью из пустыни пришел ветер, - сказал Ариш и повторил охранительный жест. - Станный ветер: наши хижины остались стоять, как стояли, только у кого-то унесло занавесь и еще какие-то тряпки, их нашли наутро. А от дома того человека остались только стены, и те потрескались. Нам запрещали смотреть, но мы все же сбегали, и я видел одним глазком: внутри будто джаннай плясал! Ставни и двери выбиты, мебель переломана, подушки испорчены, покрывала изрезаны, посуда разбита вдребезги... и всё это засыпано песком. Тоже странным.

-- В каком смысле?

-- Это был черный песок, шодан, - шепотом ответил Ариш. - Ты сам видел нашу пустыню, бывал в разных ее частях, так скажи: попался ли тебе такой?

-- Нет, - подумав, ответил я. - Всякий видал, и белый, и желтый, и красный, а черного не встречал. Правда, слышал от родственника: такой встречается очень далеко на западе, там, где огненные горы. Может, где-то далеко на юге они тоже есть? Оттуда смерч и принес песок!

-- Тогда почему высыпал его в точности на дом того человека? Нигде больше такого не видели! И разве смерч может уничтожить всё, что было в доме, оставить от сада одни щепки, но не тронуть конюшню и прочее? Животные все уцелели и даже не слишком напугались! А неужели шодан не видел, как лошади бесятся, когда ветер несет песок?

-- Да уж, с некоторыми и не совладаешь, - пробормотал я. - Постой, мы что-то отвлеклись. Хозяин, получается, погиб?

-- Должно быть, так, - развел руками Ариш. - Его не нашли. Только туфлю с его ноги.

-- А жена?

-- Ее отыскали в пустыне, в нескольких часах пути от дома. По следам нашли, - пояснил он, - они начинались прямо от разрушенного дома и вели на восход. Но она не помнила, как там оказалась. Вообще ничего не помнила о том, что творилось в доме. Все решили бы, что это смерч унес ее прочь, ведь случается, что они поднимают даже верблюдов! Но откуда тогда взялись следы?

-- И правда, загадка, - почесал я в затылке. - Выходит, с тех пор вдова живет одна? Или вернулась к родителям?

-- К брату, родители их умерли, - ответил Ариш. - Так и осталась. Кто бы ее взял? Вернее, взяли бы, потому что муж оставил ей много денег, и хранил он их не только в доме. Детей у них не было, родни у мужа -- тоже, и всё досталось вдове. Потому-то брат и не возражал, чтобы она жила у него: зачем отдавать деньги на сторону?

-- Думаю, угадаю, если скажу, что ее и обвинили в том, что она извела мужа.

-- И такое говорили, - кивнул он. - Но она, когда пришла в себя, стала твердить, что муж сам виноват. Что он договорился с джаннаем, и поэтому у него было много золота и такие чудесные сады. Только потом что-то случилось. Может, муж захотел слишком много? Или не пожелал платить джаннаю? Тот ведь мог возжелать эту женщину и потребовать себе на ложе!

-- А когда мужчина отказался, разгневался... - пробормотал я. - Но ладно, сделка с джаннаем -- это понятно. Только почему дом-то считается проклятым?

-- Вдова так говорит, - сказал Ариш. - Уверяет, ее муж не погиб. Он всё еще где-то там, в доме, только выйти не может. И, шодан, это чистая правда!

-- Неужели?

-- Клянусь, шодан, я всю ночь слышал стоны и крики!

-- Ты же сказал, что Фергия-шади храпела.

-- Да, но не всё время! Когда было тихо, я слышал, как кто-то плачет и скребется... - Ариш скрючил пальцы для пущей выразительности. - Будто замурован живо и не может выбраться! За столько лет человек бы точно умер, значит, это дух! Джаннай сделал с ним что-то за обман, и... - он перевел дыхание, облизнул пересохшие губы и добавил: - Шодан, самое страшное, что там нет никаких зверей и птиц!

-- Что им там делать?

-- Там родник, шодан! И пруд! Пускай его почти засыпало, но если выкопать в песке ямку, то вода наберется. Но кругом родника нет следов, совсем нет! И в роще тоже...

-- Да, вот это, пожалуй, странно, - согласился я. - Теперь я понимаю, почему Фергия решила там поселиться!

-- Отговорите шади, шодан! - взмолился Ариш. - Не то с ней тоже случится что-нибудь ужасное!

-- Не станет она меня слушать, - отмахнулся я. - Скажи-ка, они правда договорились с вдовой? Фергия написала, но без подробностей.

-- Да, шодан. На три ночи, а потом, если шади останется жива и здорова, вдова продаст дом и то, что осталось от сада, почти за бесценок. Всё равно там никто не хочет жить, а она так в первую очередь!

-- Но, судя по всему, первую ночь Фергия сладко проспала... - пробормотал я.

-- Да, шодан, - вздохнул Ариш и добавил с заметной обидой: - У нее был ковер. А у меня только попона!

Упоминание о злосчастном ковре заставило меня улыбнуться, но я тут же принял серьезный вид, не то Ариш решил бы, что я насмехаюсь над ним.

-- А чем она занималась целый день кроме торговли с вдовой?

-- Покупала лошадей, шодан.

-- И как успехи?

-- Купила, - вздохнул он. - Я говорил ей не брать такую, но шади не стала слушать!

-- Таковую -- это какую? - насторожился я.

-- Дикую, - пробормотал он и выразительно потер плечо. Очевидно, приобретении Фергии кусалось. - Долго спорила со старой бардазинкой, но все-таки сторговалась.

-- Только не говори, что у этой лошади короткая грива и полоски на шее, - с содроганием произнес я.

-- Шодан догадался? - горько спросил Ариш. - Да, именно такую тварь купила эта бешеная шади! Прости, шодан, это твоя гостья, но она... она...

Он развел руками, отчаявшись подобрать слова. Я, впрочем, тоже затруднялся найти подходящее определение поступку Фергии, потому что... Потому что покупать коня у бардазина -- это нужно либо вовсе ничего не понимать в лошадях, либо разбираться в них лучше Аю. Я склонялся к первому варианту: вряд ли Фергия прежде сталкивалась с этим народом, а потому, заметив ее страсть ко всему необычному и любовь поторговаться, опытная торговка легко обвела ее вокруг пальца!

Бардазинские лошади обычно встречаются трех типов. Первый -- это ослепительно красивые скакуны, на которых разъезжают самые богатые кочевники пустыни, и за которых знатные адмарцы готовы отвалить немислимые деньги. И очень зря, потому что к изумительным статям и необычным мастям прилагается скверный характер -- эти лошади обычно очень норовисты, и сладить с ними по силам только тем, кто знал их с жеребчества. Есть, конечно, уникамы, способные справиться с ними, но я знал только двоих таких.

Второй тип -- тоже очень красивые кони более покладистого нрава, которых разводят нарочно для продажи. Они также бывают подлыми и злобными, но в руках опытного наездника делаются шелковыми. Главное -- не давать им застаиваться, не то потом не совладаешь.

Первого типа это тоже касается.

А вот третьи... Третьих я видел всего несколько раз. Судя по их характерной внешности, среди их предков затесались дикие лошади, которых хватает на другом краю пустыни, где начинается саванна. Впрочем, что значит -- затесались? Я слышал, кобыл в охоте нарочно отпускают, чтобы их покрыв дикий жеребец! На севере так поступают с некоторыми охотничьими собаками, к слову.

Они выносливы, но не настолько, как верблюды, конечно. Пустыню пересечь могут, но целый табун так не погонишь, да и зачем? Бардазины держат их там, в саванне. Это для них и мясо, и молоко, и шкуры...

Аю говорила, в степи тоже есть такие лошади, полудикие, которые живут в табунах, и которых собирают, только чтобы доить или отбирать на мясо. Всегда этому поражался: степь от саванны отделяет громадное расстояние, а обычаи невероятно схожи!

Она, помнится, тоже хотела такую лошадь, и я даже искал, но не нашел: бардазины два года не появлялись в Адмаре, потому что стояла великая сушь, и они, видно, решили откочевать в другие места, а то и вовсе остаться в саванне. А когда они все-таки вернулись и поставили шатры в дневном переходе от города, рядом с небольшим оазисом, среди их лошадей, как нарочно, не оказалось подходящей. Вернее, было несколько, но они показались мне слишком уж опасными. К тому же, мне их продать не пожелали, предложили других, верховых красавцев, и я даже купил одного. Но Аю осталась без дикой лошади.

А Фергии повезло наткнуться именно на такую! Не представляю, зачем бардазины повели с собой дикую скотину в город (перепугавшись шума, она могла разнести половину базара!), да еще решили продать... Впрочем, может, они и не собирались этого делать, но разве Фергию Нарен остановишь?

"Вся в мать", - сокрушенно подумал я. У той тоже была слабость к страхолюдным злющим лошадям. Будем надеяться, эта никому ничего не откусит...

-- Хорошо хоть, верблюд смирный, - сказал вдруг Ариш, и я потерял дар речи, а когда обрел, выговорил:

-- Зачем ей верблюд?

-- Откуда же мне знать, шодан? Шади сказала -- вдруг придется ехать в пустыню. Пусть будет. Тоже бардазинка продала, - добавил он с неудовольствием. - Уверяла, мол, белый -- счастливый. Только, по-моему, он от старости седой, а вовсе не белый...

"Фергия становится заправской кочевницей, - подумал я. - У нее есть ковер, из которого можно соорудить шатер, верблюд и дикая лошадь. Не хватает только мужчин для тяжелой работы. О, кстати!"

-- А слугу она наняла?

-- Нет, шодан, вчера обходилась мной, - еще тяжелее вздохнул Ариш. - Сказала, попозже наймет. Это если кто-нибудь согласится жить в проклятом доме с чужестранной шади, которая к тому же ведьма!

-- Почему ты ее так называешь?

-- Я видел, как она колдовала, шодан! - с содроганием произнес он. - Как песок сам собой исчез из дома, как сгорел весь мусор, как родник забил сильнее... И меня она зачаровала, я ведь говорил!

-- О, конечно, - вспомнил я. - Ты так занимательно рассказывал о проклятом доме, что я и позабыл об этой мелочи. Не бойся, Фергия-шади не причинит тебе зла. Она помогает людям.

-- Лечит? - с опаской спросил Ариш.

-- Нет... Хотя умеет, наверно, - вспомнил я ее мать. - Она раскрывает тайны. За деньги.

-- Да, шодан? А я слышал, как на базаре шептались, что она навела на сварливого Итиша порчу, и у него товар пропал. Правда, - добавил он справедливости ради, - другие говорили, что это вранье, а Итиша хочет разорить его родной брат, чтобы самому торговать коврами, а не отдавать их Итишу. Тот ведь задирает цену, брату платит, как уговорено, а разницу-то оставляет себе!

"Что ж, похоже, план Фергии действует", - подумал я и отпустил слугу восвояси. Съездить, что ли, удостовериться, что она цела и невредима? И что в развалинах старого дома не обитает какая-нибудь тварь... Не знаю, что именно умеет Фергия, но взгляд дракона точно лишним не будет!

Правда, я решил подождать до вечера: если она уехала на базар, то вернется поздно, это уж как пить дать. Да и жарко сейчас...

б.

Разумеется, я никуда не поехал, потому что Аю сказала: "Не мешай". Признаюсь, я с большим облегчением остался дома, хотя и проверить, как дела у Фергии, хотелось. И узнать, что не так с этим домом, тоже.

К середине следующего дня исследовательский зуд сделался нестерпимым, и я приказал седлать коня. Предложил Аю поехать со мной, но она только покачала головой и сказала: -- Эйш меняется.

-- В каком смысле? - удивился я.

-- Эйш становится любопытным, - пояснила она. - Давно уже не было. Это хорошо.

А и правда, подумал я, когда мне в последний раз доводилось совать нос не в свое дело? Кажется, это было... это было... Очень давно. Впрочем, я с детства не великий любитель всяческих слухов и сплетен. А что до приключений: одно дело -- наведаться в Арастен и закрутить роман с дамой полусвета, а другое -- копаться в чьих-то поросших бильем историях... Но ведь тогда, в Арастене, мне было интересно! Я таскался за госпожой Нарен, помогая ей искать неведомо что, даже версии предлагал, строил предположения, пускай и нелепые... И всерьез думал сам заняться расследованиями, да только вернулся домой, снова размяк на жару и забыл обо всем, кроме Аю.

"Климат мне не подходит, что ли? - мелькнуло в голове. - Прохлада-то бодрит!"

-- А тебе разве не любопытно? - спросил я. - Или ты уже... увидела?

-- Аю не знает, что было в том доме, - ответила она. - Аю тогда не было здесь, и она не умеет видеть прошлое. Эйш расскажет, когда выяснит.

-- Но почему ты не хочешь поехать со мной? Тебе же нравится Фергия!

-- Аю будет мешать.

-- Чему? - поразился я. - Если ты намекаешь, что я мог бы с ней... То есть...

-- Не это, - улыбнулась Аю, и ее раскосые глаза превратились в щелочки. - Просто Аю не умеет колдовать. Эйш понимает?

Кажется, это следовало расценивать, как предостережение. Правильно! Сегодня же третья ночь, а обычно что-то случается именно ближе к концу испытания! А может, уже случилось, только Ариш не понял, а Фергия мне не написала.

-- Вроде бы понимаю, - произнес я.

Аю права: нам с Фергией может прийти туга, а ей самой без защиты там просто опасно! А если мы станем отвлекаться и прикрывать Аю, то... ничего хорошего не выйдет для всех нас.

-- Пусть Эйш будет осторожен, - сказала она.

-- Что, опять... то самое?

-- Нет, не оно. Того нет нигде поблизости. Аю всегда говорит, если оно рядом!

-- Что же тогда?

-- Аю не знает, - снова улыбнулась она. - Эйш сам увидит. Потом скажет, было страшно или нет.

-- Ладно... - пробормотал я, а Аю добавила:

-- Если Эйш захочет Фергию, Аю не будет против.

-- Я вовсе не собирался!..

-- Только пусть Эйш ведет себя хорошо, - перебила она. - Аю не нужен муж-ящерица!

-- Я понял намек, - пробормотал я. В самом деле, к магам, особенно, если они из семейства Нарен, лучше не приставать, а то превратят во что-нибудь неаппетитное, а расколдовать не смогут. Или сделают вид, что не могут, с них станется. - И, повторяю, вовсе я не собирался с ней заигрывать. Она вообще не в моем вкусе! Мне просто... ну...

-- Интересно? - подсказала Аю, привстала на цыпочки и поцеловала меня. - Эйшу пора ехать. Солнце уже низко.

Да уж, мешкать не стоило: темнеет в наших краях быстро... Я, однако, приехал к заброшенному дому засветло, и первым, что попало мне на глаза, был белый верблюд. Он задумчиво объедал жухлые ветки в рощице и не обратил на меня никакого внимания. По-моему, Ариш угадал: этот зверь был старше Фергии!

Чуть поодаль в тени были привязаны два ишака, стояла телега -- крепкие парни сгружали с нее какие-то тюки и таскали поближе к дому. Они явно торопились успеть до заката, а потому работали дружно и споро.

Фергия сидела на камне на самом солнцепеке и благодушно наблюдала, как обливаются потом крепкие мускулистые грузчики. Наверно, ей ничего не стоило разгрузить телегу при помощи магии, но утруждать она не собиралась. Или же решила последовать примеру матери и не пользоваться способностями по пустякам.

Рядом с Фергией стояла громадная корзина с разноцветными сливами, которые она и поглощала с большим аппетитом, метко плюясь косточками в засыпанный пруд.

Завидев меня, Фергия помахала и жестом пригласила присоединиться.

-- Вам дурно не делается? - не удержался я и, оставив выученного коня, подошел ближе.

-- С чего бы? - удивилась она. - Вкусно. Попробуйте вот эти, желтые в крапинку -- необыкновенно душистые и сочные!

-- А черных с красной сердцевинкой нет? - вспомнил я вдруг слова Ариша.

-- Нет, - ответила Фергия, ничуть не удивившись. - Весь базар обошла, никто такими не торгует.

И не выращивает. Были, говорят, да все кончились, когда джаннай этот вот сад уничтожил.

Тогда и у остальных такие деревья повысохли, все разом, ничего на развод не осталось. Жаль, я бы попробовала...

Она прикрыла глаза и процитировала, должно быть, торговца:

-- Плоды крупные, крепкие, иссиня-черные и блестящие, как груди мархайских девственниц, а мякоть красная, сочная и сладкая, как...

-- Не продолжайте, я догадался, с кем вы беседовали. Дядюшка Ушах решительно всё сравнивает с женщинами и их достоинствами.

-- Что, даже корнеплоды? - Фергия фыркнула, едва не заплывав меня сливовым соком. - Я видела какие-то, не знаю названия, с локоть длиной...

-- У него крайне богатое воображение, - заверил я, покосился на нее и осторожно поинтересовался: - Вы не опасаетесь обгореть?

-- Маг я или кто? - вполне ожидаемо ответила она. - К тому же я люблю солнце и, как видите, под одеждой отнюдь не нежна и белоснежна.

Да, я видел, и еще как... Фергия красовалась в одной вышитой жилетке на голое тело, небрежно застегнутой на груди, и высоко закатанных тонких полотняных штанах. Я прекрасно мог рассмотреть ее загорелые руки и коленки (на одной белел шрам)... Рабочие тоже, к слову, поглядывали в эту сторону. И, уверен, делали бы ограждающие от скверны знаки, если б у них не были заняты руки.

-- Этак вас перестанут называть белой ведьмой, - сказал я зачем-то.

-- А что, уже начали? - обрадовалась она. - Я не ведьма, конечно, хотя владею кое-какими их приемами, ну да без разницы... Неважно, как прозовут, лишь бы на слуху было! Что до кожи... я все равно светлее большинства местных. Забавно: в Арастене я казалась черной галкой, а здесь... белой вороной, иначе не скажешь!

-- Фергия, вы всегда так оптимистично настроены? - спросил я.

-- Отнюдь, - ответила она несколько невнятно, потому что красная слива с трудом поместилась ей в рот, и сок теперь капал с подбородка на грудь и на жилетку. - Но какой смысл изображать саму мрачность, если настроение и впрямь недурное?

-- Это вы на свою матушку намекаете?

-- Она не изображает, - помотала головой Фергия, и черная блестящая коса метнулась по ее спине, как змея. - Она правда такая. Может, в моем возрасте была помягче, но с годами...

Она развела руками, потом облизала липкие от сока пальцы и встала.

-- Пойду отмоюсь. Хорошо, тут нет ос или пчел, иначе пришлось бы отбиваться.

-- Это уж точно, - согласился я, следуя за ней к роднику. - Кстати, не ходите босиком. Тут и змеи, и другие ядовитые твари попадают.

-- Нет здесь никого, - ответила Фергия, отфыркиваясь. - Я проверила. Знаете, на северных островах тоже хватает всяких... гадов. И в лесу, и в скалах на взморье. Наступишь -- не обрадуешься! Я уж молчу о диких пчелах и прочей кусачей мелочи. Но в округе нет даже мух. Ладно мои сливы, но вы посмотрите на животных -- стоят спокойно, лишний раз хвостом не взмахнут!

Я вынужден был согласиться.

-- А раз нет насекомых, - продолжила она, жестом предложив мне напиться и умыться, - то нет никого, кто ими питается: ни птиц, ни ящериц, ни прочих тварюшек. И зверей покрупнее, которые едят всякую мелкоту, тем более. Правда, удивительное место?

-- Проклятое, - добавил я. Вода в роднике показалась мне на удивление чистой и вкусной.

-- Об этом я уже слышала, - отмахнулась Фергия. - Но, как ни крути, две ночи я здесь провела и, как видите, живее всех живых! Интересно, что случится сегодня?

-- А вы полагаете, что-то должно произойти?

-- Обязательно, - сказала она. - Если нет, я огорчусь. То есть дом-то всё равно куплю, но без страшной тайны это уже немного не то.

-- Вы уже разузнали, что тут случилось?

-- Конечно. Вдова хозяйина такого нагородила, что у меня голова кругом пошла! Но, может, вы дополните? Соберитесь пока с мыслями, а я отпущу этих несчастных и вернусь...

Возчики, судя по всему, настолько рады были убраться из этого дивного места до захода солнца, что даже не торговались, взяли столько, сколько им отсчитала Фергия, да и были таковы.

Ну а я, когда она вернулась и снова уселась на камень рядом со мной, пересказал всё, что поведал мне Ариш.

-- Сходится, - кивнула Фергия, дослушав, - но не полностью. Хозяйка явно не договаривала. И она действительно боится этого места, настолько сильно, что за много лет ни разу не вернулась сюда, чтобы оплакать мужа. И брата умолила не переступать порога... Он, впрочем, не горел желанием.

-- А как она это объяснила? - любопытствовал я.

-- Из ее обмолвок я поняла вот что: когда-то давно, еще до женитьбы, ее муж заключил сделку с джаннаем. Чем платил, неведомо, но джаннай всячески помогал в торговле, сад вырастил, опять же... с черными сливами. В этой части всё совпадает с рассказом вашего слуги.

-- Что же отличается?

-- Кажется, после женитьбы отношения хозяина с джаннаем испортились, - ответила Фергия, поправив съехавший с макушки платок. Правильно сделала, даже вечернее солнце опасно. - Правда, какую роль в этом сыграла супруга, я понять не смогла. Может, захотела что-нибудь такое, чего джаннай добыть не сумел? Или решила выпросить нечто в обход мужа, и дух рассердился?

-- Пойдите, Фергия, - поднял я руку. - Вы так запросто рассуждаете о джаннаях, будто не сомневаетесь в их существовании! Я вот не уверен, что они...

-- Тише! - она зажала мне рот и оглянулась по сторонам. - Вдруг услышат и обидятся? А мне с ними еще жить бок о бок невесть сколько лет!

-- Вы меня разыгрываете, - уверенно сказал я, отстранившись. Ладонь ее, несмотря на умывание, осталась липкой и сладкой, и я ощущал вкус сливового сока на губах. - Арастенцы не верят в подобное!

-- Ха... - загадочно произнесла Фергия. - Мама с отцом точно верят. Сталкивались, едва живыми ушли. Да и на севере водится... всякое. По большей части в море, но если считать пустыню сухим морем, то разницы нет. Я как-то привыкла договариваться с обитателями глубин, чтобы берегли корабль. И с теми, кто живет в небе, -- чтобы не рвали снасти и помогли с попутным ветром... Как странно, Вейриш!

-- Что именно?

-- Вы живете в окружении чудес, но попросту их не замечаете! - воскликнула она. - Хотя вы-то, казалось бы, должны видеть намного больше обычных людей!

-- Наверно, я просто привык ко всему этому, - пожал я плечами.

Слова Фергии были мне... Да, пожалуй, неприятны. Неужто я в самом деле утратил не только интерес к жизни, но и дар, который особенно хвалил дядя Гарреш: способность замечать маленькие чудеса? Пускай даже это всего лишь травинка в каплях росы, а не огненный джаннай, но... Давно ли я любовался садом на рассвете?

Выходило, что очень давно. Отчего так? Прежде я готов был вылететь затемно, чтобы встретить рассвет в небе и застать длинные легкие облака, белые, нежно-розовые, золотистые, похожие на перья сказочных птиц, - они исчезнут, едва только встанет солнце, - а теперь частенько просыпался к обеду. Раньше я всю ночь мог кружить в небе, чтобы дожидаться падающих звезд и насмотреться на них на год вперед, и огорчался, если их оказывалось слишком мало, а теперь вовсе не вспоминал о них... Когда-то я любил лежать на берегу и рассматривать прибор -- в его пене мне чудились белогривые кони и драконы, и прекрасные морские девы... Теперь летал разве что искупаться. А пустыня? Я же часами наблюдал за тем, как меняются барханы под незаметным вроде бы ветром!

Мне не нужны были дальние странствия, я и рядом с собой видел столько удивительного, что хватило бы не на одну не то что что человеческую, а и драконью жизнь! Когда же всё это исчезло? Вернее, когда я перестал замечать эти маленькие чудеса? И, главное, почему?

"Быть может, в тот миг, когда ты оказался отмечен проклятием, - подумалось мне почему-то. - Когда Аю сказала -- в небе и в море ждет смерть. Нет, глупости! Земля-то осталась безопасной, она говорила. Значит, дело в другом. Но в чем? Как понять?"

-- Что это вы помрачнели, Вейриш? - негромко спросила Фергия.

-- Задумался о странном, - ответил я.

-- Не расскажете?

Я молча покачал головой. О чем говорить, если я сам не понимаю, что происходит?

-- Давайте лучше об этом доме, - предложил я, чтобы сменить тему. - Как по-вашему, что тут произошло?

-- Понятия не имею, - честно ответила Фергия. - Слишком много лет прошло. Что не было разрушено сразу, развалилось от времени. Но, что характерно, ничего не украли.

-- Уверены?

-- В горах мусора валялись довольно дорогие побрякушки. Не золотые, бронзовые и серебряные в основном, некоторые позолоченные, и не с драгоценными камнями, но всё равно красивые, хорошей работы. Наверно, остались от шуудэ. Неужто бы их не растащили?

-- Непременно уволокли бы. Те же любопытные мальчишки вроде Ариша или даже ребята постарше, чтобы продать за медяк-другой.

-- А их не тронули, - задумчиво произнесла Фергия. - Там еще много всякого, чем можно поживиться. Например, двери и мебель разбиты, но далеко не в щепки. При желании можно

наковырять относительно целых кусков. Если не ошибаюсь, красное и тем более золотое дерево дорого стоят?

-- Еще бы! Даже небольшие кусочки используют для отделки и украшений.

-- Ну вот. Сами можете взглянуть, сколько таких кусочков там осталось, - кивнула она в сторону дома.

-- Ариш сказал, вы сожгли то, что здесь валялось.

-- Только истлевшие тряпки и прочий мелкий сор. В остальном решила порыться. Там, под песком, даже свиток заваялся, только я не знаю этого языка, а документ такой хрупкий, что того и гляди рассыплется в пыль. Но это не страшно, я же маг, так что сохранить его могу, а с языком после разберусь, - улыбнулась она. - В тайниках пусто, я проверила, какие удалось отыскать сходу, но, может, на полу еще что-нибудь ценное обнаружится. Что касается деревяшек -- зачем жечь их зазя? Дрова, даже какие-то колючки, тут дорожные, а топить сушеным навозом я пока морально не готова.

-- А ночью вы ничего странного не заметили? Ариш говорил...

-- Этот ваш Ариш даже под заклятием так дрожал от страха, что спать мне не давал! - перебила Фергия. - Но вообще-то я слышала вой. Только не в доме, а в отдалении. Наверно, зверье какое-то пустынное. А может, собаки. Тут звук хорошо разносится, если ветер со стороны города, то запросто можно услышать.

-- Зачем вы вообще его заколдовали? - спросил я, решив не упоминать о храпе. Если злопамятность у Фергии тоже фамильная, лучше не давать ей поводов.

-- Так он ведь порывался сбежать... в смысле, вернуться к вам и бросить меня в этой дыре одну-одинешеньку!

-- Неужто вам тоже бывает страшно?

-- Не в этот раз, - сказала Фергия. - Но что бы я стала делать поутру без лошади? Он же не хотел оставлять мне ни одной! Идти пешком до вашего поместья или до города? Или ждать, пока вы решите меня проведать? Вот уж увольте.

-- Не проще было убедить его оставить вам коня?

-- Проще, конечно. Но мне хотелось узнать, что станет с обычным человеком, если он заночует в доме, - призналась она. - Выжил, как видите. И не хмурьтесь так, Вейриш! Я же была с ним, а я...

-- Маг, я помню. Только вы благополучно уснули! И что стало бы с Аришем, да и с вами тоже, реши вдруг какой-нибудь обитатель пустыни вами закусить? И я не имею в виду шакалов!

-- Вообще я не спала, - обиделась Фергия. - Я была начеку!

-- А храпел кто? - не выдержал я. - Ариш сказал, не всякий мужчина так...

-- Если вашему Аришу померещился вой, плач и стоны, то отчего вы полагаете, что и мой храп он не выдумал? - ядовито спросила она. - Может, это лошадь фыркала.

Я сдался. Спорить с Фергией Нарен было еще хуже, чем с Флоссией. Хотя бы потому, что последняя не давала поводов для спора, она просто говорила, что делать, а чужое мнение ее не интересовало.

-- Идемте в дом, - сказала Фергия. - Сами взглянете на это пристанище скорбного духа или как там его... Погодите, обуюсь только. Змей там нет, а вот на щепку я босой пяткой уже наступила. Дом -- это громко сказано. От когда-то роскошного строения остались только стены, внутри гулял ветер.

-- Тут должен быть подвал, - сказал я, оглядевшись.

-- Уверены?

-- Конечно. Где припасы-то хранить? К слову, снаружи нет ничего похожего на лаз? Службы давно развалились, вот в их обломках можно поискать.

-- Если лаз и был, его песком занесло, - ответила Фергия. - Но это не проблема, я его в один миг подниму. "Воздушный вихрь" - знаете такой фокус?

-- Да, помню, ваша матушка им пользовалась. Но погодите, сперва здесь посмотрим. Построено по старинке, так что кухня и вход в погреб должны быть вот в той части!

-- Только она вся обвалилась, - приземлила меня Фергия. - Разбирать камни долго. Ну... если только вы не превратитесь.

-- Нет, увидят еще, - отказался я. - Те двое не настолько далеко отъехали и наверняка оглядываются, и на фоне неба отлично меня разглядят.

-- Так подождем, пока стемнеет, уже недолго осталось. Впрочем, не хотите -- не надо, - махнула она рукой. - Сейчас найду пустоту под полом да пробью дыру. Дел на пару минут, вас упрашивать дольше. Но прежде, чем я начну, скажите, что мы хотим найти в этом подвале? Я открыл рот, но не нашелся с ответом. А правда, что? Закованного в цепи хозяина, превращенного джаннаем в чудовище, вечно голодное, способное вырвать сердце даже у любимой жены и сожрать его, живое и трепещущее? Или нечто более правдоподобное?

-- Так или иначе, взглянуть стоит, - заключила Фергия, сосредоточилась, и...

Я видел, как колдует ее мать, и выглядело это совершенно иначе. Тогда никаких внешних проявлений (кроме действия самого заклятия) я не замечал, а сейчас явственно видел пляшущие на кончиках пальцев Фергии язычки синего пламени. В сгущающихся сумерках они были особенно хорошо заметны.

Что-то ухнуло, дом содрогнулся, а я вовремя попятился, иначе с корнем вырванная (иначе не скажешь) каменная плита придавила бы мне ноги. Я бы от этого не умер, но всё равно приятного мало.

-- И кто первый туда полезет? - спросила Фергия, с любопытством заглядывая в зияющую черную дыру. Оттуда пахло затхлым воздухом. - Готова уступить вам эту честь, как мужчине. Тем более, как я уже усвоила, здесь женщинам вообще не положено соваться вперед.

"Тот, кто придумал этот закон, - пришло мне на ум, - вряд ли думал о ловушках, разных чудовищах и прочей дряни. И о том, что иногда лучше пропустить вперед мага, неважно, какого пола!"

-- Лучше вы, - сказал я вслух. - Я порядком обленился за эти годы и могу вляпаться в самую обыкновенную ловушку, даже не волшебную. А я вас подстрахую.

Судя по взгляду Фергии, ей очень хотелось взять меня за шиворот и скинуть в эту дыру, но она сдержалась. И на том спасибо.

-- Что ж, давайте веревку, - сказала она.

-- Где я ее вам возьму?

-- Дожили... - проговорила Фергия сквозь зубы, вышла и вскоре вернулась с барадзинским арканом. Не иначе, на нем и привела ту самую дикую лошадь, которую я, кстати, еще не видел. Может, она вырвалась и ускакала прочь? Это было бы наилучшим вариантом! - Держите крепче. Отпустите -- я за себя не ручаюсь!

-- Там негде заблудиться, а свет вы можете наколдовать, - примирительно произнес я, намотав на кулак жесткую веревку. Из верблюжьих колочек ее плели, что ли?

-- Если там что-то или кто-то обитает, мне будет не до света, - ответила она. - И не до того, чтобы спотыкаться о сундуки или что там внизу свалено, в поисках выхода! Так что, Вейриш, лучше держите веревку как следует, усвоили?

Возражать я не рискнул.

Фергия засветила огонек-спутник, отправила его вниз, а сама легла на живот и внимательно взгляделась в глубины подвала.

-- Тут одна рухлядь, - сказала она. - Погляжу, что дальше...

С этими словами она села, спустила ноги в дыру и соскользнула вниз. Я едва успел вытравить веревку.

-- Порядок, Вейриш! - раздалось снизу. - Но вы не теряйте бдительности, мало ли...

Прошло довольно много времени, прежде чем из дыры вылетел огонек спутник, а Фергия подергала за веревку, намекая, что недурно было бы помочь ей подняться. Подвал был довольно глубокий, она доставала до нижнего края дыры только кончиками пальцев, невзирая на высокий рост. Я предложил ей подвинуть сундук и встать на него, и она послушалась. Правда, следом раздался грохот и ругань -- истлевший сундук не выдержал тяжести Фергии, а она не сообразила его зачаровать. Хорошо еще, ничего себе не повредила...

Словом, пришлось вытаскивать исследовательницу... гхм... как получилось, в том числе ухватив за шиворот (хорошо еще, застежка на жилетке выдержала). И, надеюсь, я не насажал Фергии синяков.

-- Скелетов там нет, - сказала она, отряхнувшись. - Вообще ничего нет. В той части, что была под кухней, наверно, впрямь хранились припасы, но за столько лет всё истлело. Ну или мумифицировалось. Как думаете, Вейриш, такое мясо можно есть?

Она сунула мне под нос что-то черное, сморщенное, и я отшатнулся от неожиданности.

-- Еще я нашла кувшины, - продолжила Фергия. - В запечатанных масле, но оно прогоркло. Хотя, может, не во всех, я только парочку откупорила. Вину тоже не поздоровилось, а жаль... Такая была бы выдержка!

-- Не отвлекайтесь, - попросил я.

-- Да от чего там отвлекаться? В этой части дома, - она постучала бывшим куском мяса по полу, - видимо, хранились какие-то товары. Даже не берусь предположить, что именно. Большая часть сундуков пуста. Тайники внизу тоже есть, я нашла несколько, но и в них ничего. Ни золота, ни драгоценных камней, ни даже магических амулетов.

-- Может, в земле что-то закопано?

-- Нет, я проверила. Так что зря слазила, - заключила Фергия и принялась сматывать веревку. - Ну да ладно. Зато теперь вход в подпол там, где мне удобно! Нужно только сделать люк и нормальную лестницу.

-- Вы так уверены, что дом достанется вам? - хмыкнул я.

-- Конечно. Иначе зачем мне затевать всё это?

-- Смотрите, если всё обойдется, и вдова уверится, что дом безопасен, то задерет цену до небес! Тут есть источник, а только за него можно требовать больше, чем стоит эта развалина и земля вокруг.

-- И еще сад, - напомнила Фергия.

-- Вы о той роще?

-- Я предпочитаю считать ее садом. За ним, конечно, давно не ухаживали, но если деревья ухитрились выжить, значит, при должной заботе снова порадуют хозяйку урожаем, - заявила она. - Надо будет наладить полив. Похоже, здесь имела система орошения, да только приказала долго жить. Ничего, колодец есть, водяная жила сильная, а остальное устроить несложно...

Фергия помолчала, потом сказала:

-- Уже темно. Давайте костер разведем. Спать сегодня не стоит даже по очереди, так что будем сидеть у огня и травить байки.

-- Идет, - согласился я, - только сперва перекусим. Я привёз кое-что, Аю собрала...

-- У меня тоже провиант имеется, - Фергия потерла руки. - Вот и сварим похлебку, милое дело после хлопотного дня!

-- Только не кладите туда эту подметку тридцатилетней выдержки, - искренне попросил я.

-- Какую подметку? А! Нет, что вы, я оставлю ее на память. Пригодится посетителям пугать, - и Фергия лихо заткнула бывший кусок мяса за пояс на манер кинжала.

-- Кстати о посетителях, - сказал я, помогая складывать костер. Видно, сегодня здесь побывала не одна телега, топлива привезли порядочно. - Я слышал, вас обвиняют в том, что это вы испортили ковры Итиша.

-- Кто бы сомневался, - пожалла плечами Фергия, исчезла в темноте, загрохотала котелком, потом ругнулась и засветила огонек-спутник. - Люди на редкость предсказуемы. Но есть и другая версия.

-- Да, знаю.

-- Если вы хотели спросить, не обращался ли ко мне Итиш, то вам это должно быть известно лучше, чем мне, - выдала она, пристроив на камнях над огнем полный котелок воды. - Я же сказала, что искать меня нужно у вас.

-- Но вы вчера и сегодня на базаре и могли увидеть его там.

-- Я и видела. Только не разговаривала. Сколько раз мне нужно повторить, чтобы вы запомнили, Вейриш? Я не берусь за дело...

-- Если вас об этом не попросят, - закончил я. - Понятно. Ну что ж, вы это придумали, вам и разбираться.

-- Будто я возражаю... - Фергия сыпанула в котелок, вода в котором закипела как-то слишком уж быстро, щедрую пригоршню специй. По округе поплыл чарующий пряный аромат. - Всему свое время, Вейриш. Всему свое время...

7.

Ночное небо сияло мириадами звезд, и я смотрел на них, отыскивал знакомые созвездия и показывал Фергии. У них на севере небо совсем другое, там не видно даже Большого Венца,

огромного и яркого, лишь звезда, украшающая самый длинный его зубец, летом показывается над горизонтом.

-- Здесь звезды просто-таки огромные, - сказала Фергия, потеряв уставшую шею и сев ровно. - Так и кажется, что вот-вот свалятся на голову! Наши поменьше, хотя некоторые, пожалуй, ярче. -- Что, ярче даже Глаза Дракона? - невольно обиделся я и указал на ослепительную звезду в самом зените. Самого Дракона еще не было видно, целиком он поднимется на небо лишь после полуночи.

-- Если сравнить Северную звезду на фоне северного же неба и этот ваш Глаз на фоне южного, то наша выиграет, - заявила она и улыбнулась. - Ну же, Вейриш, не обижайтесь. Я слышала, у вас тут случаются дивные звездопады. У нас тоже бывают, но редко, а небо часто затянуто тучами, поди разгляди что-нибудь! Если только подняться над облаками, но для этого нужно быть драконом...

-- Я так делал, - сказал я неожиданно для себя самого. - Давно. Думал, вдруг получится поймать падающую звезду?

-- У меня есть, - похвасталась она.

-- Да что вы?

-- Правда! Конечно, я не в полете ее поймала, а нашла в том месте, куда она упала. Потом покажу, в темноте вы все равно ничего не разглядите. Да и нет в ней ничего особенного, оплавленный камешек с вкраплениями металла. Они только в полете красивые, - вздохнула Фергия. - Словом, я жду звездопада. Еще ведь рано, да?

-- До первого еще месяца два, а то и больше.

-- Чудесно, я как раз обживусь и смогу любоваться небом, сидя на террасе с чашечкой ойфа в руках, - улыбнулась она. - Но вы не ухмыляйтесь так довольной, Вейриш, у меня есть, чем побить ваш козырь... На юге не бывает северного сияния, вот вам! Видели хоть раз? Я кивнул. Видел, а как же... Долго не мог закрыть рот от изумления.

-- Так что один -- один, - добавила Фергия.

-- Два -- два.

-- То есть?

-- Один -- один уже было, - напомнил я.

-- И правда что... - засмеялась она и разлеглась на песке, закинув руки за голову. - Мама с отцом тоже когда-то так считались. Правда, на более серьезные вещи. Жизнь там и всё такое...

-- Фергия, - произнес я, - мне очень неловко спрашивать, но... кто ваш отец? Я имею в виду, кто отважился... гм... покорить вашу матушку?

-- Вы шутите, что ли? - она приподнялась на локте, чтобы увидеть мое лицо.

-- Не думаю даже, действительно не знаю!

-- Что, и Гарреш не проговорился? Он-то в курсе, уверена...

-- Может, он и упоминал, да я забыл, - сконфуженно ответил я. - Мне было не до того, я думал, как бы уговорить Аю стать моей.

-- Тогда, конечно, вам простительно, - вздохнула Фергия. - Мой отец -- Лаур Лауринь. Вы должны его помнить, он был капитаном гвардии.

Еще бы я не помнил! Именно он преданно следовал за госпожой Нарен по пятам, с нею они оказались на том острове... Я потряс головой, чтобы воспоминание не вызвало очередного видения. Этого сейчас только и не хватало!

Однако... Ни за что бы не подумал...

-- Был? - зачем-то переспросил я. - А теперь он...

-- Жив, - коротко ответила Фергия.

-- В вашей семье это уже достижение...

-- И не говорите, - вздохнула она. - А так... он давно уже полковник, но генералом вряд ли станет, очень уж характер скверный. Его несколько раз понижали в звании, потому что...

-- Слишком принципиальный? - вспомнил я молодого капитана.

-- Не то слово. Упрямый вдобавок. И с начальством не всегда ладит. Вернее, всегда не ладит. Но, - добавила Фергия, - поскольку он вхож к Его величеству, то все эти скандалы, интриги и прочее подобное -- игра на публику. Ему просто хочется заниматься настоящим делом, а не кабинетной работой. Она, конечно, тоже нужна, но далеко не все к ней расположены. Отец хорош на своем месте, и Его величество это знает. Может, с годами и заставит его принять

генеральский чин, но, думаю, это случится еще не скоро. Подозреваю, в собственный начальственный кабинет отца придется заносить на носилках, своими ногами он не пойдет.

-- А вы с ним... гм... в хороших отношениях? - осторожно спросил я, пытаюсь сопоставить возраст Фергии и Лауриня. Выходила какая-то ерунда, если честно.

-- Учитывая, что он узнал о моем существовании, только когда мне сравнялось десять... В неплохих, - ухмыльнулась Фергия, и я невольно посочувствовал капитану. То есть уже полковнику. Не хотелось даже представлять, каким она была подростком...

-- Наверно, ему непросто оказалось завоевать авторитет в ваших глазах, - закинул я пробный камень.

-- Еще бы, - на этот раз она улыбнулась по-доброму. - Времени на это не было: то мама хватала его и утаскивала на очередное дело, то у него приключалось собственное задание. Нет, правда, он хотел познакомиться со мной поближе, но никак не выходило, с такой-то занятостью! Вдобавок, дед его не слишком жаловал и не особенно приветствовал наше общение...

-- Господин Нарен, значит, тоже жив и находится в добром здравии?

Я не был с ним не знаком, но слышал достаточно.

-- Да он всех нас, вместе взятых, переживет, - махнула рукой Фергия. - О чем бишь я? А! Со всеми этими заботами нормально пообщаться у нас с отцом вышло только через два года. Нет, вру, чуть поменьше. Но это уже мелочи.

-- И как же? Семейный ужин? Или...

-- Или, - она села, обняла колени и уткнулась в них подбородком. - Вспомнить смешно. Маму тогда срочно вызвали по делу, она умчалась до рассвета. А я поругалась с дедом: он снова отчитал меня за то, что ленюсь... Неважно! Главное, я обиделась -- это у подростков очень легко случается -- и сбежала из дома.

-- Что, решили ехать за матушкой? Или пробираться на север? - предположил я.

-- Да не помню уже. Наверно, второе, потому что где бы я стала искать маму? А корабли -- вот они, в порту. Да, точно, туда я и пошла. И не смотрите на меня так, Вейриш, я бы не пропала! - усмехнулась Фергия. - Деньги у меня были, а что до прочего...

-- Вы маг, - вздохнул я. - Думаю, на обычных людей ваших сил хватило бы и тогда?

-- Именно. И драться я умею, все же выросла на островах, а там такое в порядке вещей. Наоборот, удивятся, если девчонка не сможет дать сдачи!

-- И что было дальше? - мне действительно было любопытно, и я старался не спугнуть это ощущение.

-- Я шла, шла... - задумчиво проговорила Фергия, повернулась и уставилась в костер. - Конечно, сначала хлюпала носом, потом обозлилась, потом устала и опять расклеилась... Дошла до моста, а там, представьте себе, наткнулась на отца.

-- Вот так, случайно? - не поверил я.

-- Ну да. То есть не совсем. Он всегда ездил по этому мосту к нам, - пояснила она. - И в этот раз, наверно, собирался. Только не знал, что мама-то уехала, она же ему не докладывает. Я его увидела, когда он цветы у уличной торговки покупал.

Я промолчал.

-- Мама всегда ругается, - добавила она и довольно похоже передразнила ворчливый тон Флосси: - "Лауринь, опять вы приволокли какой-то веник! Положите его куда-нибудь на шкаф, чтобы глаза не мозолил..." А потом уносит к себе в комнату и не выбрасывает, пока цветы совсем не завянут. Ну а поскольку она маг, то...

-- То в ее комнатах настоящий зимний сад, - заключил я.

-- Вроде того, - улыбнулась Фергия. - Так вот, он стоял и выбирал цветы, потом заплатил, повернулся и увидел меня. А вы представьте, как хороша я была: растрепанная, зареванная, с красным носом, в порванной одежде в кровавых пятнах -- в окно же выбиралась, со второго этажа, вот и зацепилась рукавом и порядком ободралась...

-- Да он, наверно, решил, что у вас беда случилась!

-- Скорее, что я кого-нибудь нечаянно убила или покалечила, - мрачно сказала она. - Словом... Ох, ладно, неловко об этом рассказывать...

-- Заканчивайте уж, если начали.

-- Да уже всё, Вейриш. Отец сунул цветы своему денщику, сгреб меня в охапку, ни о чем не спрашивая, посадил в седло и повез к себе. По пути вытер мне сопли, успокоил и вытряс

заверение, что все живы, а со мной ничего страшного не случилось... Ну, вы понимаете... - Фергия вздохнула. - Вот так мы с ним и познакомились по-настоящему. Дед был в ярости!
-- Почему это? - удивился я. - Ах да, вы же сказали, что он Лауриня не слишком... приветствовал.

-- Да не поэтому! Я же пропала, он искал меня, искал, да так и не нашел. А я все это время была совсем рядом, рукой подать, - ухмыльнулась она. - Просто он сам меня учил закрываться от магической слежки, а ругал именно за то, что мне это плохо удастся. Так вот, от злости всё получилось лучше некуда! Ну а я, повторюсь, несколько дней прожила с отцом. Он даже службу оставил, сказался больным. Всего несколько раз ездил в управление, по самым срочным делам, а так -- сидел со мной. Много мне рассказал... такого, о чем мама не упоминала.

-- Почему же?

-- По-моему, стеснялась, - прямо заявила Фергия. - А может, считала, что мне еще рано об этом знать. То есть я была в курсе истории их знакомства и прочего, но в самых общих чертах, а вот детали... Детали, Вейриш, решают всё.

Она помолчала, поворошила длинной веткой в костре и закончила:

-- Мама вернулась через неделю, когда дед уже поднял на уши весь Арастен.

-- А что, заглянуть к Лауриню он не догадался?

-- Догадался, конечно, но я же сказала, что удачно замаскировалась. А заглянуть под кровать или хотя бы потыкать туда палкой дед не сообразил, - ухмыльнулась она. - А когда явилась мама... Вы представляете, как она выглядит после долгой дороги слякотной осенью?

-- Я видел ее только зимой, но могу вообразить, - подумав, ответил я.

-- Ну вот. Поскольку предупреждениями она себя никогда не утруждает, а папины денщики с адъютантами боятся ее, как огня, то она ввалилась в дом, оставляя за собой лужи и комья грязи и с порога грянула: "Лауринь, опять болеете? Сколько можно! Вы вообще в курсе, что у нас дочь пропала?"

Я невольно начал фыркать, потому что картина предстала передо мной, как наяву.

-- Папа изобразил ужас, но актер из него никудышный, - продолжала Фергия, а я отметил, что она вдруг перешла с нейтрального "отец" на домашнее "папа". - Вернее, перед начальством он прикидываться умеет, но с мамой это не работает. Поэтому она оценила выражение его лица, огляделась и велела: "Вылезай из шкафа, мерзавка! За побег наказывать не стану".

-- Ничего себе у вас отношения!

-- С мамой у нас прекрасные отношения, - заверила она. - Если она сказала, что не будет наказывать, значит не будет.

-- За побег, - уточнил я.

-- Да. За все остальное влетело, но так... умеренно. И, по правде сказать, - добавила Фергия, - теперь я думаю, что они всё это подстроили.

-- Ваши родители?

-- Нет, мама с дедом. Говорю же, из папы плохой актер, поэтому его разыграли втемную... как обычно, - вздохнула она. - Ну очень уж вовремя мама уехала, никого не поставив в известность, у нас с дедом случился скандал... Ну а поскольку папу они оба отлично знают, то могли предположить: он, скорее всего, станет дожидаться маму, чтобы разобраться во всем на свежую голову. В одиночку против деда он выступить не рискнет, так что вряд ли бы повез меня домой. Вот и всё.

-- Думаете, Лауринь не догадался?

-- Во всяком случае, не сразу, - подумав, ответила Фергия. - Я ведь не играла, он это видел. Так что меня тоже подставили!

-- А с какой целью? - поинтересовался я.

-- Мама потом как-то обмолвилась, что папа по-настоящему раскрывается только в критических ситуациях. Так-то он с виду сухарь-сухарем, доброго слова не дождешься, - хмыкнула она. - Но когда ему в объятия упала заплаканная измученная дочь, которая не иначе как сбежала от врагов, и которая прежде с ним разве что здоровалась, и то не всякий раз... Если это не критическая ситуация, тогда что? Вот он и делал, что мог. И, должна отметить, мама права: папа на людях и наедине с кем-то из нас -- два совершенно разных человека. И второго я бы, может, никогда и не узнала, если бы не это представление...

-- Манипуляторы, - заключил я. - Что ваш прадед, что матушка. А вы в кого больше удались? В них или в отца?

Я не стал уточнять, что интересуюсь этим ради собственной безопасности. Иметь соседкой Фергию Нарен, судя по всему, то же самое, что жить на вулкане, так что лучше разузнать побольше о его нраве -- вдруг удастся предсказать извержение и вовремя убраться подальше?

-- Сложно сказать. Дед ворчит, что в него, такая же упрямая. Но они с мамой ничуть не лучше, так что наверняка не скажешь. Магией-то, ясное дело, в них...

Фергия вдруг осеклась и замерла, сделав мне знак молчать и прислушиваясь. Потом сказала:

-- Вы вот спросили: как он завоевывал авторитет в моих глазах. Но все дело в том, Вейриш, что как раз это мне не было нужно. Мне и без того хватало авторитетов, причем доказанных: мама и дед всегда рядом!

-- Тогда чего же они добивались?

-- Я думаю, хотели, чтобы у меня перед глазами был пример человека, который умеет любить, - просто ответила она. - По-настоящему.

-- Не хотите же вы сказать, что они...

-- О нет, нет! - Фергия замахала руками. - Конечно, мама и дед меня любят! И друг друга тоже, и папу... но по-своему. С оговорками, не безрассудно и безоглядно.

-- Даже вас? - не поверил я.

-- Наверно, - пожалала она плечами. - Иначе попросту не умеют. И даже то, на что способны, не умеют выразить! Вот вы часто говорите Аю, что любите ее?

-- Постоянно, - ответил я. - Есть мнение, что от частого употребления слова истираются и теряют первоначальное значение, но я в это не верю. И Аю не верит. Тоже говорит. Пока не могла сказать -- показывала жестами...

-- Ну вот. Это важно, - серьезно сказала она. - И это далеко не всем дано, поверьте.

-- Любить или говорить об этом?

-- И то, и другое. Со вторым, как ни странно, у многих сложнее, чем с первым. Я никогда не слышала, как мама говорит, что любит папу, хотя это так, сложно не заметить, если знаешь ее много лет. Даже когда задавала ей прямой вопрос, она всегда уходила от ответа, - произнесла Фергия. - Не знаю, может, наедине она может такое шепнуть, и то сомневаюсь... Чувство есть, а слов нет, такая вот напасть!

-- Хуже, когда наоборот, - заметил я.

-- Верно, встречались мне любители плести словесные кружева. Наверно, не одна глупая бабочка угодила в эти сети, да только я не из таких, - улыбнулась она.

-- Да уж, вы тот еще шершень...

-- Вы мне льстите, Вейриш, - усмехнулась она. - Это теперь, а в ранней юности я вполне могла бы попасться, был случай... Наверно, меня уберегло именно то, что я хорошо знала, как звучит искреннее признание, пускай и неуклюжее.

Воцарилась тишина, только сухие ветки потрескивали в костре. Скоро уже они должны были прогореть.

-- Зачем вы мне всё это рассказываете? - спросил я, когда пауза сделалась гнетущей.

-- Вам? Что вы, Вейриш, - покачала головой Фергия. - Я говорила вовсе не для вас.

-- А для кого?

-- Для того, кто ждет в темноте, - ответила она. - Не желает подойти к огню, но жадно слушает истории о чужой любви. Ну же, покажись, незнакомец! Мы не причиним тебе вреда, если ты не нападешь первым!

Клянусь, рубаха на спине у меня сделалась мокрой от холодной испарины, когда черный песок, который Фергия заботливо собрала в одну кучу, волшебным образом отделив от обычного, вдруг взвихрился, хотя ветер почти утих.

Черный смерч, прекрасно различимый на фоне звездного неба, подсвеченный костром, завис напротив нас, покачиваясь на месте.

-- Кто ты? - негромко спросила Фергия. - Я -- Фергия, это Вейриш. А тебя как зовут?

Я не успел ее остановить: опасно называть имена таким созданиям! Впрочем... таким -- это каким? Я не мог сообразить, что передо мной такое, хотя, казалось бы, многое слышал о чудесах пустыни. Хуже того, я не ощущал магии неведомого существа... или лучше было назвать его явлением?

-- Ты, наверно, не в состоянии говорить, когда пребываешь в таком виде? - продолжала Фергия.

- Так может, примешь человеческий облик? Я слышала, духи пустыни способны на это, а ведь ты один из них, верно?

"Джаннай? Неужели они действительно существуют?" - мелькнуло в голове.

-- Ночь уже перевалила за середину, - сказала Фергия. - Третья ночь. Ты знаешь, что случится на ее исходе, верно?

Если это действительно джаннай, и если древние законы все еще действуют, он должен будет убить нас, чтобы остаться в живых, иначе поутру от него останется лишь горстка песка. Вдвоем мы, наверно, справимся с ним, но чего это будет стоить?

-- Я не хочу сражаться с тобой, - произнесла Фергия, неотрывно глядя на черный вихрь. - Лучше присядь у нашего костра и расскажи свою историю. Может, вместе мы придумаем, как тебе помочь?

На мое счастье, я снова лишился дара речи, а потому молча наблюдал за тем, как смерч, поколебавшись (в прямом смысле слова), вдруг начинает двигаться все быстрее и быстрее, и при этом уменьшаться, уплотняться, и так до тех пор, пока на его месте не очутилась... Женщина.

О, что это была за женщина! Наверно, в два моих роста высотой, если не больше, и соответствующего сложения, с кожей иссиня-черной, гладкой и блестящей, с непокорной гривой сомоляных кудрей, перевитых золотыми цепочками, с огромными глазами, темными, как ночь, горячими, как сама страсть, с губами полными и алыми, и наверняка сладкими, как те самые злосчастные сливы из волшебного сада... Одежды на ней не оказалось, лишь золотые украшения: массивное ожерелье закрывало грудь, широкий наборный пояс обвивал талию, унизанные самоцветами цепочки свисали с него на бедра. На руках и щиколотках звенели браслеты, в ушах покачивались серьги с рубинами размером с кулак, на пальцах с длинными ногтями (а вернее сказать, когтями) сверкали перстни...

А еще она была ослепительно красива. Нечеловеческой, невозможной красотой, при виде которой нестерпимый жар желания охватывал всё тело, словно жидкий огонь струился по жилам, и...

Я ощутил мощный удар локтем под ребра и очнулся. Желание никуда не делось, но мне худо-бедно удалось с ним совладать, зато теперь внутри сжимался ледяной комок страха. И это у меня, а я все-таки дракон! Не представляю, как джанная действовала на обычных людей...

-- Присядь же и раздели с нами трапезу, - преспокойно сказала Фергия, будто явления таких существ случались в ее краях по три раза на дню и еще разок на ночь, перед сном, - если, конечно, ты способна вкушать нашу пищу.

-- Народ песков не принимает подобного, - неожиданно раздался ответ, будто ветер вздохнул среди барханов, - но я благодарна за приглашение.

-- Тогда, может, отведаешь фруктов? - Фергия потянулась за своей корзиной, в которой оставалось еще больше половины. - Вот, погляди, какие сливы! Правда, тут нет тех самых... Их больше нигде нет.

-- И не будет, - прошелестела джанная и действительно взяла красную сливу.

В ее огромных пальцах та казалась не больше гранатового зернышка, но -- я глазам своим не поверил! - вдруг начала расти, расти, пока не стала достаточно большой, чтобы джанная могла ее попробовать.

-- Как твое имя? - повторила Фергия.

-- Его больше нет, - был ответ.

-- Могу я тогда называть тебя дочерью песков?

Джанная медленно кивнула и взяла желтую сливу. В глазах ее отражались звезды, и мне вдруг почудилось... Нет, ерунда! Не могла же она сдерживать слезы!

"А почему нет?" - подумалось мне.

-- Что ты здесь делаешь, дочь песков? - тут же спросила Фергия и уселась, поудобнее скрестив ноги.

-- А ты, женщина с севера, и этот крылатый?

Значит, джанная меня опознала. Неудивительно, ведь такие духи существовали задолго до появления драконов, а какой магией они владеют, остается только догадываться! Признаюсь, я не рискнул взглянуть, какое пламя горит в джаннае... если оно у нее вообще есть. Просто побоялся.

-- Мы сидим у огня и рассказываем истории. Я вот говорила о родителях, а Вейриш собирался поведать, как сложилась жизнь у него, - дружелюбно пояснила Фергия. - Моя мать, видишь ли, когда-то спасла его, а это...

-- Большой долг, - глухо согласилась джанная, перекатывая в пальцах желтую сливу.
-- О котором мне будут напоминать до скончания века, - не выдержал я.
-- Мы не доживем, Вейриш, я так уж точно, - заверила Фергия. - И вообще, вы рассчитались сполна, о чем можно говорить? Просто я знаю эту историю лишь в пересказе родителей, а они склонны... не договаривать.

-- Хочется сличить показания?

-- Ну да. Иногда всплывают любопытные детали, - улыбнулась она и снова повернулась к джаннае. - Если ты хочешь послушать, то оставайся с нами. Или, быть может, ты расскажешь свою историю? Времени до рассвета не так уж много, а задержать его никто из нас не в состоянии, мы всё-таки не в сказке.

-- Зачем тебе знать? - спросила та.

-- Затем, что разгадывать тайны -- дело моей жизни, - прямо сказала Фергия. - Неразгаданная загадка может мучить годами, а сейчас она на расстоянии вытянутой руки! Я знаю почти всё, мне не хватает лишь кусочка этой головоломки... А впрочем, - перебила она сама себя, - давай поступим иначе. Думаю, ты столько лет не говорила с людьми, что тебе тяжело будет рассказывать. Я сделаю это за тебя, а ты дополнишь и исправишь, если я ошибусь.

Договорились?

"Нельзя говорить этого джаннаам!" - чуть было не вскричал я, но не успел, потому что мне снова прилетело локтем в бок. Надеюсь, Фергия знает, что делает, потому что договор без условия с этим существом... Неизвестно, во что это может вылиться!

-- Да будет так, - после долгой паузы произнесла джанная. - Говори.

Фергия не подбрасывала ветки в костер, но он вспыхнул ярче, хорошо осветив всех нас. Не скрою, я таранился на джаннаю, потому что... когда еще такое увидишь? Если бы еще влечение не было таким сильным, я бы наслаждался ситуацией, невзирая на страх, но...

-- Слабый мужчина, - пророкотала вдруг джанная, в упор посмотрев на меня.

-- Они все такие, - махнула рукой Фергия, прищурилась и добавила: - Признаюсь, даже я при взгляде на тебя, дочь песков, ощущаю прилив желания, хотя предпочитаю мужчин. Неужели твоя красота действует на всех смертных?

Полные губы растянулись в улыбке, показались нечеловечески острые белоснежные зубы. Я видел такие только в одном племени: там считается особым шиком подпиливать резцы под острым углом. Но у джаннаи, полагаю, такая акуля пасть была от природы.

-- На всех, - величаво кивнула она. - Не каждый способен перебороть желание.

-- А нельзя как-нибудь... м-м-м... приглушить этот зов плоти? Иначе придется выгнать Вейриша в пустыню, чтобы не мешал разговаривать: он, того и гляди, накинется на тебя, а ты оторвешь ему голову!

-- Будь по-твоему, - после паузы ответила джанная, и я с удивлением почувствовал, как охвативший меня жар исчезает, а мучительное напряжение постепенно спадает. Она же пояснила: - Он крылатый, огнекрылый, как говорили раньше. Родня по крови. Чувствует сильнее, чем люди. И иначе.

"Час от часу не легче, - подумал я, утерев взмокший лоб. Он был ледяным. - Мы родня? Нет, если рассудить, то это логично. Узнать бы еще, каким образом мы появились? Неужели какой-нибудь гигантский древний ящер из тех, чьи окаменелые останки находят время от времени, не устоял перед джаннаем? А потом..."

Я оборвал мысль, решив подумать об этом в другой раз. Не хотелось упустить чего-либо важного в беседе.

-- Вот и славно, - потеряла руки Фергия. - Вейриш больше не напоминает охваченного животной страстью дикаря, а значит, можно приступать. Итак... Не меньше тридцати лет назад, а вернее того, сорок или даже пятьдесят, человек, которого в этих краях звали под именем Маддариш, где-то каким-то образом повстречал тебя, дочь песков. И здесь у меня огромный провал, потому что я не знаю истории вашего знакомства. Могу лишь строить предположения, если ты не возражаешь... и не желаешь сказать сама.

Джанная сделала неопределенный жест, который Фергия истолковала как разрешение.

-- Очевидно, Маддариш чем-то тебя заинтересовал. А может, ухитрился пленить? В прямом и переносном смысле слова? Был он обычным человеком или магом? Одни вопросы без ответов! Ясно лишь одно: почти сорок лет назад он перебрался в эти края. Здесь его никто не знал, но он быстро прославился среди торговцев: только его караваны привозили редкостные ткани и

дивные самоцветы из неведомых краев, редкое дерево и резную кость, изумительной красоты птичьего перья и шкуры диковинных зверей... Он никогда не брал много помощников, а из тех, что всегда оставались при нем, один был нем, другой не знал местного языка, а третий вообще не слишком походил на человека. Маддариш говорил, что спас его от страшной смерти во время одного из путешествий, и тот странный слуга с тех пор оставался с ним денно и ночью. И тоже не разговаривал.

Фергия перевела дыхание, хлебнула воды из кувшина и продолжила:

-- Дела Маддариш вел сам, не полагался на посредников и прочую братию. Был нелюдим, жить устроился на отшибе, выстроил дом. Ему говорили, что он разорится, покупая воду, а он твердил, что она непременно найдется на этом самом месте. И угадал -- колодец пришлось рыть глубокий, зато он не иссыкает. И родник забил сам собой.

Джанная опустила голову.

-- Поговаривали, Маддаришу кто-то помогает. Многие так и прямо заявляли -- он заключил сделку с джаннаем, либо же сам умеет колдовать, потому что иначе такой сад на голых камнях не вырастишь. Однако вел он себя безупречно, и, хоть его сторонились, но вести с ним дела не отказывались. А то, что он часто менял шуудэ... - Фергия пожала плечами. - Мог себе позволить! Да и зачем содержать столько бездельниц, если его по несколько месяцев не бывало дома? Вернулся из путешествия, набрал новых, отдохнул, а перед отъездом избавился от них, только и всего. Пока складно выходит?

Я зачем-то кивнул. Джанная молчала.

-- И всё везение Маддариша закончилось в один день, - сказала Фергия. - В день его свадьбы. Почему он вдруг решил взять в жены именно эту девушку? Очень красивую, как говорят, да по ней и теперь видно, что в юности она была несказанно хороша... Приданое невелико, но это его точно не волновало, с его-то доходами. Неужели влюбился?

Джанная медленно кивнула -- зазвенели золотые украшения в ее волосах.

-- Я так и думала, - удовлетворенно произнесла Фергия. - А молодая жена принялась наводить свои порядки. Избавилась от шуудэ -- это, думаю, было несложно. Да и зачем они ему, если есть супруга, и огонь любви еще не остыл?

Тут она покосилась на меня, а я мрачно сказал:

-- Нечего так на меня смотреть. Страсть дракона не всякий человек выдержит. Тем более...

-- Я знаю, что вы берегли Аю, пока она не повзрослела, - перебила Фергия. - А потом... Просто привычка, да?

-- Ну да. И мне, и ей это не в диковинку: у нее на родине мужчина без жен и наложниц считается... вроде как недоделанным каким-то. Если только он не дал зарок богам, что не познает женской ласки, пока не совершит подвиг, к примеру.

-- Ясно... Но мы отвлеклись, - спохватилась Фергия. - У меня есть несколько версий того, что случилось в роковую ночь... а началось задолго до нее. Скорее всего, молодая супруга, угодив в настоящую сказку, поначалу не замечала странностей Маддариша. А потом, обжившись в доме, призадумалась: откуда у него такое богатство? Почему ему так везет? Кто, наконец, ухаживает за великолепным садом, если слуг в доме -- раз, два и обчелся? И садовников среди нет, разве что сторожа присматривают, чтобы дети не ломали ветки...

-- Думаете, она со свойственным многим женщинам въедливостью решила вызнать тайну супруга? - спросил я. - То-то он сделался мрачным, как Ариш говорил!

-- Конечно. Я думаю, она и не сомневалась: у Маддариша есть волшебный помощник, и помощник этот не покидает его уже много лет. Значит, у мужа имеется какая-то власть над чудесным созданием... В легендах же говорится, что нужно завладеть кольцом или еще каким-то предметом, чтобы иметь возможность в любую минуту потребовать помощи. Неужели она решила найти эту вещь и присвоить ее?

Джанная снова покачала головой.

-- Она знала про договор, - негромко произнесла она.

-- Ага! - воскликнула Фергия и вскочила на ноги. - То есть в сказки о предметах, в которых заключена суть волшебных существ, и в то, что эти существа обязаны слушаться владельца какой-то побрякушки, она не верила. Замечательно... Наверно, она так извела Маддариша, что тот вынужден был сознаться: да, дух-помощник имеется, но действует он исключительно в рамках договора. А вот его условия -- тайна. Так было дело?

Джанная кивнула.

-- Но, очевидно, на этом любопытная женщина не остановилась... Должно быть, хотела увидеть мужчину помощника. А может, даже избавиться от него... Пстой-ка! - Фергия уже знакомым жестом уперлась пальцем в переносицу. - Если она узнала, что Маддаришу помогаешь ты, дочь песков, то наверняка приревновала! Она была красива, но что останется от той красоты через десять, двадцать лет? А ты вечно прекрасна и желанна для любого мужчины... Тогда уж точно -- ей хотелось тебя прогнать!

-- Нет, - сказала джанная и подняла голову.

-- Что же тогда?

-- Она хотела владеть мной.

8.

Молчание царило недолго.

-- Расскажи, - попросила Фергия. - Мы не знаем ни начала, ни финала твоей истории, а это никуда не годится, согласись.

Я невольно взглянул на небо. Время близилось к полуночи, Дракон уже развернул одно сверкающее крыло, пробуя силы и готовясь отправиться в полет.

Джанная вздохнула, и ее украшения вновь отозвались долгим печальным перезвоном. Мне почудилось, будто она сделалась меньше ростом.

-- Ты почти всё угадала, женщина с севера, - произнесла она наконец. - Остального тебе неоткуда было узнать. Мадри -- прежде его звали так -- спас мне жизнь.

-- Так он был магом? - не выдержал я.

-- Нет, - ответила джанная. - Но и мы не всегда пребываем в подобном облике. Однажды я сошлась в битве с сородичем: он желал завладеть моими землями и мною самой. Мы сражались несколько дней и ночей кряду, песок и даже камни кругом оплавившись, земля дрожала и извергала огонь, так сильна и неукротима была наша ярость и жажда победы...

-- Вулканический песок, - вставила Фергия, - бывает черным. Вот откуда он взялся!

Я кивнул, припомнив свое предположение.

-- Он сокрушил меня, - проговорила джанная, - но сам оказался настолько истощен схваткой, что сумел лишь выбросить меня в пустыню, изувеченную и лишенную сил, а сам уполз зализывать раны в самые глубины огненных гор... Не представляю, сколько прошло времени. Трудно считать дни, когда умираешь и никак не можешь умереть...

-- Мадри нашел тебя? - спросила Фергия.

-- Да. Он подумал: кто-то бросил меня в пустыне в наказание. Такое случается. Удивился, потому что кругом не было следов. Если караван и прошел, то не вчера, а человек умрет под солнцем за один день.

-- Хочешь сказать, он заподозрил, что ты вовсе не обычная женщина?

Джанная кивнула.

-- Несложно понять это. Ни один человек не бросит другого в пустыне, не сняв с него золото.

-- И правда... - пробормотала Фергия, от нетерпения перебирая кончик косы. - Но он все равно помог тебе?

-- Помог. Я была совсем слаба и не понимала даже, где нахожусь. И, на счастье Мадри, не очнулась до самого оазиса.

-- А иначе вы ты его убила? - спросил я.

-- Если бы приняла за врага -- несомненно, - ответила джанная. - Но враг не понес бы меня к воде. Не стал бы обмывать мои раны. Не накормил бы, словно несмышленного ребенка, - я и шевельнуться не могла. Я не тронула Мадри, а он лечил меня, как если бы я была человеком. Не слушал своих караванщиков. Не передумал, даже когда они ушли, хотя еще мог их догнать.

-- То есть... они его бросили?! - поразила Фергия.

-- Да. Сказали: выбирай, с кем быть. Он выбрал меня. Они оставили немного припасов, его вещи, и ушли. Так мы остались вдвоем.

"Тогда, должно быть, Мадри был не слишком-то богат и влиятелен, и верных людей при нем не имелось, - подумал я. - А случайно нанятые караванщики вполне могут бросить хозяина в беде. Вот только если он все-таки уцелеет и доберется до людей, им несдобровать!"

-- Он написал, что они не виноваты, что он сам решил остаться, и дал им с собой это письмо, - сказала джанная, словно прочитав мои мысли. - Так было нужно, чтобы их не наказали. Он понимал -- они боятся. Он тоже боялся, но у него было большое сердце.

-- Вот как...

-- В оазисе я скоро сделалась прежней, - продолжила она. - Это враг мой -- потомок рода подземного пламени, никогда не осквернявшего себя связью с иными семьями, а среди моих предков были разные духи. Я слабее чистокровного джанная, зато умею черпать силу не только из огня, а еще из воды и даже воздуха.

-- Почему же ты не могла сделать этого в пустыне? - тут же спросила Фергия.

-- Ты сумеешь излечиться, если выпустить из тебя всю кровь, раздробить кости, содрать кожу, вспороть живот и бросить в костер? - вопросом на вопрос ответила джанная. - Или будешь умирать долго-долго?

-- Гм... боюсь, я скончаюсь уже на первом пункте. Но спасибо за разъяснение, я поняла аналогию. А дальше?

-- Я предложила отблагодарить Мадри за то, что спас мне жизнь. Я могла дать ему сокровища, горы золота и драгоценных камней, могла пригнать стадо лучших верблюдов и табун прекрасных коней, но он не пожелал ничего.

-- Так не бывает, - не выдержал я. - Людям всегда что-нибудь нужно!

-- Верно, крылатый, - кивнула джанная. - Я сказала ему, что не уйду, потому что долг жизни не позволит мне покинуть его. А Мадри ответил: жизнь бесценна, и мне никогда не придумать такой платы, которую он счел бы подходящей. И даже если придумаю, он всё равно ее не возьмет, потому что поступил так не ради награды.

"Сдается мне, этот Мадри был очень себе на уме", - подумал я, но оставил измышления при себе. Не хватало еще обозлить джаннаю!

-- Но ты наверняка пыталась предлагать одно и другое, верно? - спросила Фергия.

-- Да. Но всё было не то. Я даже не могла спасти Мадри жизнь в обмен на свою: в оазисе он не умер бы от жажды и голода, дождался бы следующего каравана, так зачем мне переносить его домой? И наконец он сказал, - джанная вздохнула, - чтобы я перестала стараться угодить, а просто осталась с ним.

-- Но дух ведь не может долго оставаться в человеческом облике, разве нет?

-- Неважно. Быть рядом я все равно могла. А когда спросила, зачем это нужно, Мадри сказал: вот ты прожила сотни лет, а что видела, кроме своей пустыни и гор? Мне пришлось сказать -- очень мало. Когда я была юной, то хотела полететь в другие края, но это было опасно -- тамошние духи могли убить меня или пленить и заставить служить им. А потом... - джанная развела руками, и драгоценные камни в перстнях сверкнули, - это желание остыло, как угли костра наутро.

Она умолкла. Мы тоже молчали, не желая сбить ее с мысли.

-- Мадри сказал: хочу увидеть те края, где никто еще не был, о которых лишь ходят легенды, - продолжила она наконец. - Не за морем, здесь. Посмотреть, что там, за Полуденной пустыней. В древних книгах сказано, в тех краях течет река, огромная, как море. А еще дальше растут леса, в которых живут дикие люди. Там много опасных зверей, а в самой чаще прячутся давно потерянные города. Никто не знает, кто и когда их построил, а известно о них только от тех, кто наткнулся на развалины случайно и чудом уцелел... И я пошла с ним. Он говорил, куда. Сам выбирал людей, покупал припасы. Я помогала. Охраняла караван. Искала воду. Отгоняла зверей и злых духов. Те, лесные, боятся огня...

Джанная вновь замолчала, утомившись столь длинной речью. Фергия протянула ей кувшин с водой, и та напилась, а потом вновь заговорила.

-- Мы нашли древние храмы и заброшенные города, а в них проклятые сокровища. Даже я не осмелилась потревожить их, чтобы не разбудить духов-хранителей.

Я заметил, как вспыхнули глаза Фергии при словах о проклятых сокровищах, и мне это не понравилось. Ее прадед, если я верно помню рассказы Флоссии, не гнушался прихватить какой-нибудь священный артефакт из заброшенного, а то и действующего храма, а Фергия явно удалась в него. Успокаивало лишь одно: в ближайшее время она вряд ли отправится в те края.

-- Но и без того там хватало золота и самоцветов, - продолжала джанная. - Мы пересекли Полуденную пустыню и окунулись в воды Великой реки. Охотились на зверей в джунглях и

саванне. Были даже на оконечности земли и смотрели, как волны бескрайнего океана разбиваются о каменные столпы, на которых держится наш мир...

Я взглянул на Фергию. Она слушала заворуженно, приоткрыв рот, как ребенок, которому рассказывают волшебную сказку. Вот только у этой истории финал был явно не счастливым.

-- Мы хотели отправиться за океан, - монотонно говорила джанная, покачиваясь из стороны в сторону. - На закат, чтобы самим увидеть, куда пропадает солнце по вечерам. Но Мадри сказал, что нужно подождать немного. Что он устал. Тогда мы прибыли сюда и построили дом, и я позвала воду и вырастила сад, чтобы Мадри мог отдыхать в его тени...

-- Он, наверно, был уже стар? - осторожно спросила Фергия. - Столько странствий и испытаний с трудом умещаются в одну человеческую жизнь, пусть даже ты помогала ему!

-- Да, Мадри был стар, но выглядел немногим старше этого крылатого.

-- То есть своим волшебством ты поддерживала его молодость? Я так и думала, - кивнула Фергия. - Значит, вы обосновались здесь, и что случилось потом?

-- Мадри искал пути на запад, покупал книги и карты. Мы по-прежнему водили караваны, иначе люди задумались бы, откуда у него богатства. Только далеко не ходили: я ведь могла принести, что угодно и сколько угодно, к чему утруждаться? Теперь у него были верные люди, которые не выдали бы его, а чужих мы не брали. Так шло время... И однажды, - джанная вздохнула, едва не потушив костер, - Мадри сказал, что должен жениться. Я спросила: зачем? А он сказал: кому же я передам знания о тех чудесах, которые видел? Кому покажу их? Кто продолжит мои странствия отправится за край мира, когда я умру? Человек может жить долго, но не вечно, вот почему так важно передать дело жизни детям.

Я подумал: далеко не всем потомкам по нраву занятие предков, иначе сыновья пекарей не становились бы моряками и учеными, а дети великих путешественников -- домоседами, отроду не бывавшими дальше соседнего городка.

-- И ты согласилась? - спросила Фергия. Ее-то такое заявление не удивляло, она сама происходила из династии, выпестованной старым Фергусом Нарен!

-- Конечно, - ответила джанная. - Я тоже хотела сына от Мадри, но это невозможно. Наши мужчины могут делать детей вашим женщинам, но не наоборот. Наверно, ваши мужчины слишком слабы для этого. И я подумала: пускай Мадри возьмет женщину, а та родит ему сына. Он воспитает его, я стану помогать, и вырастет еще один человек, похожий на Мадри, который хочет узнавать больше и больше и не боится ничего. И даже если Мадри состарится и умрет -- моё волшебство не может вечно продлевать ему жизнь, - останется сын, а потом внук. И они поплывут на закат и на восход, за край земли, увидят огромные, больше кораблей льдины и гигантские сияющие полотнища в небе, о которых рассказывали путешественники...

-- Я видела, - вставила Фергия, - Вейриш тоже.

-- А мы нет. И не знали, смогу ли я помогать за океаном, будет ли там действовать мое волшебство, как встретят меня чужеземные духи? Мы с Мадри хотели проверить, пока ребенок будет расти. Но не успели... - темные глаза джаннаи вспыхнули багровым пламенем, и это были не отсветы костра, ручаюсь. - Мадри встретил эту дочь шакала и полюбил ее. Он никогда никого не любил по-настоящему. Может быть, меня, и он говорил мне об этом, но я не человек! Он потерял голову...

-- Седина в бороде, - проворчала Фергия. - С виду он был еще молодым, но на самом-то деле годился девочке в деды. Бывает такая... последняя страсть на закате жизни.

-- Что, господин Нарен рассказывал? - шепотом поддел я.

-- Нет, если с ним такое и случалось, то он в жизни в этом не сознается... А свидетелей, если они вообще были, подозреваю, и в живых нет, - ухмыльнулась она.

-- Дальше ты снова угадала правильно, - не слушая нас, говорила джанная. - Мадри бросил все свои богатства к ее ногам. Выгнал своих шуудэ, когда она потребовала. И наконец открыл ей наш секрет...

-- Как же она собиралась завладеть тобой? - спросила Фергия. - Ведь ты, если я верно понимаю, помогала Мадри по собственной воле? За столько лет ты, уж наверно, не раз спасала ему жизнь, а значит, о долге можно и не вспоминать!

-- Он солгал жене, что держит меня в плену, - джанная закрыла лицо руками. - Иначе как бы он объяснил ей, какие узы связывают нас и как долго? Мадри боялся, что если она узнает -- он ровесник ее прадедушки, то больше не посмотрит на него. Он уже не думал о сыне, ему нужна была только эта!..

Она выругалась длинно и цветисто. Я постарался запомнить: никогда подобного не слышал, даже от дяди! Вот, смогу его удивить... если уцелею.

-- Я думала, буду терпеть, - проговорила джанная. - Люди живут мало. Скоро жена состарится и умрет, и Мадри снова будет только моим. Но он...

-- Потребовал долг? - перебила Фергия.

-- Да. Ты правильно сказала -- я давно его отдала, но он будто забыл об этом. Он захотел, чтобы я берегла его жену так же, как его самого, чтобы не давала ей постареть. Чтобы слушалась ее... Чтобы... - джанная снова начала увеличиваться в размерах, и выглядело это жутко. - Служила ей! Но я сдержалась. Решила подождать -- вдруг Мадри одумается?

-- Но она, наверно, захотела проверить, станешь ли ты подчиняться, и позвала тебя?

-- Так и было. Я как раз думала, что смогу украсть ребенка, унести на край света и воспитать, как своего, - созналась джанная. - Вот только, если у них родится сын, кто угадает, на Мадри он будет похож или на его жену? И не лицом, а нравом?..

-- Но ты ее не убила! - перебила Фергия.

-- Не убила. Она сперва выведывала, много ли сокровищ у Мадри. Все ли спрятаны в доме, или есть другие. Я раздрадила ее жадность, говорила много и красиво, показывала ей украшения и горы самоцветов... Я думала: Мадри поймет, когда увидит ее лицо... Но когда он проснулся, понял, что жены нет рядом, и бросился на поиски, то уже не мог думать, - покачала она головой. - Он вбежал в комнату, увидел, как мы говорим, стоя лицом к лицу, и закричал на меня. Я хотела сказать ему, о чем спрашивает эта женщина, но он не слушал. Он... - джанная снова вздохнула, - приказал мне убираться прочь. И я послушалась его, как слушалась все эти годы!

-- Ах вот почему в доме такой кавардак... - пробормотал я.

-- Я приняла истинное обличье, - кивнула она, - и тогда эта ничтожная завопила от ужаса и кинулась прочь, не разбирая дороги.

-- Однако она далеко убежала, - сказала Фергия, - и ухитрилась выжить. Но что случилось с Мадри? От него, если не ошибаюсь, только тапок остался.

-- Я покинула дом. Я покинула Мадри. Я давно проникла в его плоть, и дух его тоже был связан со мной...

Джанная умолкла, а я сложил два и два и сказал:

-- Наверно, ему давно полагалось умереть от старости? И когда ты улетела прочь и разорвала вашу связь, да еще сделала это со злостью и обидой, он... просто рассыпался прахом?

-- Именно так, крылатый, - кивнула она.

-- Неужели даже костей не осталось? - удивилась Фергия.

-- Остались. Я похоронила их здесь, глубоко в земле... - джанная покачала головой. - Дом разрушен. Сад умер. Здесь не живут даже мухи -- в ярости я уничтожила всё живое, до чего смогла дотянуться, и воздух до сих пропитан моим горем и злобой. Этой ничтожной повезло, что она так быстро бежит, не то и ей бы несдобровать... А еще Мадри... - она вздохнула. - Перед тем, как умереть, он успел сказать мне: не трогай её...

-- Иначе ты догнала бы ее и убила?

Джанная кивнула.

-- Ариш сказал, лошади целы остались, - зачем-то вспомнил я.

-- Они же не виноваты, - удивленно ответила джанная. - Я их вырастила. Как их убить?

-- Ты и сад вырастила, - напомнила Фергия. По-моему, от такого логического выверта у нее начал дергаться глаз, но наверняка утверждать не могу. Возможно, это был неверный отблеск костра. - Но ему повезло меньше. Только вон те деревья выжили. Почему, кстати? Потому что ты за ними присматривала? А зачем осталась? Не захотела покидать могилу?

-- Именно так. Я думала, пройдут годы, и я забуду. Не самого Мадри, но его предательство. Останется только то, что было до той женщины... Но ничего не забывается.

-- И ты никого не пускаешь сюда, чтобы не помешали тебе оплакивать Мадри? И тем более не потревожили его прах?

Джанная опять кивнула.

-- Сюда многие приходили в поисках сокровищ. Все они сбежали с криками ужаса еще до того, как ступили сумерки. Я умею напугать, даже не показываясь.

-- А меня почему не стала пугать? - спросила Фергия.

-- Я пробовала, но ты колдунья. То, что заставляет обычных людей убегать, не помня себя от страха, тебя только немного встревожило. Тем более, - с неудовольствием добавила джанная, - ты пила вино, а оно делает людей храбрее.

Я ухмыльнулся: Ариш не солгал! И если Фергия хлебнула не местного легкого вина, а орты, то ей море было по колено... Вот ведь дурная голова! А если бы джанная напала на нее сонную?

-- Потом я подумала, - продолжала та, - что не стану больше прогонять тебя.

-- Почему?

-- Я устала. Устала быть одна и только вспоминать, вспоминать без конца. Я пробовала вернуться в те края, где мы бывали с Мадри, но не ощутила ничего: ни радости, ни грусти. Солнце не греет, дождь не мочит... Так будет вечно, а целая вечность пустоты ничем не лучше смерти. Поэтому я решила, - джанная вдруг поднялась во весь рост, и мы тоже встали, потому что смотреть на нее с земли было жутковато.

Так, впрочем, тоже, но зато у меня было пространство для маневра. Я ведь тоже немаленький... Не зашибить бы Фергию, если придется превращаться!

"Как бы она меня не зашибла, если разойдется", - тут же пришло на ум.

-- А кто поставил условие? - спросила вдруг Фергия.

-- Какое?

-- О том, что тот, кто переживет три ночи в этом месте, сможет купить этот дом. Мне так сказала вдова Мадри, но вряд ли ты передала ей записку, не так ли?

-- Я нащептала об этом людям, которые искали поживы, - созналась джанная. - Мне не хотелось, чтобы меня тревожили понапрасну.

-- Ага! Значит, это они разнесли слухи, а вдова уже сообразила, как обратить их себе на пользу! Вот ведь хваткая, - фыркнула Фергия. - Другая со страху бы померла после такого приключения, а она ничего, жива-здорова, амму держит -- самое подходящее занятие для почтенной вдовы, - да еще и норовит торговать проклятой землей!

-- Или надеется, что кто-нибудь все же совладает с духом пустыни, а она откажется продать дом, как я и говорил, - напомнил я. - Она же знает, что здесь были спрятаны сокровища! Неужели позабыла?

-- На кой они ей на старости лет? А хотя... таким всегда мало, - согласилась Фергия. - Детей у нее нет, зато племянников толпа, им тоже пригодится... Кстати о сокровищах! Куда они подевались? Тайники все пустые...

-- Я забрала их и укрыва там, где люди не найдут, - мрачно ответила джанная. - Не для этих презренных Мадри выбирал красивейшее из красивого, ценнейшего из ценного, безупречнейшее из безупречного!

"Вот бы взглянуть", - читалось во взгляде Фергии, да я и сам не отказался бы полюбоваться добычей этой парочки. Правда, лучше об этом не упоминать...

-- Но раз по-настоящему ты условие ты не ставила, - вернулась к основной теме беседы Фергия, - то по истечению третьей ночи с тобой ничего не случится, верно?

-- Нет. Я умру.

-- Не понимаю тебя.

-- Ты, - громадный палец уперся в грудь Фергии, - меня убьешь.

-- Что, вот так сразу? - та пошатнулась, но устояла. - Мы же едва знакомы!

-- Я хочу уйти насовсем, - глухо произнесла джанная. - Но не могу умереть. Сама -- не могу.

-- Так найди того огненного духа, который тебя едва не прикончил, и затей с ним драку! - вполне логично предложила Фергия. - Или другого какого-нибудь, раз их немало...

-- Не выйдет! Стану сражаться с ним всерьез -- могу и победить. Поддамся -- он меня не убьет, а пленит, а это совсем не то, что мне нужно!

-- Правильно ли я понимаю, что со мной ты сражаться не намерена?

Джанная кивнула.

-- То есть ты... - Фергия развела руками, - будешь стоять и ждать, пока я нанесу смертельный удар? К слову, я даже не представляю, как тебя убивать. Не приходилось как-то прежде сталкиваться с подобными проблемами... То есть в пылу сражения я могу выкинуть что-то такое, что отправит тебя в небытие, но для этого тебе придется на меня напасть. Но как быть, если ты не соразмеришь силу или я не успею отреагировать? Ты все-таки могущественная джанная, ты не один век живешь на свете... Я по сравнению с тобой -- букашка! Пока я стану

раздумывать, что из своего жалкого арсенала могу противопоставить твоей мощи, от меня мокрое место останется... А ты если и умрешь, то разве что от смеха!

Фергия выдохлась и умолкла, а я подумал, что прибуднется она очень уж старательно. Я хорошо помнил, что учинила ее матушка на том безымянном островке, а Фергия была явно не слабее Флоссии. Вдобавок, еще и я рядом имелся. Уверен, Фергия рассчитывала на мою поддержку, иначе зачем пригласила коротать ночь вместе?

Вот только осознала ли это джанная? Она, несмотря на свою древность, а еще сожителство с хитрецом Мадри-Маддаришем, казалась довольно-таки простодушной. В сказках джаннаи часто обманывают людей, это верно, но, если поразмыслить, те люди тоже не великого ума! Одного я не мог понять: чего ради Фергии потребовалось затевать всё это? Неужели ради развалин и хилого родничка?

-- Ты права, - неожиданно произнесла джанная. - Ты не можешь меня убить, но это сейчас. Если я научу тебя, как, тогда...

-- Всё равно не выйдет! - воскликнула Фергия.

-- Почему?

-- Потому что я не хочу этого делать. Я же сказала -- я не буду с тобой сражаться. Защищаться стану, если ты нападешь, но помогать свести счеты с жизнью -- ни за что! - заявила волшебница и гордо подбоченилась. - Я все-таки независимый судебный маг, а не... какая-то там!..

Снова повисла тишина, только потрескивали догорающие сучья в костре, гулко вздыхал в рощице верблюды да фыркала моя лошадь.

До рассвета оставалось всего ничего: Дракон уже улетал: еще немного, и он отдернет длинный звездный хвост, чтобы не обжечь его о край показавшегося из-за горизонта раскаленного солнечного диска.

-- И вообще, почему непременно нужно умирать? - добавила вдруг Фергия. Я видел, она тоже косилась на небо, значит, следила за временем.

-- А зачем жить?..

-- Думаю многие люди спрашивают себя о том же, потеряв родных и близких, пережив предательство и обман... Тебя бы с моим прадедом познакомить, он рассказал бы... о многом, - усмехнулась Фергия. - Мы живем меньше вас, даже маги, но успеваем повидать всякое...

-- Да. У вас век короче, но ярче, - согласилась джанная. - Мы горим и не стораем, и так веками. А вы вспыхиваете и гаснете, как солома на ветру, ярко и быстро... Это я и так знаю, только никак не пойму, что ты хочешь мне сказать?

-- Я считаю, - авторитетно заявила Фергия, - что ты просто еще не пережила горе. На это тебе нужно больше времени, чем нам, но вечно горевать невозможно, любого человека спроси... да хоть бы и дракона! Рано или поздно рана в сердце отболит, заживет, останется шрам и память...

-- Бывают неизлечимые раны, - обронила джанная, глядя в песок у себя под ногами.

-- Конечно, - согласилась Фергия. - Но как ты можешь быть уверена в том, что твоя не заживет? Из людей ты знала только Мадри, верно? Я имею в виду, близко, его помощников и прочих не считаю... Так откуда тебе знать, что ты не встретишь кого-то другого? Не такого же, нет, и не лучше! Просто -- другого! Может быть, не путешественника, а поэта или художника, а может, простого пастуха -- судьба как только не шутит...

Она умолкла, поняла, что ответа не дожидается и добавила:

-- Вот эти встречи -- и есть настоящие драгоценности. Не камни и золото, их нельзя потрогать руками, зато они всегда с тобой -- в твоей памяти. Я, хоть и молода еще, знаю, как это бывает у магов. А у драконов -- тем более.. Наверняка Вейриш, хоть по нему и не скажешь, уже кого-то терял, по кому-то скучает и тоскует, и рад был бы свидеться, но их нет рядом уже много лет, и даже память о них хранит только он один -- больше никому!

Я невольно вздрогнул: Фергия умела попасть в больное место. Сразу видно, чья школа...

-- И что же мне делать? - после долгой паузы выговорила джанная.

-- Ждать, - был ответ. - Время -- лучший лекарь. А пока ты станешь заниматься самолечением, можно, я поселюсь в этом месте? Очень уж оно мне подходит! То есть, если ты возражаешь, я поищу что-нибудь другое, но...

"Но сюда уже привезли и камень, и какие-то доски, и припасы, но это явно не конец, - сказал я про себя. - Значит, ты уже придумала, как будешь восстанавливать дом".

-- Пусть будет так, - согласилась джанная, и брови ее сурово сдвинулись. - Вдова продаст тебе землю. А не захочет, я напому ей, как она бежала, теряя туфли и воя от страха!

-- Я думаю, до этого не дойдет, - улыбнулась Фергия. - Хотя... если она заартачится, придется напомнить ей, кто здесь хозяйка.

Джанная посмотрела на нее с недоумением.

-- Полагаю, правильно будет записать эту землю на тебя, - пояснила она. - У тебя есть человеческое имя? Мадри называл тебя как-то? Отлично! Тебя и обозначим владелицей, а я возьму у тебя землю в аренду. За какую плату, договоримся, наверно?

-- Тогда я принесу золото, - обдумав предложение, сказала джанная. - Не наше с Мадри, только моё. Я знаю, где его взять. Чтобы земля вправду была моя по вашим законам!

Я уже отчаялся постичь женскую (тем более, женскую нечеловеческую) логику, а потому лишь внимал диалогу, стремясь не упустить ничего важного.

-- Ты только обещай не трогать могилу Мадри, - добавила джанная.

-- А ты разве не останешься? - удивилась Фергия. - Я-то думала, ты будешь жить поблизости. Захочешь -- заглянешь поговорить. Вряд ли у меня здесь будет много собеседников, а у тебя их вовсе нет! Я расскажу тебе о северных морях и их обитателях, а сама с удовольствием послушаю о дальних странах и крае света... Как знать, может, я сама туда отправлюсь однажды?

"Угадал", - подумал я, а Фергия смерила меня таким взглядом, что ясно стало -- она примеривается, как ловчее меня оседлать. Я вовсе не собирался на край света, но решил, что сообщу об этом в более подходящий момент.

-- Я могла бы сделать дом прежним, - после долгого молчания сказала джанная. - Как в нем теперь жить?

-- Не нужно! - подняла руку Фергия. - Не хочу тебя обидеть, но я сомневаюсь, что наши с Мадри вкусовые пристрастия совпадают. Я хочу видеть дом таким, каким его задумала я, и если всё пойдет, как надо, скоро я пригоню сюда рабочих.

Джанная только вздохнула, потом оглянулась -- небо на востоке уже зарозовело.

-- Рассвет... - сказала она. - И я все еще жива...

-- Мы все живы, - пожала плечами Фергия и отчаянно зевнула. - Только спать очень хочется. Я сам сдерживался изо всех сил, но зевота заразительна...

-- Езжайте отсыпаться, Вейриш, - весело сказала мне Фергия. - Вас Аю заждалась!

-- А вы...

-- Вздремну пару часов, сварю ойфа покрепче и опять поеду в город -- уламывать вдову и искать работников. Дел тут непочатый край!

-- Я могу... - прогудела джанная, но Фергия отмахнулась:

-- Потом обсудим! Сперва надо землю выкупить... Но вообще, - тут же добавила она, - дом я обустрою по своему вкусу, а вот сад -- на тебе!

-- Сад?..

-- Ну да, я мечтаю попробовать те знаменитые черные сливы! Старый Уриш так расписывал их вкус, что я знай облизывалась... Но об этом тоже после, - сказала Фергия и подтолкнула меня в спину. - А вы езжайте, Вейриш. Давайте, я вас провожу?

Я чуть не сказал, что не заблужусь, но вовремя сообразил, что она хочет поговорить подальше от джаннаи, а потому кивнул:

-- Не откажусь. У вас иначе лошадь застоится... Кстати, где она? Ариш сказал, вы купили что-то несусветное, но я еще не видел ваше приобретение... Куда вы ее подевали?

-- Старуха, которая ее продавала, сказала -- отпусти, пускай бегаёт. На зов придет. Ну или когда проголодается.

-- И вы поверили? - изумился я.

Придет она, как же! К знакомым людям вернется, и плакали денежки... Знаю я этот фокус!

-- Я проверила, - с достоинством ответила Фергия, отвернулась, сунула пальцы в рот и свистнула так, что я чуть не присел.

Потом еще раз. И еще. И так до тех пор, пока в ушах у меня не зазвенело. А затем раздался глухой перестук копыт, и я увидел... Это.

Ариш ничего не перепутал. Фергии продали дикую лошадь: это видно было по характерной песчаной (соловой ее назвать язык не поворачивался) масти, темным полоскам на шее, щетинистой темной же гриве, короткой шее и большой голове. Однако для дикарки эта кобыла была великовата, а судя по достаточно длинным ногам и сравнительно легкому корпусу, в родословной ее затесались благородные кони. Тот еще смесок вышел, надо сказать.

-- У вас семейное пристрастие к такой масти? - только и смог я сказать, поглядев в недобрые темные глаза лошади. На морде, на шее и на боках у нее белели шрамы, одно ухо было порвано. Сразу видно, покладистым нравом тут и не пахнет...

-- Да, пожалуй, - согласилась Фергия. - Вы лучше отвернитесь, Вейриш. Я попробую ее оседлать, а это зрелище не для слабонервных...

Я никогда не считал себя слабонервным, а потому с удовольствием наблюдал за тем, как волшебница пытается укротить бешеную тварь. Не знаю, сколько это могло продолжаться (помнится, лошади плохо относятся к магии, и эта не была исключением), если бы не вмешалась джанная. С ее произвольно изменяемыми размерами ей достаточно было немного увеличиться, протянуть руку и взять кобылу под брюхо, как щенка. Большого изумления в лошадиных глазах я отроду не видел, клянусь!

-- Спасибо! - выдохнула Фергия и ухитрилась-таки затянуть подпругу. - Неплохая разминка с утра, согласитесь, Вейриш?

-- Только не после бессонной ночи.

-- Тоже верно, но надо же приручить это дитя саванны? - она взгромодилась верхом и еще некоторое время боролась с кобылой, которая норовила то откусить всаднице коленку, то опрокинуться на спину. - Бодрит, скажу я вам!

-- Найдите ту бардазинку и потребуйте деньги назад -- вас обманули, Фергия.

-- Вовсе нет, - помотала она головой. Кобыла временно утихла, но косилась на моего коня так, что я предпочел отдалиться на приличное расстояние. - Мне обещали, что это будет неприхотливое животное. Чистая правда. Сказали, что она слушается свиста, - тоже не соврали, вы сами удостоверились.

-- На этой скотине нельзя ездить, она вас покалечит!

-- И о том, что к седлу она почти не приучена, я тоже знала, - завершила она, подогнав лошадь, и та неохотно перешла на рысь, - и видела, что покупала.

-- Мало вам... - я осторожно кивнул назад, на джаннаю, которая так и сидела у потухшего костра и в лучах утреннего солнца казалась огромной тенью, заблудившейся в песках. - Еще и эта головная боль!

-- Иначе скучно, - ответила Фергия. - Дел пока не предвидится, так у меня будет, чем себя занять.

-- Я и говорю: у вас теперь джанная есть.

-- Но я же не могу ее дрессировать!

Я в этом очень сомневался, если честно.

-- Как вы вообще решились на... на... - я не смог подобрать подходящего слова.

-- А вы как думаете? Признаюсь, у меня до сих пор коленки дрожат, - ухмыльнулась Фергия, подумала, сняла с пояса фляжку и от души хлебнула. Мне не предложила, что характерно. - Я готовилась к серьезной драке. Порадовалась, что вы приехали: вдвоем все-таки сподручнее... А видите, как всё обернулось?

-- Вы могли бы выполнить ее просьбу, - заметил я.

-- Да что вы? - искренне поразилась она. - Взять и уничтожить уникальный источник информации о прошлом, о каких-то неведомых землях, о магических артефактах, самих джаннаях, наконец... Это просто немыслимо! Дед маму за упущенную тушу мертвого дракона чуть не убил, а тут живая джанная! Да я...

-- Вам просто стало ее жаль, - подытожил я и улыбнулся. Все-таки представители семейства Нарен сентиментальны, хотя в жизни в этом не признаются.

-- Будто это что-то плохое... - проворчала Фергия и хотела добавить что-то еще, но тут кобыла, до сих пор изображавшая смирение, вдруг лихо взбрыкнула и взяла с места в карьер, только песок полетел.

-- Вы куда?! - зачем-то крикнул я вслед.

-- Не зна-а-аю! - раздалось в ответ. - Спросите у лошади!..

Я понаблюдал за тем, какие курбеты выделяет "дитя саванны", вздохнул и поехал прочь. Уж наверно, Фергия способна не свернуть себе шею, свалившись с этого чудовища... Меня лишь глодала мысль: не для полета ли на мне она тренируется? С нее станется! А как же мое согласие? Его могут и не спросить, решил я, припомнив госпожу Нарен-старшую...

Отъехав подальше, я оглянулся: битва с дикой лошадей была в самом разгаре, а значит, Фергии не до того, чтобы смотреть по сторонам. Тогда я спешился, хлопнул коня по крупу -- сам до

дома доберется, не впервой, - огляделся, чтобы убедиться: никого постороннего кругом нет, не напугаю... И взмыл в рассветное небо, боясь опоздать...
Успел. Перистые облака еще не успели рассеяться под палящим солнцем, и были они красивее любых самоцветов...

9.

Следующие несколько дней я Фергию не навещал, зато бывал в городе и наслаждался слухами - они росли, как снежный ком. Я видел в Арастене, как дети скатывают такие и строят из них целые крепости. (Применительно к Адмару правильнее было бы вспомнить навозного жука с его шариками, но это сравнение казалось мне слишком уж неаппетитным.)

-- Вдова Маддариша продала проклятый дом! - из уст в уста передавали на базаре. - Как это кому? Приезжей белой ведьме! Говорят, та убила джанная!

-- Только выгнала! - поправляли с другой стороны. - Тараш видел, как он улетал! Боялся, наверно, что солнце его застанет и обратит в камень...

-- Не ври! Это только подземные твари превращаются в камень с рассветом, а джанная оно не страшно!

-- Значит, он просто улепетывал от ведьмы!

"Все-таки меня заметили", - вздохнул я и тут меня окликнули.

-- Вейриш-шодан! Проклятый дом ведь совсем рядом с твоим поместьем, неужели ты ничего не слышал и не видел?

Десятки пар глаз уставились на меня в ожидании.

-- Ничего, - вынужденно огорчил я. - Я... м-м-м... Меня предупредили, что с заходом солнца нужно закрыть ворота, никого не впускать и не выпускать и даже не смотреть в ту сторону.

-- И ты удержался, шодан? - звонко выкрикнул какой-то мальчишка. - Я бы непременно подглядел хоть одним глазком!

-- И я подглядел, - не удержался я, и народ притих. - Но ничего не увидел. В крошечной темноте что-то сверкало, будто костер то загорался, то снова гас. А еще поднялся сильный ветер, и на фоне неба я заметил будто бы огромный смерч, только он стоял на одном месте, и внутри него сверкали синие молнии, такие яркие, что глазам сделалось больно. И как-то мне не захотелось выходить из дома! К утру ветер стих, вот и всё.

-- А ведьма не рассказывала тебе, шодан, как ухитрилась выгнать джанная? - встрял еще кто-то.

-- Да я ее и не видел с тех пор, как она заметила нелады в лавке Итиша, - солгал я. - Слуги мои с ней ездили, но перед битвой она отправила их домой. Верно, Ариш?

-- Да, так и было, - кивнул тот, перехватив мой взгляд и уловив, что говорить о моей ночевке в проклятом месте не нужно.

Впрочем, об этом всем слугам еще Аю сказала, снова выразительно показав острый нож. За всё время, что она жила в моем доме, ни разу никого не наказала толком, ан поди ж ты, ее боялись намного больше, чем меня!

-- Она много чего купила, - сообщил еще один лавочник, высокий и тощий. - Точно будет дом перестраивать. Только работать там никто не хочет, бояться.

-- Чего бояться, если джанная больше нет?

-- А ведьма? Вдруг она из работников кровь выпьет?

"Фергия выпьет, это уж точно, - невольно подумал я. - И все жилы вытянет, если чего-то возжелает. Это у них семейное".

-- К ней хромой Каддаш с сыновьями нанялся, - тут же сообщила торговка горячими лепешками. - Я видела, как они утром поехали.

-- Вернутся ли... - жалостливо протянула еще одна.

-- А что им терять? Сама знаешь, их никто не берет, так не с голоду же умирать?

-- У ведьмы они, может, не с голоду умрут...

-- Зато быстро!

-- А если она их околдует и заставит себе служить?

-- Всё лучше, чем побираться!

Спор этот грозил затянуться надолго, и я двинулся дальше. Хромого Каддаша я знал: он был неплохим строителем, сыновья тянулись за ним следом, работы хватало... Только три года назад

один наниматель подумал, что Каддаш слишком многого требует, и закупил веревки похуже. А может, он и ни при чем, а его управляющий решил положить разницу в цене себе в карман. Каддаш пробовал спорить, но какое там! Ему велено было или работать, или вернуть задаток и убираться. Он поколебался и решил рискнуть -- очень уж были нужны деньги. И вроде всё шло неплохо, но... В один несчастливый день веревки все-таки не выдержали, и каменный блок сорвался. Остаться бы Каддашу без старшего сына, но он успел оттолкнуть юношу. Самому не хватило совсем немного, чтобы увернуться от опасности, и камень раздробил Каддашу обе ноги. Одну пришлось отнять, и теперь Каддаш ковылял на искусно вырезанной деревяшке. Наниматель предложил ему денег за увечье, но Каддаш отказался. И достраивать дом -- какой дом, настоящий дворец! - тоже не пожелал и сыновьям запретил. Вот это он сделал зря: стряпчие мигом доказали, что Каддаш сам виноват в падении камня, веревки покупали точно такие, как он сказал, стало быть, он и не уследил, с него весь спрос! А раз он не желает заканчивать дело, придется ему вернуть-таки уже уплаченное...

Я тогда передал для него деньги, потому что вернуть всю сумму Каддаш сумел бы, разве что продав всех своих детей и внуков в рабство. С тех пор он и его семейство перебивались случайными заработками: никто из богатых и знатных не желал нанимать Каддаша. Должно быть, тот наниматель шепнул, кому следует: у него уже в десятый раз за эти три года обвалился балкон, доделанный другими мастерами, и он был крайне зол. А может, люди просто не хотели связываться с неудачливым работником.

В Адмаре есть поверье: если к кому-то привязалась беда, от нее до самой смерти не отделаешься, если только совершишь что-нибудь... не подвиг, подвиги только легендарным воинам по силам, но хотя бы достойный поступок. Хуже того, эта беда может перебраться к кому-то, кто станет иметь дело с "зараженным", а потому лучше с такими не связываться. Может, Каддаш взялся перестраивать проклятый дом, чтобы избавиться от этого клейма? Так-то на нем с сыновьями ничего не было, никаких проклятий, кроме всякой бытовой ерунды, которая на каждом гроздьями висит. Я сам проверял и мог с уверенностью сказать, что Каддаш ничем не отличается от остальных работников, не считая его увечья, вот только поди докажи это людям! Молва сильнее...

Не сомневаюсь, Фергия успела разузнать эту историю, однако не думаю, будто Каддаша она наняла из одной лишь жалости. Во-первых, никто больше не соглашался идти к ней (если здешние чего-то боятся, их хоть золотом осыпь, не возьмутся либо потребуют столько, что и рашудан не заплатит), а во-вторых, он наверняка назвал справедливую цену. Куда уж ему заламывать неслыханно, с его-то дурной славой! Ну а Фергия, судя по всему, как ее мать с прадедом, прижимистая и деньгами швыряться не любит. Вон, даже землю не на свои купила! Я поинтересовался между прочим, сколько чужеземная шади отдала за землю, и протяжно присвистнул. Мне тут же поведали, что торг с вдовой Маддариша шел с утра почти до заката (наврали, конечно, максимум пару часов), что та юлила, как могла, отказывалась продавать землю, но белая ведьма позвала свидетелей (из числа зевак, скорее всего, причем заранее прикормленных). Тут же выяснилось, что весь Адмар знает об уговоре: если кто выдержит три ночи в проклятом доме, тот сможет его купить! А уж если слово сказано при всех, то деваться некуда, это и судья подтвердит. Фергия в запале (а вернее того, весьма расчетливо) предложила обратиться к нему, и тут уж вдова сдала назад. Оно, конечно, Фергия -- чужестранка, а старуха (хотя какая она старуха, ей пятидесяти нет!) -- здешняя, однако...

История с ее мужем вышла темная, и как знать, не она ли сама сговорилась с джаннаем, чтобы убить Маддариша и завладеть его деньгами? Недаром больше замуж не вышла, хотя могла бы найти отчаянного, который позарился бы на богатство! Вдруг это ее наказание за то, что мужа извела? Наболтать можно такого... Впрочем, об этом тридцать лет говорили, уже языки стерли! Вдова сейчас уважаемая женщина, в ее амму ходят богатые люди, но мигом перестанут, если поползут новые слухи. Кому же хочется лишаться заработка? От денег мужа, что ей достались, вряд ли осталось много -- и брат вдовы поживился, и племянникам досталось, - и как прикажете жить, если привыкла к достатку, но вдруг лишишься его? С голоду брат умереть не даст, но вряд ли станет баловать, как своих жён и дочерей...

Не сомневаюсь, вдова всё это прекрасно понимала, а если не понимала, Фергия ей доступно объяснила. И, к слову, потребовала вычесть из стоимости сделки плату за свои услуги по изгнанию джанна. Надо ли говорить, что плата эта почти равнялась цене земли с домом?

Как проверить, убрался ли джаннай прочь? Легко -- пусть кто-нибудь, хоть сама вдова, пойдет, заночует в доме и убедится, что никакой опасности больше нет! Желающих отчего-то не сыскалось.

Одним словом, в итоге они сторговались на вполне справедливой сумме: и вдова умерила аппетиты, и Фергия смилостивилась и опустила цену на свою услугу. И, повторюсь, расплатилась золотом джаннай. Надеюсь, хотя бы не фальшивым, а то знаю я эти фокусы: от настоящего не отличишь, только через сутки оно превратится в глину, и скандал выйдет феерический! Впрочем, Фергия не вчера родилась, должна была предусмотреть такую возможность: духи склонны к шуткам дурного пошиба, так неужели она не слышала об этом? Если нет, тогда...

Впрочем, я отогнал эти мысли и поинтересовался, наняла ли Фергия-шади слуг. Оказалось, нет, хотя и пыталась. Идти в услужение в такое место никто не пожелал, а она не слишком-то уговаривала.

В ближайшее время Фергия вполне обойдется и так, подумал я. У нее всего одна лошадь... и верблюд, да, и за обоими не нужно слишком тщательно ухаживать. Она умеет готовить, а что еще нужно? Вряд ли она привыкла, чтобы десяток служанок готовили ей ванну, мыли, умащивали кожу душистыми маслами, одевали и причесывали... А если Фергии вдруг захочется смыть с себя песок как следует, а не из кувшина, то она, уверен, наведается в мое поместье. Или даже в амму вдовы Маддариша -- отчего бы и нет?

-- Доброго тебе дня, Вейриш-шодан, - окликнул меня знакомый голос, и я подавил желание сделать вид, будто оглох.

-- И тебе доброго дня, Оталь-шодан, - отозвался я. - Хорошо ли идут твои дела?

-- Хвала богам, не хуже прежнего, - привычно ответил торговец. В глазах его я видел немой вопрос, и наконец он прозвучал: - Скажи, Вейриш-шодан, удалось ли тебе сделать то, о чем я нижайше просил тебя?

-- Нет, Оталь-шодан, - признался я, чувствуя себя хуже, чем живой червяк на раскаленной сковородке. - Я не смог выполнить твою просьбу.

Тут мне пришла в голову отличная мысль, и я добавил:

-- Моя жена сказала, пока нельзя отправляться.

-- А-а-а... - покачал он головой, и морщины на его лице немного разгладились. - Должно быть, это из-за джаннай?

-- И я так думаю, Оталь-шодан, да ведь она никогда не говорит наверняка, что именно видит!

Но не хотелось бы мне столкнуться с обозленным джаннаем...

-- Никому такого не пожелаю, - согласился торговец, подумал и предположил: - Что, если и караван... тоже он?

-- Ты ведь не верил в это, Оталь-шодан.

-- Так-то оно так, Вейриш-шодан, но когда творятся такие дела... - он покачал головой, и перо белой цапли на его тарбане поникло.

-- Думаешь, он оголодал или заскучал, а потому решил пожить? Почему тогда не в городе, не в поместьях, а...

-- Хищники не охотятся возле самого своего логова, - напомнил мне Оталь. - Быть может, это совпадение, но...

-- Как только путь будет свободен, я постараюсь найти следы, - заверил я, мы раскланялись и разошлись в разные стороны.

Как я мог забыть про этот треклятый караван? Давно бы уже слетал и искал следы! А теперь... В песках они быстро исчезают, так что мне предстоит покружить над пустым местом и убраться прочь несолоно хлебавши. Правда, тогда я хотя бы смогу честно сказать Оталю, что ничего и никого не нашел. Попробую, конечно, поискать его племянника на расстоянии, но очень сомневаюсь, что вышитый платок мне поможет. Была бы на нем кровь -- другое дело, а так затея почти безнадежна.

Я решительно отогнал идею попросить о помощи Фергию и повернул в другую сторону. Мне ничего не было нужно на базаре, кроме сплетен, но самое интересное я уже узнал, и пора было возвращаться.

Вечером я отправил Ариша к Фергии с гостинцами, но тот вернулся и только развел руками: сказал, его и близко к дому не подпустили, он ничего не успел рассмотреть, только слышал стук молотков и какой-то грохот. Хозяйка перехватила Ариша на дальних подступах ("Охрану уже

наладила, а может, джанная сторожит", - решил я), велела передать благодарность за подарки и записку.

"Вейриш, - было написано на обороте какого-то чертежа, - я вам крайне признательна за то, что согласились скоротать вечерок у костра, но не суйте любопытный нос в мое поместье, пока не приглашу! Не люблю показывать что-то недоделанное, будь то незаконченное дело или недостроенный дом. А если попробуете посмотреть сверху, то знайте -- ничего не выйдет, наша общая подруга постаралась. Я-то думала просто сбить вас каким-нибудь заклятием помощнее -- не насмерть, а так, чтобы крыло повредить, - но она предложила лучший выход. Поэтому потерпите. Скоро я отпущу рабочих, и весь Адмар узнает, что тут творится!"

-- Сбить, значит... - пробормотал я, скомкав записку. - Не насмерть, значит... После всего, что я для нее сделал!

-- Что сделал Эйш? - полюбопытствовала Аю, как обычно, неслышно подкравшись со спины.

"А и правда, что? - задался я вопросом. - Приютил Фергию на одну ночь и вел себя, как предписывают правила гостеприимства? Проводил на базар? Она и без меня бы не пропала! Вот ночное бдение было хуже, но... Уверен, она тоже бы что-нибудь придумала! Зачаровала бы какого-нибудь нищего, напоила и рассказывала семейные истории ему, а не мне, вот и всё. Таким образом, Вейриш, ты осёл, как тебя обзывает Фиридиз, когда думает, что ты не слышишь..."

-- Ничего полезного, - заверил я. - И это меня гнетет... Знаешь, мне нужно размять крылья.

-- Пускай Эйш не летает к дому Фергии, - предостерегла она.

-- Ты откуда знаешь, что она запретила? Увидела?

-- Конечно, - кивнула Аю. - Там стена. Нет, не стена... Вот так!

Она взяла камешек, пиалу, из которой я цедил остывший ойф и перевернула ее вверх дном. Что ж, понятно... Дом закрыт барьером, и увидеть никто посторонний ничего не сумеет. Ариш вон упоминал, что даже рожицу не рассмотрел, а ведь должен был!

-- Туда не полечу, - заверил я. - Мне нужно совсем в другую сторону. Сегодня в небе всё спокойно?

Аю кивнула, и я расслабился, но тут же собрался. Нужно выяснить, наконец, что случилось с караваном Оталя!

-- И пусть Эйш не лжет, - сказала вдруг Аю.

-- О чем ты?

-- Эйш сказал неправду торговцу. Аю не говорила, что искать караван опасно.

-- Откуда ты...

Я осекся. Наверняка Ариш разболтал: он к Аю очень привязан, а потому добровольно исполняет роль шпиона при моей особе.

-- Сам знаю, что скверно вышло, - произнес я. - Но я забыл о просьбе Оталя, веришь? Нельзя же было сказать ему это в лицо...

-- Пускай Эйш заранее придумывает складную ложь, но только о себе самом, - жестко сказала она. - Аю не желает, чтобы Эйш использовал ее имя для обмана.

-- Я не буду больше, - пообещал я, как маленький мальчик, пойманный на дурном поступке.

Аю посмотрела на меня, кивнула каким-то своим мыслям, осталась довольна, улыбнулась и разрешила:

-- Эйш может лететь.

Вылетел я на закате. Темнеет здесь мгновенно, но ночной мрак мне не помеха, тем более, высыпали крупные яркие звезды, а луна светила, как маяк в безбрежном черном море, так и манила править на нее... Когда я был мальчишкой, решил долететь до нее, но ничего у меня, конечно же, не вышло: вернулся на землю, едва дыша от усталости.

Помню свою обиду, помню, как смеялся отец -- выдумал тоже, добраться до луны! Она ведь так далеко, что даже взрослый дракон не доберется, пробовали уже... Никто не может взлететь настолько высоко: за облаками уже становится трудно дышать, а чем выше, тем воздуха меньше. И даже там, откуда величественные горы и полноводные реки кажутся невысокими холмиками и жалкими ручейками, луна выглядит прежней, не приближается, словно играет с тобой в догонялки и насмехается -- сколько ни махи крыльями, не настигнешь!

До оазиса я добрался как раз к рассвету, как и подгадывал: нужно было удостовериться, что там нет другого каравана, иначе я перепугал бы всех насмерть... Да и не любил я показываться в истинном облике. Одно дело, когда домочадцы и соседи догадываются о моей природе, и

совсем другое -- попасться на глаза чужакам. Этак и на меня могут охоту объявить, и как тогда быть? Уезжать на другой край земли? Нет уж, мне слишком нравилось в Адмаре!

Если караван и побывал здесь, то давно, заключил я, оглядевшись и принявшись. Оталь забил тревогу почти сразу, как понял, что караван задерживается... Хотя нет, он же отправлял кого-то, но тот не вернулся. Добрался ли он вообще до оазиса? Неизвестно...

Таким образом, прошло минимум три недели с того момента, когда караван должен был оказаться здесь. Плюс еще те дни, в которые я занимался чем угодно, только не просьбой уважаемого соседа.

"Безнадежно", - подумал я и принялся. У драконов острое обоняние, и я учуял запах фекалий -- верблюжьих в основном. Человеческая нотка тоже присутствовала, но это и немудрено: здесь останавливаются все, кто движется в Адмар из Рассветной пустыни. Вполне вероятно, после каравана Оталья (если он вообще тут был) в оазисе побывало еще несколько... А отличить одного верблюда от другого по запаху я, увы, не в состоянии, я все-таки не ищейка.

Платок Ориша, как я и думал, ничем мне не помог. Я был уверен, что молодого человека нет нигде на расстоянии трех дневных переходов, а это могло означать, что угодно. То ли Ориш был здесь и ушел, то ли вовсе не появлялся в оазисе... Я даже не в состоянии определить, жив он или нет! Было бы у меня что-то более существенное, кровь или хотя бы прядь волос, тогда другое дело, но платок, которым, похоже, и не пользовались? А если пользовались, то слуги тщательно его выстирали? Какие следы я на нем найду? Это даже не смешно!

Ну а искать следы в пустыне бесполезно: ветер непрестанно гонит песок и меняет рисунок барханов. Спустя час уже ничего не различишь, даже если здесь прошел большой караван, а времени прошло столько, что... Безнадежно, одним словом.

Взлетев повыше, я сумел разглядеть несколько темных точек, движущихся в разных направлениях, все довольно далеко от этого оазиса. Не в двух неделях пути, конечно, но... Нет, проверять я не собирался. Что-то подсказывало мне, что караванчики не обрадуются, если с неба вдруг рухнет дракон, насмерть перепугав животных (да и людей тоже), потом обернется человеком и вежливо поинтересуется, нет ли среди присутствующих некого Ориша, племянника торговца Оталья.

Оставалось возвращаться домой несолоно хлебавши, как говорят в Арастене... Но я, во всяком случае, выполнил просьбу: слетал и поискал следы. А что не нашел -- другое дело. Я, повторюсь, не ищейка и даже не частный сыщик вроде Фергии Нарен...

"Интересно, - пришло мне в голову, - а она сумела бы обнаружить хоть что-то? Хотя бы намек на то, куда подевался караван? Нет, вряд ли... Он ведь мог вовсе не сворачивать сюда, мог и вовсе остаться где-то в пустыне -- случаются ведь мгновенные бури, от которых не спастись!" И все же мысль эта не давала мне покоя на протяжении всего обратного пути. Лететь пришлось при свете дня, но внизу никого не было, а если бы даже и встретился... У путников нет привычки попусту разглядывать небо. К тому же я мог показаться птицей на фоне солнца, не более того.

Уже на исходе дня я оказался совсем рядом с проклятым местом и сделал над ним круг. Снижаться не собирался -- что-то подсказывало мне, будто Фергия вовсе не шутила, когда писала о заклятии, которым может меня подбить. Как-то не хотелось испытывать на себе ее сомнительное гостеприимство...

Тем не менее, я рассмотрел в закатном свете дом -- крыша была уже на месте, - рощицу... А больше ничего. Чем же таким занималась Фергия, что запретила мне навещать в гости? Внизу вдруг вспыхнул синий огонек, мигнул два раза и погас. И еще раз. И еще...

"Да будь я проклят, если это не приглашение!" - подумал я и камнем рухнул вниз, сложив крылья. Приземлился, правда, поодаль, как раз за рощицей, там, где начинался защитный купол: Аю не ошиблась, он накрывал всё поместье, но различить его я мог только на близком расстоянии.

-- Я так и подумала, что это вы, - довольно сказала Фергия, появившись из темноты для разнообразия на белом верблюде.

-- Удивительно, правда? - усмехнулся я. - В округе нет других драконов, поэтому вывод ваш напрашивался сам собой.

-- То, что они здесь не живут, вовсе не значит, что они не пролетают мимо по каким-нибудь своим делам, - ответила она и спрыгнула с меланхолического старого зверя. - Кроме того, можно использовать птиц в качестве посланников и шпионов, слышали, наверно? Вот от них-то я и

защищаюсь... И желаю знать, кто и с какой целью пытается за мной подсматривать. Если ему хочется оценить мою фигуру -- это одно дело, а вот если интересуют профессиональные секреты -- совсем другое!

-- И давно вы меня засекли?

-- С четверть часа. Вы летаете быстро, размеры внушительные, не заметить сложно. Вернее, разглядеть не получится, но мое заклятие, - Фергия довольно улыбнулась, - сбоев не дает. Я его два дня проверяю, всех птиц в округе замучила... Что вы встали, Вейриш? Я вижу, вы устали, проголодались и желаете о чем-то мне поведать, поэтому идемте скорее! Или я ошиблась, и вы торопитесь домой?

Эти ее мгновенные перескоки с одной темы на другую настолько сбивали меня с толку, что я мысленно зарекся отвечать сразу, не уточнив, на какой именно вопрос я говорю "да" или "нет".

-- Я устал и проголодался, но не настолько чтобы не дотянуть до дома.

-- То есть вас привело ко мне банальное любопытство?

-- Да. И хотя вы предупреждали...

-- Ну, я же посигналила, а вы совершенно верно истолковали мои знаки, - улыбнулась Фергия. - Вообще-то, я собиралась пригласить вас с Аю дня через два, когда закончу с отделкой дома, но раз уж вы ввалились незванным, то не прогонять же?

-- Вы посигналили, - напомнил я.

-- Да, но после того, как вы нарушили охраняемый периметр.

-- И насколько далеко он распространяется?

-- А вы с какой целью интересуетесь? - прищурилась Фергия, взяла меня за локоть и потащила за собой. - Шевелитесь, Вейриш, не то еда остынет!

Против такого приглашения я устоять не мог. Задумчивый верблюд пошел следом.

-- Что, Фергия, - не удержался я, - решили все же избавиться от той резвой лошади?

-- Почему это? - удивилась она.

-- Вы верхом вот на нем, - кивнул я на верблюда.

-- Его тоже нужно прогуливать и приучать к себе, Вейриш, - укоризненно произнесла Фергия. - Вам ли не знать! Конечно, он не в пример послушнее лошади, но надо ведь привыкнуть друг к другу.

-- И как движется дело?

-- Неплохо, - заверила она. - А теперь закройте глаза.

-- Зачем?

-- Затем, - был ответ. - Не желаете -- отправляйтесь домой, я вас не держу.

-- Неужели? - я выразительно покосился на свой локоть.

Хватка у Фергии была такая, что я не позавидовал ее верховым животным. Эта мысль привела меня к другой, которая мне вовсе не понравилась, и я постарался высвободиться. Тщетно. Судя по всему, у Фергии еще никто не вырывался...

И что мне оставалось делать? Конечно, я мог отправиться домой, но желание увидеть, что же сотворила Фергия с проклятым местом, пересилило. Я послушно закрыл глаза.

-- И не подглядывайте! - приказала она и потащила меня за собой через рощицу.

10.

Спотыкаться тут было не обо что, но я все-таки несколько раз едва не полетел носом в землю. Камни, что ли? Откуда? Здесь давно всё засыпано ровным слоем песка! И корни деревьев торчат не могут по той же причине...

А еще, когда мы миновали барьер, изменились звуки вокруг. В пустыне никогда не бывает тишины: шелестит ветер, слышно, как с тихим шорохом перемещается песок, вздыхают верблюды и фыркают лошади, изредка кричит птица или воеет вдалеке какой-нибудь зверь... Однако здешний тихий шум больше напоминал тот, который бывает в оазисе. Вернее сказать, я был уверен, что кругом шелестит листва! И запах... Даже в оазисах так не пахнет, потому что это был...

-- Всё, открывайте, - перебила Фергия мои мысли, и я посмотрел по сторонам.

Прямо передо мной оказался дом, и я подивился, до чего строительный гений Фергии изуродовал хорошую некогда постройку. Стены-то остались прежними, но вот выглядел дом в точности так, как тот, в котором я некогда вынужденно гостил в Арастене. В Адмаре не делают

высоких двускатных крыш, это во-первых. Во-вторых, если и устраивают место для отдыха, то во внутреннем дворике или на балконе, а никак не на крытой террасе -- она опоясывала весь дом.

-- Нравится? - по-своему истолковала Фергия выражение моего лица. - Вид отменный! Хочу -- закатом люблюсь, хочу -- восходом... А чтобы понаблюдать за звездами, лучше пойти к пруду. Видите?

Еще бы я не видел... Пересохшая лужа сделалась вполне приличным водоемом. Не уверен, что в нем можно было плавать, глубины там, казалось, едва по пояс, но окунуться при желании получилось бы. Вот что за шум я слышал: это лилась вода. Родник, прежде прятавшийся в камнях, теперь изливался с изрядной высоты, наполняя пруд.

-- Пришлось подвинуть скалу, - сообщила Фергия, заметив мой взгляд. - И приподнять, иначе нужно было мастерить трубы, проводить воду... не люблю я этого. Да и зачем извращаться, если можно воспользоваться магией?

-- И правда... - пробормотал я, снова принюхался, стараясь не замечать аппетитного запаха, исходящего из дома (там дожидался нас ужин), посмотрел по сторонам внимательнее... и оцепенел.

Как я этого сразу не заметил? Неужели морок? Причем настолько сильный, что действует даже на дракона? Или просто я настолько невнимателен, что способен не замечать очевидного? Всё-таки то, обо что я спотыкался по дороге, было корнями. Кругом дома с островерхой красной крышей, будто перенесенного волшебным ураганом прямоком из мирного арастенского Заречья, тихо шумел сад. Могучие деревья смыкали ветви над тропинкой, по которой меня только что привела Фергия, тихонько шелестели листья, ветер посвистывал в кронах... А еще сад цвел. Это-то меня и добило: не время сейчас для цветения, плоды уже давно созрели! Но нет, зрение меня не обманывало: белые лепестки то и дело слетали наземь, устилали дорожку, ложились на плечи, взвивались под порывами ветра, словно поземка...

-- Опять магия? - только и сумел выговорить я.

-- Конечно, - ответила Фергия и довольно улыбнулась. - Мне было очень жаль погибший сад. Лалире -- тем более. Поэтому мы решили, что нужно вернуть его на место.

-- Лалира -- это....

-- Джанная.

-- А она... - я огляделся. Гигантской чернокожей красавицы нигде не было видно.

-- Она обычно возле могилы Мадри, там, в рощице, - махнула рукой Фергия. - Иногда приходит, сидит на крыльце, молчит. И я молчу. Это, знаете ли, важно, когда у тебя есть кто-то, с кем хорошо помолчать вдвоем, каждому о своем.

Я кивнул, потом спросил:

-- Вы же собирались узнать побольше о джаннах, о далеких краях...

-- Успеется. И потом, если она не желает рассказывать, не могу же я заставить ее силой?

Я признал, что заставлять джаннаю что-то делать против ее воли -- себе дороже.

-- И вы не опасаетесь такого соседства?

-- С чего бы? - Фергия потянула меня в дом. - Отличная соседка, всем бы таких! Я ей не мешаю, она мне помогает по желанию, вот как с садом. Я-то просила позаботиться о той несчастной рощице, она же совсем захла...

-- А вам, я помню, хотелось попробовать злосчастных черных слив.

-- Не без этого. Вообще-то я думала, посажу кругом дома какие-нибудь неприхотливые пальмы, которые водятся в оазисах, и неприхотливые цветы. Но как-то так, слово за слово... и волшебный сад вырос за одну ночь, - довольно улыбнулась Фергия. - Нравится вам, Вейриш?

-- Да, очень, - искренне ответил я. - Но вы не боитесь?

-- Чего? Что меня ославят колдуньей? На здоровье! Конечно, - добавила она, - мне не очень нравится, когда меня так называют, но это можно стерпеть ради дела.

-- Я не об этом, - покачал я головой. - Вы слишком выделяетесь, вот что.

-- Конечно, я же из семьи Нарен, я независимый судебный маг! К тому же, если ничем не отличаться от других, как они поймут, что я не обычный человек?

-- Да не в том дело, Фергия!

-- Так объясните, в чем?

-- В Адмаре достаточно магов, - сказал я, собравшись с мыслями. - Полагаете, они не заинтересуются вами, пришельцей с севера? Не подумают, что вы можете претендовать на место советницы при их хозяевах?

-- Я ведь женщина, - напомнила Фергия, ухмыляясь.

-- Да, но....

-- Вы непоследовательны, Вейриш, - заявила она и поставила передо мной тарелку. - Сперва вы заявляете, что у меня не получится здесь работать, потому что я, во-первых, чужестранка, во-вторых, незамужняя девица. А теперь уверяете, что местные маги вдруг разглядят во мне опасную конкурентку и попробуют устранить... Верно я истолковала ваши намеки?

Я кивнул и на некоторое время отдался вкусовым ощущениям. Не знаю, Фергия это готовила или Лалира, но вышло недурно... Я, правда, так и не смог понять, что именно намешано в тарелке, но оторваться не смог, пока не прикончил свою порцию.

-- Вы всегда так едите? - с ужасом спросила Фергия. - Бедные ваши слуги...

-- Я дракон, вообще-то, - буркнул я. Дома мне бы немедленно положили добавку, но здесь на это рассчитывать не приходилось. - И я только что с дороги.

-- Почему же вы по пути не поймали какую-нибудь антилопу?

-- Может, потому, что в пустыне их нет? А лететь за обедом в саванну... Ну, к возвращению я проголодался бы втрое против нынешнего!

-- Бедняга, - искренне сказала Фергия. - А рыбачить вы не умеете?

-- Умею, конечно. Но не полечу, потому что...

Я осекся, но она истолковала заминку по-своему:

-- Понимаю, рыбаки могут заметить. Тяжело живется дракону в людных местах!

-- Что поделаешь? Людей становится всё больше и больше, поэтому приходится либо сосуществовать с ними, либо забираться в глушь вроде края мира, о котором говорила Лалира. Да и туда люди доберутся рано или поздно.

-- Дядюшка ваш не жалуется, - сказала она.

-- И я не жалуюсь. Просто вынужден соблюдать осторожность. Так-то соседи если не знают наверняка, то догадываются, кто я такой, - пояснил я. - Но пока они своими глазами не видели превращения, то могут и дальше делать вид, что Вейриш-шодан -- обычный человек. Может, немного странный, может, колдун, -- иначе почему не стареет? - но не опасный. Иногда даже просят кое о чем...

-- Слетать по делам? - предположила Фергия.

-- Почти, - неохотно ответил я. - Но мы опять отвлеклись!

-- Это вы отвлеклись, Вейриш, а я прекрасно помню, что мы говорили о конкуренции. Чем я так опасна для здешних магов? Вы сами говорили, что здесь нет подобных мне, что сыщики обращаются к магам за помощью, не более того, так в чем проблема? Я ведь не берусь выносить какие-либо решения, если они касаются не семейных или соседских дряг, а чего-то, что может затрагивать политику, безопасность и тому подобное. Мне это еще не по рангу, - улыбнулась она. - Я намерена заниматься только бытовыми делами. Во всяком случае, в ближайшее время.

-- Это вы так говорите, - вздохнул я. - И я вам верю. Но остальным достаточно будет взглянуть на ваш чудесный сад, чтобы убедиться: волшебница, которой подвластны такие силы, вряд ли станет искать пропавших ишаков или разбираться, кто все-таки стащил шелковое покрывало у тетушки Имьялы -- невестка или случайный воришка! Ну или это станет прикрытием для куда более серьезных дел...

-- Так не я этот сад наколдовала, - сказала она. - Это джанная!

-- Еще того не легче! Если вы способны управлять джаннай... нет, не перебивайте! Это я знаю, что вы с ней договариваетесь, но окружающим не докажешь, а потому они сочтут, что Лалира вам подчиняется. Дальше сами догадаетесь?

-- Конечно. Маги опасны в принципе, а те, что способны пленить и заставить повиноваться джаннаю, -- опасны втройне, - пожала плечами Фергия. - Именно поэтому я и не намерена никому говорить о Лалире. Вы, я надеюсь, удержите язык за зубами, работники ее не видели, так что...

-- А сад? Его вы в карман спрячете, когда к вам наведается наместник рашутана? А он непременно явится, едва только разнесутся слухи!

-- Рашутан -- это здешний правитель? - уточнила она. - Пускай хоть собственной персоной приезжает, всё равно не увидит ничего, кроме чахлой рощицы и нескольких полумертвых пальм возле родника.

-- Не понял...

-- Что тут понимать, Вейриш? Это мой сад... Ну ладно, наш с Лалирой. Если мы не пожелаем, его никто не увидит.

-- И верно, Ариш был совсем рядом, но не рассмотрел! Да и я с высоты только дом разглядел, - вспомнил я. - Этот ваш защитный барьер...

-- Пришлось потрудиться, - улыбнулась она. - Правда, дети сумеют кое-что увидеть. Так захотела Лалира. Помните историю Ариша о том, как они с ребятами собирали за оградой осыпавшиеся фрукты и даже иногда осмеливались их сорвать? Ну вот... Мы решили, что этого будет вполне достаточно для распространения слухов, но...

-- Но детей никто не воспринимает всерьез и их рассказам не поверит, - заключил я. - Что ж... Это еще приемлемо. Однако если к вам в гости наведается десяток-другой сильных магов, они легко определяют волшебство. И вы не убедите их в том, что сад -- лишь иллюзия.

-- А кто вам сказал, что я их сюда пушу? - удивилась Фергия.

-- Я даже не сомневаюсь, что вы в состоянии запутать дорогу, и никто не попадет в этот чудесный уголок без вашего и Лалиры на то желая и дозволения, но ведь любую стену можно проломить.

-- Надеюсь, до этого не дойдет, - сказала она. - И, Вейриш, я понимаю, что вам вряд ли хочется служить моим поручителем, но...

-- Но отказываться поздно, - вздохнул я и с надеждой посмотрел на котелок: судя по всему, Фергия, не утруждая себя, стряпала на костре, как той ночью.

Увы, взгляд мой, хоть и не остался незамеченным, не подействовал на хозяйку дома. Очевидно, она не рассчитывала на такую прозорливость, и я ее понимал. Ничего, до дома рукой подать, а там уж мне накроют стол...

-- Увы, да. Ваше имя уже связали с моим. Но я не нарочно, Вейриш!

-- Знаю я... Кстати, Итиш не заходил?

-- Нет, - помотала головой Фергия, и концы небрежно повязанного красного платка запрыгали по ее плечам, как языки пламени. - Правда, я слышала, что он успел смертельно поругаться с братом-красильщиком, потом с зятем-пастухом, затем это пошло по нарастающей, и теперь Итиш находится в состоянии войны почти со всей родней, даже самой дальней. Их отношение к его подозрениям, к слову, лишь убеждает его в том, что кто-то затаил злой умысел.

-- Возможно, он прав.

-- Ну да. Поэтому я с нетерпением жду, когда же он устанет тыкаться в углы, будто слепой щенок, и придет ко мне, - засмеялась она. - Хотя... Итиш упрямый. Впрочем, это уже не мои проблемы.

-- А как вы собираете слухи, если сами отсюда не выезжаете? - спросил я, глотнув из чашки. Хотя бы ойфа мне налили, правда, не такого, как я любил. Фергия пила густой, черный, как деготь, невообразимо крепкий и несладкий, зато с острым перцем и прочими пряностями (которые, думаю, добавляла, как и в еду, не глядя, щепотью). От одного глотка этого чудовищного варева перехватывало дыхание, глаза вылезали на лоб, а еще очень хотелось дохнуть огнем. Увы, в человеческом обличье я на такое не способен, а потому судорожно запивал ойф студеной водой и старался отдышаться.

-- У Каддаша -- это строитель, если вы не в курсе, - есть сыновья, а у тех -- дети, - пояснила Фергия, с явным удовольствием прихлебывая напиток. - Большинство еще совсем маленькие, но те, что уже способны помогать старшим на строительстве, очень резво бегают, а еще у них отличный слух, наблюдательность и недурная память. Злопамятство, скорее, - поправила она.

-- Не удивлен, - хмыкнул я. - Вы, думаю, уже знаете историю Каддаша?

-- Конечно. Как только услышала о нем, сразу поняла: это идеальный работник! Проклятий на нем никаких нет, я проверила, дело свое знает, берет умеренно, а главное -- не обсуждает мои распоряжения, как тут принято. Сказала я -- хочу вот такую крышу, значит, он ее строит. Хотя никогда раньше такого не делал.

-- Она вам на голову не обрушится?

-- Не думаю, - Фергия посмотрела на потолок. - Чертежи-то мои, а я вполне в состоянии рассчитать, как крепить балки и всё остальное. От Каддаша и его семейства требовалось только

поработать руками... Хотя, не скрою, кое-что он улучшил: он ведь лучше знает местную погоду, вот с учетом ветров и прочего и развернул крышу так, чтобы ее не снесло первым же ураганом, если вдруг барьер ослабнет... О чем мы вообще? А! Внуки Каддаша много интересного рассказали. Я теперь, наверно, всех торговцев на базаре знаю поименно и по их делам...

-- Эти дети предвзяты, - предостерег я.

-- Будто я не понимаю... Ничего, в общих чертах я впечатление составила, а там посмотрим.

-- О вас они тоже много интересного расскажут...

-- Не сомневаюсь, - кивнула Фергия. - И хорошо. Пускай все знают, что договоренности я выполняю честно. Ну а если ребяташки станут болтать о всяких чудесах вроде той скалы с родником, которая сама вылезла из земли и подвинулась на нужное место, тем лучше.

-- Ждите вскорости наместника с визитом, - заключил я. - Неизвестная волшебница возле самой столицы -- это не шуточки. Сам приедет проверить, ручаюсь.

-- Я встречу его со всем возможным радушием, - заверила она.

-- Только ойфом не угощайте. Не оценит.

-- Ладно, налью ему орты, - покладисто кивнула Фергия, - у меня почти целый бочонок остался, а через некоторое время еще пришлют. У вас тут ее втридорога продают, так что я уж по знакомству добуду...

-- Контрабанда? - уточнил я.

-- Разумеется. И не нужно рассказывать, чем мне это грозит! - подняла она руки. - Уж такие-то вещи я стараюсь выяснить в первую очередь...

-- Искренне надеюсь на то, что мне не придется выручать вас из застенков.

-- Застенков? Тут бросают в тюрьму из-за какой-то жалкой дюжины бочонков орты? - изумилась Фергия.

Я не нашелся с ответом.

-- Да, а как ваше дело? - с интересом спросила она и заботливо налила мне еще ойфа.

Я не желал пить это кошмарное варево, но, подозреваю, альтернативой стала бы орта, а я хотел добраться домой, будучи в сознании. Приходилось терпеть и делать вид, будто я смакую напиток крохотными глотками, от которых нестерпимо жгло губы и язык.

-- Какое дело?

-- Вы зачем-то летали в пустыню, - пояснила Фергия. - Вас не было сутки-двое, не более, иначе Ариш сказал бы, что вы отправились по делам, когда я передавала ему записку для вас. Я не слишком хорошо представляю вашу скорость, но дракон явно покроет человеческий дневной переход за пару часов. Значит, летали вы довольно далеко, судя по тому, насколько оголодали. Не охотились, вы сами об этом сказали. Так зачем же вас туда понесло?

-- Просто развеяться, - пожал я плечами. - Размять крылья.

-- Тогда почему вы такой мрачный? После хорошей прогулки обычно и настроение отличное, а вы чернее тучи.

Я помолчал, потом все-таки решился:

-- Вы угадали. Иногда соседи просят меня... слетать по делам. Нет, неправда, это первый такой случай...

-- А что, что случилось? - с живым любопытством спросила Фергия.

-- Караван пропал, - нехотя ответил я. - У знакомого торговца там племянник был, он и попросил хотя бы следы поискать.

-- И вы...

-- Ничего не нашел, - покачал я головой и объяснил ей свои измышления по поводу упущенного времени.

-- Ну, ваше промедление уже ничего не решало, - сказала Фергия, дослушав. - Значит, говорите, вообще никаких следов?

-- Не считая верблюжьего навоза, кострища и прочего, - ответил я. - Но такие следы мог оставить любой другой караван, а за минувшее время в оазисе мог побывать не один и не два... И нет, Фергия, я возьмусь отличить трехдневный навоз только от свежего, но никак не от такового недельной давности!

-- Плохо, - вздохнула она, а в глазах ее начали разгораться уже знакомые мне искры. - Вот так дельце, Вейриш! Ни следа, ни приметы, однако караван, как вы выражаетесь, в карман не спрячешь... Следовательно, следы должны быть, только вы их не нашли.

-- Вы же говорили, что не беретесь за дело, покуда вас об этом не попросят, - напомнил я.

-- Так попросите! - улыбнулась Фергия. - Я с вас даже платы не потребую, буду считать это тренировкой, дружеской услугой и всем в том же роде... Ну же, Вейриш! Я будто не вижу, как вам не хочется говорить этому Оталю, что ничегошеньки у вас не вышло... Ваша гордость задета, разве нет?

Мне очень хотелось вылить на нее кувшин холодной воды, чтобы остановить благой порыв, но он, к сожалению, уже опустел. К тому же я слишком хорошо помнил Флоссию Нарен, а она бы точно не спустила с рук такое купание... Не хотелось проверять, как отреагирует Фергия.

-- Я сделал, что мог, - сказал я, тщательно выбирая слова, - и Оталь сам прекрасно понимает, что искать следы в пустыне... это даже не иголка в стоге сена!

-- Конечно, - тут же вставила Фергия. - Сено можно сжечь, просеять золу и найти эту несчастную иголку. Дел-то... Но, Вейриш, вы забываете вот о чем: это человек ничего не найдет по прошествии такого времени. И дракон, как я вижу, оказался не намного успешнее... У вас, как я помню по маминым рассказам, своя, особенная магия, но вы явно не применяете ее в бытовых целях. Не так ли?

Я вынужден был согласиться. Еще я мог бы сказать, что в колдовской науке не преуспел, не было у меня такой нужды! Пользуюсь тем, что дано от природы, не более: могу вылечить, это не так уж сложно, могу немного влиять на удачу, способен различать огонь в людях, в состоянии поделиться силой с теми, кто умеет ее использовать более тонко... как было на том острове. В сущности, это всё. Не так уж мало для человека, но для дракона...

Я сознавал, что непростительно мало времени уделяю развитию своих умений, но всякий раз придумывал отговорки что для родителей, что для дяди, что для самого себя. Не хотелось мне проникать в тайны мироздания (после одного такого проникновения не вернулся к нам мой дед), не было ни малейшего желания узнавать людей лучше, чем я знал их на текущий момент, я не рвался исследовать дальние страны... Просто жил и жил себе, как многие другие, никому не мешал и не вредил. Не всем ведь быть отважными исследователями и покорителями неведомого! Признаюсь, я с трудом мог представить себя на месте Мадри: годами скитаться, не имея собственного дома, подвергаться опасностям... для чего? Ради сокровищ из затерянных городов? Но ведь он не только за ними охотился... Неужели причиной всему лишь неуемное любопытство? Боюсь, мне сложно это понять...

-- Вы так и будете молчать? - спросила Фергия, и я все-таки сознался:

-- Я потерпел неудачу.

-- И?..

-- Что?

-- Вы хотели сказать что-то еще? - предположила она. - Может, намеревались пригласить меня осмотреть место... хм... не преступления и не исчезновения, конечно, но там могут остаться какие-то зацепки, которых вы не заметили, верно?

-- Возможно...

-- Ну а чего мы, в таком случае, ждем? - спросила Фергия. - Рассвета? Вы, по-моему, предпочитаете летать так, чтобы никто вас не заметил. Или вы все еще голодны?

-- Погодите, вы хотите, чтобы я отнес вас в оазис? - очнулся я.

-- Конечно, если у вас нет предложений получше. И нет, трястись неделю в седле по этой адской жаре я не собираюсь, - заявила она. - В конце концов, это вам нужно или мне? Фергия оценила выражение моего лица и повторила:

-- Я не возьму с вас денег, Вейриш. В конце концов, за то, чтобы прокатиться верхом на драконе, мне в пору приплатить!

-- Сколько? - не остался я в долгу.

-- Сочтемся, - улыбнулась она и вскочила. - Ну что? Полетим прямо сейчас? Не терять же времени понапрасну! Напишите Аю записку, я отошлю с птицей... кстати, вы обратили внимание? Птицы вернулись! Ни им, ни всяким пчелам с мухами защитный барьер не мешает. Только вот отслеживать шпионов сложно, но, как я уже говорила, вполне возможно. Заодно и тренировка -- сделать эту стену избирательно проницаемой не так-то просто, но я справилась!

-- Аю и так знает, куда и зачем меня понесло, - перебил я и невольно прислушался. Снаружи заливалась какая-то пичуга, ей вторил стрекот ночных насекомых.

-- Значит, нас ничто не задерживает! Чего вы ждете, Вейриш? - Фергия посмотрела на меня с сомнением и добавила: - Или вы настолько хилый, что не сможете меня поднять? Однако...

Мне очень хотелось превратиться прямо в доме и разворотить его, но я сдержался. За это Фергия точно потребует компенсацию, да такую, что я разорюсь. А если она решит брать не деньгами, а услугами, то... Лучше не доводить до подобного, вот что.

-- Никакой оплаты? - уточнил я.

-- За осмотр оазиса -- никакой, - тут же сориентировалась Фергия, - а дальше будет видно. И я прекрасно понимаю, Вейриш, что в том случае, если мы не достигнем согласия по вопросам цены, вы сможете бросить меня в оазисе. Не страшно. От голода и жажды не умру, как говорил Мадри, дождусь каравана и вернусь. Может, даже продолжу с вами здороваться, но...

-- Что?

-- Тайну пропавшего каравана вы без меня не раскроете, - ответила она без улыбки. - Поэтому давайте обойдемся без таких выходов. Не люблю, знаете ли, внезапности в отношениях с партнером.

-- Когда это я стал вашим партнером?

-- В тот самый миг, когда согласились работать вместе!

-- Погодите, я еще не согласился!

-- Вейриш, если в постели вы настолько же занудны, как в разговоре, то я удивляюсь, как это Аю терпит вас столько лет, - сказала Фергия. - Мы летим или нет?

Я вздохнул, выдохнул... И кивнул.

А что мне оставалось?

11.

Мое превращение привело Фергию в искренний восторг. Признаюсь, я опасался, что она будет бегать вокруг меня всю ночь, то хватая за лапу, то забираясь под брюхо, то дергая за хвост (я не шучу) и норовя заглянуть в зубы. К сожалению, в этом облике я разговаривать не могу, а потому вынужден был осторожно взять ее и подержать на весу, чтобы успокоилась.

-- Я осознала, Вейриш, - выдохнула Фергия, когда я поставил ее наземь. - Нечего время терять, я еще успею вас обследовать, измерить и так далее... Ха! Дед обзавидует: он в жизни не щупал живого дракона!

Я вспомнил вскользь сказанное о вскрытии и невольно передернулся, подняв тучу песка.

-- Погодите минуту, - сказала Фергия и умчалась в дом.

По сравнению с неторопливой Флоссией она казалась настоящим ураганом. Впрочем... Та ведь намного старше, а Фергия молода и по обычным человеческим меркам, что уж говорить о магах. Надеюсь, она хотя бы из подросткового возраста вышла... Должна, по идее, иначе кто позволил бы ей открыть собственную практику? С другой стороны, чтобы запретить нечто представителю славного семейства Нарен, нужно быть, как минимум... Кем, я так и не смог придумать.

Правда, она сказала, что спасалась бегством, так может, её как раз и отговаривали от опрометчивого поступка? Фергус и Флоссия Нарен -- это изрядная сила, они в состоянии настоять на своем и даже применить силу, не сомневаюсь! Однако Фергия вполне могла заручиться поддержкой отца, чтобы незаметно покинуть Арастен... А Лауриню не впервой переживать громы и молнии, за столько лет он должен был обрести полную нечувствительность к гневу Флоссии, раз уж ухитрился выжить.

Гадать можно бесконечно, но вряд ли я приближусь к истине хоть на шаг, пока Фергия сама не расскажет, что у них приключилось. Что ж, придется подождать!

-- Я готова, - заявила Фергия и принялась ловко карабкаться по моей подставленной лапе. Не сомневаюсь, по корабельным вантам она лазила с такой же сноровкой.

Повернул голову, я посмотрел, чем она занимается у меня на спине. Оказалось, прилаживает подушку.

-- Что вы так смотрите? - осведомилась она и накинула сверху свой дырявый ковер. Он очень удачно зацепился за один зубец спинного гребня этой дыркой. - Вы жесткий, вообще-то, и мне вовсе не улыбается отсидеть себе всё и, чего доброго, стереть кожу о вашу чешую! Конечно, эта конструкция будет сползать, но подпрыгну на вас не нацепишь... Хотя...

Надеюсь, я фыркнул достаточно грозно, чтобы Фергия оставила эту идею. Как бы не так...

-- На первое время сойдет, - решила она и уселась верхом. - А потом я что-нибудь придумаю. Ну... чтобы не ущемлять ваше драконье достоинство, но путешествовать с относительным комфортом.

"Она что, полагает, это будет на постоянной основе?" - ужаснулся я.

-- Кстати, как мы будем общаться там, наверху? - живо спросила Фергия. - Вы услышите, если я закричу, что падаю, или предпочтете сделать вид, будто оглохли?

Я только вздохнул и кивнул.

-- Это вы какую версию подтверждаете? Первую? И на том спасибо... А если я постучу вас по спине, вы почувствуете? Что вы так на меня смотрите? Вдруг я сверху замечу что-нибудь интересное, и мне нужно будет развернуть вас в ту сторону! Давайте-ка договоримся об условных знаках...

На это ушло еще какое-то время, но наконец Фергия решила, что мы готовы к вылету. Признаться, я уже жалел, что согласился на эту авантюру, но отказываться было поздно. К тому же, следовало поторопиться: ночь перевалила за середину, и если я хочу оказаться в оазисе к рассвету, придется поработать крыльями! Главное, чтобы Фергию не сдуло... Поймать-то я ее поймаю, но вряд ли ей понравится, если дальше я понесу ее, крепче зажав в лапе. Хотя так намного надежнее, так и наши хроники говорят. Вернее, инструкции опытных драконов для тех юнцов, которые намерены, следуя заветам предков, похитить девицу. Главное, не упоминать об этом при Фергии, иначе она из меня не то что потроха, а самое душу вынет, чтобы ознакомиться с этими записями!

Я мчался навстречу рассвету, словно соревнуясь с солнцем, кто быстрее: я успею достигнуть оазиса до утра или оно первым коснется лучами старых пальм? Давно мне не приходилось летать с такой скоростью и, боюсь, моей всаднице было не слишком-то уютно, но спускаться, чтобы спросить ее об ощущениях, я не стал. Главное, Фергия не свалилась, чего я поначалу очень опасался, а пару раз, я чувствовал, принималась колотить меня пятками по бокам. Поскольку насчет условных знаков, подаваемых при помощи ног, в нашем списке ничего не было сказано, я решил, что так она выражает восторг от полета. Правда, я предпочел бы, чтобы Фергия окоченела и не шевелилась: даже мне, мягко говоря, неприятно, когда меня бьют подкованным тяжеленным сапогом по ребрам - у меня не настолько мощная броня, как у старших родственников! Те бы не почувствовали, хоть кувалдой по ним лупи, вернее, ощутили бы какую-то помеху, сродни прикосновению мушиных лапок к коже, не более того. А я вот опасался, как бы Фергия мне чешую не повредила... Да, я изнеженный лентяй, как в сердцах называет меня матушка, когда я показываю нос домой, но, боюсь, меня уже не переделать. И уж тем более, не человеческой волшебнице этим заниматься...

Мы с солнцем достигли оазиса одновременно: я приземлился, едва успев погасить скорость, и поднял клубы песка, сквозь которые пробилась яркие утренние лучи.

Фергия скатилась с моей спины и минуты три выражалась крайне экспрессивно и исключительно нецензурно, причем ни разу не повторилась -- чувствовалась богатая практика. Из ее выразительной речи я уловил, что полет -- это потрясающе, однако драконы совершенно не приспособлены для комфортного путешествия, а таких толстокожих типов, как я, еще поискать нужно! Она, дескать, несколько раз просила меня сбавить ход, но я хоть бы ухом повел... У меня нет наружных ушных раковин, о чем я и сказал, обретя человеческий облик, и Фергия выразительно закатила глаза.

-- Это образное выражение, Вейриш! И скажите, вы что, в самом деле не чувствовали, как я пытаюсь привлечь ваше внимание?

-- Я думал, вы так выражаете восторг, - честно ответил я.

-- Да? Сериями ударов, о числовой последовательности которых мы договорились на берегу, то есть на земле? Или вы считать разучились?

-- Речь шла о руках, - напомнил я.

-- Руками я держалась, чтоб меня не сдуло с вашего загривка! - рявкнула она, сделавшись до ужаса похожей на меть. - Нужно было вас каким-нибудь заклятием уколоть, это бы вы наверняка истолковали правильно!

-- Я мог дернуться от неожиданности, и вы бы полетели вниз.

-- Только поэтому я и удержалась, - буркнула Фергия и попрыгала на месте, ругаясь сквозь зубы. Видимо, ноги и сидалище затекли. - Нет, непременно нужна какая-то упряжь... И чтобы не

свалиться, и чтобы вы адекватно реагировали на команды, а не делали вид, будто ничего не поняли.

-- Но я в самом деле не понял! - возмутился я, предпочтя пропустить мимо ушей ее слова о командах.

Еще не хватало, чтобы дракон подчинялся человеку, будь тот хоть самым могущественным магом... Мне доводилось слышать о тех, кто добровольно сотрудничал с людьми, но это было в глубокой древности. И, что показательно, ничем хорошим такие союзы не заканчивались...

-- Вот мы на обратном пути и проверим, как у вас с обучаемостью, - пообещала Фергия и огляделась. - Итак, вот наш оазис. Судя по непередаваемому аромату, где-то поблизости кто-то то ли сдох, то ли нагадил... на несвежий туп.

-- Там отхожее место, - пояснил я, приняв хавшись. - Обычная яма в земле. Верблюды, правда, все равно облегчаются, где хотят, но люди...

-- Люди могли бы засыпать отходы жизнедеятельности хоть песком, благо его кругом предостаточно, - проворчала она. - Дикие нравы!

Я промолчал большим усилием воли.

-- С этим запахом понятно, но вот откуда мертвечиной тянет? - продолжала Фергия. - Вы вчера этот запах чуяли?

-- Нет, - подумав, ответил я. - Но если труп был свежим, то я мог ничего не заметить, а по жаре...

-- К вечеру он уже завонял, - согласилась она и решительно направилась в тень раскидистых пальм.

-- Либо я не обратил внимания, - признался я. Честное слово, не помню, чем здесь пахло вчера!

-- Да, наблюдательным вас не назовешь, - усмехнулась Фергия. - Вейриш, а что, в этом оазисе никто не живет? Я слышала, у каждого такого дивного местечка есть хозяева. Вроде бы барадзины контролируют крупные оазисы...

-- Этот, по-вашему, похож на крупный? - вздохнул я. - Вернее... Когда-то он был намного больше, но пустыня наступает неумолимо. Остался только один колодец, а растительности всего ничего. А бывают оазисы, Фергия, размером не меньше вашего поместья, и некоторые способны прокормить сотни людей.

-- Вот оно как... - пробормотала она. - Но, может, если бы за этим местом присматривали, оно бы не пришло в такой упадок?

-- Всё возможно, - согласился я. - У барадзинов много секретов, вот только они ушли отсюда три или четыре поколения назад.

-- Почему?

-- Потому что Адмар разросся, и путь на восход сделался довольно оживленным. Вам бы захотелось жить на торной дороге?

-- Что-то я не замечаю большого оживления...

-- Не сезон. К тому же, многие караваны минуют этот островок. До предгорий всего три дня пути, а там воды намного больше. И если нужно сделать крюк, чтобы зайти сюда, то... - я развел руками.

-- Понятно, - кивнула Фергия, оглядываясь по сторонам. - В самом деле, не стоит терять время ради такого сомнительного места отдыха. Вейриш, а кто следит за колодцем? Что, если его засыплет песком во время песчаной бури? Или кто-нибудь в нем утонет? Нехорошо выйдет, согласитесь?

-- Каждый, кто здесь останавливается, должен позаботиться об оазисе, - пояснил я. - Расчистка колодца тоже входит в обязанности путешественников.

-- На Севере говорят -- у шести рулевых лодка с течью, - хмыкнула она. - Вейриш, неужто вы видели так много людей, которые станут выполнять эти вот негласные обязательства, если есть возможность свалить их на кого-нибудь другого? А в итоге никто ничего не делает!

Я вынужден был согласиться, что она права. Есть, конечно, честные путешественники, но сколько таких в общей массе?

В тех оазисах, где кто-то живет постоянно или хотя бы сезонами, присмотр за колодцами устроен не в пример лучше. Однако жители и плату за постой берут...

-- Да, - сказала Фергия, снова осмотревшись. - Хорошее было местечко.

-- Только не говорите, что хотите его присвоить. Вас, мягко говоря, не поймут.

-- Нет, зачем оно мне? Далекое от города, а летать я не умею. Просто жалко: еще лет десять, и от оазиса ничего не останется. Впрочем, теперь я отвлеклась! Мы ведь не затем сюда явились...

-- Да уж, - пробормотал я. Ужин забылся, как сон, и я чувствовал, что скоро снова проголодаюсь. Что делать, придется терпеть!

Фергия прошла туда-обратно, зачем-то заглянула в колодец, кивнула каким-то своим мыслям и поманила меня поближе.

-- Вейриш, как по-вашему, кострище свежее?

-- Относительно. Не вчерашнее, это точно, но и не месячной давности. Сами принохайтесь.

-- Я и нюхаю... - она снова огляделась и дернула меня за рукав. - Видите?

-- Лист у пальмы обломан? И что с того?

-- Он не успел засохнуть. Немного пожух, но... пожалуй, сломали его самое большее вчера. Но вы не видели каравана поблизости, верно? Значит, тут никого не должно быть?

-- Выходит, так, - вынужденно согласился я.

-- А возможно такое, что в последние две-три недели сюда вообще никто не заглядывал?

-- Да, вполне. Говорю же -- не сезон сейчас для путешествий. Все, кто должен был вернуться, уже вернулись, а в обратный путь караваны отправятся, когда прекратятся бури. Не здесь, дальше на востоке, - махнул я рукой в ту сторону. - В это время года даже я не отважусь туда лететь. Вы видели когда-нибудь бурю в пустыне?

-- Нет, только на море, но могу представить, каково это, когда вместо воды на тебя обрушивается песок... - вздохнула Фергия. - Хм... А те, кто припоздал и ушел из Адмара поздно, вряд ли заворачивали сюда, верно?

-- Конечно. Зачем, если они только что вышли и еще полны сил? Они, скорее, постараются срезать путь и заберут дальше к западу, если старший караванщик достаточно опытен и рисков, чтобы отважиться на такое. А может, наоборот, сделают крюк и пойдут вдоль гор. Там своих трудностей хватает, зато есть возможность укрыться от бурь, а в скалах можно найти источники.

-- Тогда постановим, что после каравана Оталя здесь никто не бывал.

-- Если он тоже сюда сворачивал, - поправил я.

-- Да, конечно... - Фергия снова принохалась. - Вот только, Вейриш, если тут уже три недели нет ни единой живой души, не считая птиц, всяческих ползучих гадов и насекомых, откуда тогда так воняет?

-- Я же сказал -- из ямы.

-- Она от нас с подветренной стороны, а несет так, будто кто-то только что нагадил прямо мне под ноги! Вы что, простыли и не чувствуете? Хотя такое даже с насморком унюхаешь, - добавила она и чихнула.

-- Вы угадали, - сказал я, взглянув на землю.

-- Что именно? Вы простудились и не ощущаете запахов?

-- Нет, вы стойте в... гм...

Фергия снова высказалась нецензурно, увидев, во что именно вляпалась, и принялась яростно отчищать подошву о сухую землю. Не уверен, что это помогло. Нужно будет попросить ее воспользоваться магией, чтобы избавиться от этого непередаваемого аромата, прежде чем пускаться к себе на спину!

-- Одним словом, здесь кто-то есть, - заключила она. - Но прячется он весьма искусно, раз уж ни вы, ни я его не обнаружили. И он однозначно жив, поскольку это вот... совсем свежее. Не удивлюсь, если несчастный обделался, увидев вас!

-- То есть опять я во всем виноват?

-- А что, есть другие варианты? - спросила Фергия, приставила ладони рупором ко рту и гаркнула на весь оазис: - Эй, человек! Выходи! Мы не причиним тебе вреда!

Перепуганные птицы стаей снялись с макушек пальм.

-- Сомневаюсь, что вы его убедите, - сказал я, поковыряв в ухе -- в нем зазвенело.

-- Человек! - не слушала меня Фергия. - Нас нанял торговец Оталя, он ищет своего племянника, Ориша! Если ты что-нибудь знаешь о нем и о караване, лучше покажись подобру-поздорову, иначе, если я начну тебя искать, от этого оазиса вообще ничего не останется!

Она посмотрела на меня и спросила:

-- Так лучше?

Я не нашелся с ответом. На месте неизвестного (если он действительно был здесь, а следы оставил не какой-то пустынный зверь, сожравший тухлятину), я бы предпочел закопаться поглубже в песок и не дышать, чтобы не выдать себя ни единым движением. Правда, с Фергии станется поднять весь этот песок в поисках затаившегося, но он-то об этом не знал...

-- Считаю до шести, - сказала Фергия. - Потом пеняй на себя. Один... Два...

Она не двигалась с места и вроде бы ничего не делала, но в оазисе вдруг ощутимо потемнело. Стих ветер, умолкли птицы, а воздух вдруг сгустился, будто перед грозой.

Я покосился в сторону: из-под деревьев выползал туман, какого здесь отродясь не бывало.

Густой и плотный, он завивался толстыми плетями между стволами, стелился по земле, и солнечные лучи, не в состоянии пронизать насквозь и испарить, лишь окрашивали его в густо-синий цвет...

Повеяло холодом. Не тем привычным, какой можно ощутить в пустыне ночью, нет, это был промозглый сырой холод северных морей -- мне довелось однажды заблудиться в тумане зимней ночью, и я помнил, как тяжелели с каждой минутой обледеневшие крылья, как трудно было дышать, и даже мысли будто бы цепенели...

-- Не убивайте! Не убивайте! - послышался слабый голос со стороны ямы, и из кустов выполз на четвереньках худой полуголый мужчина, уткнулся лбом в землю и сцепил руки на затылке в знак покорности.

-- Да не собираемся мы тебя убивать, - неожиданно дружелюбно сказала Фергия, и туман начал рассеиваться. Минута -- и только капли влаги на листьях напоминали о нем. - Ты кто такой?

Как зовут, откуда взялся, что тут делаешь?

-- Прячусь... прячусь... - тут незнакомец подглядел одним глазом, чтобы понять, как обращаться к собеседнице, снова зажмурился, явно желая развидеть это зрелище, но потом вдруг посмотрел на меня и завопил: - Вейриш-шодан! Вейриш-шодан, ты ли это?! Спаситель!

-- Ты меня знаешь, но я тебя не помню, - сказал я. - Назовись.

-- Мое имя Ургуш, Вейриш-шодан, я помощник караванщика... был им, пока не случилось это!

-- Что -- это? - с любопытством спросила Фергия. - Давай-ка, рассказывай. Или сперва перекусишь? Ты, должно быть, оголодал здесь?

-- Я ел лишь плоды, прекрасная шади, - закивал он изо всех сил. - Какие переспели, какие еще зеленые, но что было делать? Пустынных ящериц не поймашь, они слишком быстрые!..

-- А, понятно тогда, отчего с тобой приключилась болезнь, - сморщилась она, не обратив внимания на комплимент. - Немудрено расстроить желудок с таким питанием... Ну так начинай говорить, Ургуш! Чем быстрее ты нам расскажешь обо всем, что случилось, тем скорее вернешься в город и сможешь помыться и нормально поесть!

-- Нет, нет, шади, я не вернусь в город! - замотал он головой и начал отползать назад. - Меня убьют, если узнают, что я видел!

-- Кто тебя убьет? - нахмурился я. - Давай-ка по порядку, Ургуш. Ты, значит, служил помощником караванщика, но куда подевался этот караван? Что с ним случилось?

-- Ушел, - прошептал тот и сел на пятки. Теперь видно было, что он совсем еще молод, только сильно оброс за время вынужденного отшельничества, а потому кажется старше своих лет.

-- Куда ушел? Его ждали в Адмаре, - напомнила Фергия.

-- Погодите, не перебивайте его, - попросил я. - Он сильно напуган.

-- Ага, я вижу. И обоняю.

-- Фергия!

-- Что такое? Расстройство желудка приключается и от страха, не только от забродивших или недозрелых фруктов, к которым он за три недели худо-бедно привык, так что виноваты вы.

-- Почему я?!

-- А кто из нас дракон? - резонно спросила она. - Я, конечно, далеко не прекрасна, как заявил этот несчастный, но вряд ли способна напугать человека так, как это сделали вы. Ну, пока он не познакомится со мной и моими методами поближе.

-- Вы исключительно самокритичны, - сказал я сквозь зубы.

-- Это семейное, - вздохнула Фергия. - Папа считает, что ошибки необходимо признавать... прежде чем делать новые. Я отчасти разделяю его взгляды.

Ургуш смотрел на нас во все глаза и явно подумывал о том, чтобы обратиться в позорное бегство.

-- Послушай, - обратился я к нему, - мы не причиним тебе вреда. Меня ты знаешь, а это -- Фергия-шади, волшебница с севера. Она помогает мне искать караван Оталя и, главное, Ориша.

-- Во-во-волшебница? - выговорил Ургуш. - Так это она прилетала вчера?

-- Нет, - сказала Фергия прежде, чем я успел помешать. - Я не умею превращаться в огромное крылатое чудовище. Это был Вейриш.

-- Фергия!

-- Что вы кричите? Я же правду говорю!

-- Да, но...

-- О Вейрише-шодане болтают всякое, - сглотнул Ургуш. - И кто-то вроде бы даже видел, как он... ну...

-- Да, это я прилетал, - терпение мое иссякло. - Надеюсь, ты понимаешь, что болтать об этом не следует?

Ургуш сперва закивал, потом помотал головой. Сложно было сказать, что он имеет в виду, но я надеялся, что рассказы его никто не воспримет всерьез. В том случае, если он вернется в Адмар, конечно.

-- Значит, вчера ты увидел Вейриша, то есть чудовище, и так хорошо спрятался, что он тебя не заметил, правильно? - спросила Фергия.

Ургуш снова кивнул.

-- Спорим, я догадаюсь, где ты укрылся? - усмехнулась она. - В отхожем месте, верно?

-- Именно, шади, - вздохнул он. - Я подумал, что чудовище не учует моего запаха в такой вонючке, и угадал. Однажды я уже спасся вот так...

-- Должно быть, это связано с исчезновением каравана? Продолжай! Вернее, начни с начала: мы знаем, что Ориш выпустил птицу с запиской с половины дороги, как было условлено, и в тот момент всё шло, как подобает. Однако почему-то караван не пришел в Адмар в положенное время, хотя и побывал в этом вот оазисе... Что тут произошло?

Ургуш утер мокрый лоб грязной рукой и сказал:

-- Нас всех обманули. Спасся только я один, потому что... потому что слаб животом и не стал пить зелье, которым угощал нас Ориш-шодан!

-- Какое еще зелье? - удивился я. - Давай-ка, правда, расскажи с самого начала...

-- Все было, как говорит шади, - завел он, с опаской поглядывая на Фергию. У той в ладони горел синий огонек, вполне различимый при свете дня, и это нервировало Ургуша, однако и подстегивало его желание говорить. - Ориш-шодан отпустил птицу с запиской для своего многоуважаемого дяди. Она улетела, а он сказал: мы прошли уже половину пути, нужно отметить это. Но старшие караванщики ответили: никто не празднует рождение ребенка, когда он еще не появился на свет. Ориш-шодан замолчал и молчал долго, но когда мы пришли сюда, а до Адмара осталась неделя пути, снова повторил свои слова.

-- И на этот раз старшие согласились? - спросила Фергия.

-- Да, шади, согласились. В безопасности оазиса, да еще так близко к цели, можно позволить себе немного выпить. В Адмаре будет уже не до того... - он перевел дыхание и пояснил: - Ориш-шодан впервые ходил так далеко, и все понимали, что он хочет казаться взрослым, как остальные. Только он еще не знал, что дело не в вине и не в чем-то еще: пустыня или примет тебя, или убьет... И не думал, что он до сих пор жив, вовсе не его заслуга, а тех людей, что присматривали за ним по просьбе Оталя-шодана.

-- Я забыла уточнить, сколько лет этому Оришу, - взглянула на меня Фергия. - То есть я понимаю, что он юн, но мне бы поконкретнее.

-- Около пятнадцати, если мне не изменяет память, - ответил я. - Уже взрослый по здешним меркам, может вести дела от своего имени... и несет ответственность за эти деяния.

-- Вот оно что... Продолжай, любезный Ургуш, - кивнула она караванщику. - Вы, значит, пришли сюда, расположились, а что потом?

-- Мы не должны были сворачивать в этот оазис, - сказал он, - быстрее было бы пойти напрямик. У нас хватало воды и припасов, так зачем тратить время понапрасну? Но старшие, наверно, вспомнили, как сами были молодыми, а может, их заранее попросил Оталя-шодан... Они привели нас сюда. И Ориш-шодан сказал: я стал взрослым, я пересек Рассветную пустыню, а значит, все-таки нужно устроить праздник! Только для тех, кто был с ним в пути, и непременно сейчас, потому что разве Оталя-шодан позволит пригласить простых караванщиков, когда затеет торжество в честь племянника?

-- Так, пока всё понятно, - сказала Фергия. - И чем же угощал вас этот юноша?

-- Он сказал: вот бочонок, я вез его весь путь туда и обратно...

-- Вино скиснет по такой жаре, разве нет? Вейриш, что скажете?

-- Смотря какое вино, какой бочонок, - развел я руками. - Ты-то сам пробовал его, Ургуш?

-- Да, шодан! Как я мог отказаться? Но после первого же глотка кишки мои будто джаннай узлом завязал, и... - Ургуш поник. - Я не мог оставаться с остальными. Я слышал, как они веселятся и кричат здравницы в честь молодого Ориша-шодана, а сам не отходил от ямы до самого рассвета... Когда же сумел и пошел обратно, то удивился: караван уже собирался отправиться в путь, только не в сторону Адмара! Я хотел закричать и побежать следом, но что-то меня остановило...

Фергия выразительно хмыкнула.

-- Нет, не моя постыдная болезнь, шади, - услышал Ургуш. - Я увидел, что во главе становится Ориш-шодан, а не наш вожатый. А потом увидел на земле кровь.

-- А тела? - тут же спросила она. - Тела ты обнаружил? По идее, их должны были сбросить в ту же отхожую яму, там поди отыщи... Но если ты заседал там всю ночь, то никак не мог этого проглядеть, верно?

-- Да, шади. При мне никого туда не скидывали. Приходили наши, смеялись надо мной, и только.

-- Так тебя даже не хватились? - уточнил я.

-- Они кричали, звали меня, но я так напугался, что... - Ургуш побагровел. - Не смог подойти. Они искали меня, искали, но я... я спрятался.

-- Мы уже поняли, что отхожее место стало твоим укрытием, - ухмыльнулась Фергия.

-- Так, шади. Я подумал, они не станут там искать. Так и вышло, скоро караван ушел, а я с тех пор жду и жду путников, но больше никто не приходил. Но я знал, что рядом с водой можно долго прожить даже без еды, а рано или поздно кто-нибудь появится!

-- Чего же ты так испугался? Почему спрятался от своих товарищей?

-- Это были не мои товарищи, - уверенно сказал Ургуш. - То есть тела принадлежали им, но они двигались, словно неживые. И в глазах было пусто. Они кричали: "Ургуш! Ургуш!.." Но ни один не обругал меня, как это всегда случалось, когда я задерживал остальных. И когда Ориш-шодан велел им уходить, они пошли, не оборачиваясь. Тогда я понял, что правильно сделал. Это, наверно, были уже не люди. Их ночью сожрал злой дух, оставил только оболочки...

-- Ну и фантазия у тебя! - покачала головой Фергия. - Однако, выходит, ты единственный свидетель случившегося. Пока история выглядит очень просто: Ориш угостил всех вином, в которое что-то было подмешано. После этого люди стали слушаться его, правильно?

-- Выходит, так, шади...

-- Жаль, образца этого вина не осталось, - с досадой сказала она. - Тогда можно было бы понять, задействована магия или нет!

-- Вряд ли, - заметил я. - Скорее всего, это какое-то зелье, подавляющее волю и разум, и у него ограниченный срок действия. За это время нужно было увести караван как можно дальше. Если бы Ориш не торопился, то нашел бы Ургуша, но, видимо, он опасался не справиться с караванщиками: стоило им очнуться раньше задуманного, что бы тогда он сказал? Почему они оказались совсем не там, где должны были? Да ему намяли бы бока, не посмотрев, чей он племянник!

-- А это означает, что караван встречали, и Оришу нужно было успеть в нужное место точно в срок, - задумчиво произнесла Фергия. - Кстати, а что они везли?

-- Специи, шади, а еще перья белых цапель для украшений, шкуры пятнистых котов и синюю шерсть, - тут же ответил Ургуш.

Я присвистнул.

-- Дорогой товар!

-- А что особенного в синей шерсти? - удивилась Фергия. - Про цапель-то я знаю, а это...

-- Потом расскажу, - отмахнулся я. - Просто имейте в виду, что она ценится дороже шелка. Хотя и одних специй с перьями хватит, они же стоят бешеных денег!

-- Тогда, по идее, история получается банальная, - сказала она. - Молодой человек решил начать собственное дело, ради чего угнал караван дяди. Очевидно, кто-то ему помогал за существенную долю добычи, иначе откуда бы Оришу взять этот таинственный напиток? И как бы он сбыл всё это добро?

-- Боюсь, кости Ориша уже занесло песком, - пробормотал я. - А следов каравана не найти... Куда он ушел, Ургуш?

-- На полдень, шодан, - ответил тот. - Но я не знаю, что было дальше. Может, они повернули?

-- Всё возможно... - Фергия погасила огонек и почесала в затылке. - Н-да. В городе всегда можно найти свидетелей, даже в самый глухой час и на самой безлюдной окраине. Непременно кто-нибудь мается бессонницей, пробирается на свидание или на грабеж... А здесь расспросить-то некого!

-- Я слышал, ваша матушка даже пауков допрашивала, - напомнил я.

-- У нее к этому талант, - развела она руками. - У меня вряд ли получится. Вернее, попытаться можно, но ловить этих мохнатых тварей будете вы, я повадок здешних восьмилпых не знаю.

-- А птицы? Они ведь тут кормятся, могли что-то увидеть.

-- Да, а могли и не увидеть. Как прикажете искать ту единственную, которая что-то заприметила? Перебирать всех, что тут выются, - недели не хватит, про улетевших вовсе молчу...

Я сделал вывод: Фергия ленью своей способна превзойти мать. Впрочем, уверен, она сказала бы, что просто действует разумно.

Она снова посмотрела на Ургуша. В животе у того нещадно бурлило, и я опасался, что скоро он вновь покинет нас и вернется к своему убежищу.

-- Послушай-ка, а гонец Оталя-шодана тут появлялся? Он отправился на поиски, когда караван не вернулся в срок, и, по идее, должен был добраться сюда несколько дней назад. А может, и раньше: он ехал налегке.

-- Тут... тут проезжал кто-то, - сглотнул Ургуш. - Но я спрятался... Он не задержался надолго, только напоил своего махри, отдохнул и отправился прочь...

-- Махри -- это кто?

-- Так называется порода беговых верблюдов, - пояснил я. - Они заметно меньше вашего старика, но намного быстрее. Лошадь еще быстрее, но она не сможет неделю идти по пустыне почти без остановок, без пищи и воды.

-- Значит, махри -- идеальное верховое животное для таких вот гонцов, правильно? Неугомим, неприхотлив, достаточно быстр...

-- Именно.

-- Буду знать... Ургуш, так в какую сторону отправился этот человек?

-- На закат, шади, - отозвался тот и вдруг скривился. - Дозволь отойти, чтобы не осквернить твой взор?..

-- Да уж, будь любезен, - буркнула она, и Ургуш скрылся в кустах.

12.

-- Вам что-то не нравится, не так ли? - спросил я, понизив голос.

-- Да. Мне непонятно, куда запропастился гонец Оталя. Зачем ему ехать на закат? Не найдя следов, он должен был вернуться к хозяину, правильно?

-- Конечно. Правда, если он обнаружил какие-то приметы и смог понять, в какую сторону ушел караван, то мог двинуться следом за ним.

-- Вы сами-то в это верите? - вздохнула она. - Не мог он узнать, куда понесло Ориша, если только...

-- Что?

-- Если только Ургуш не указал ему нужное направление. Или если гонец тоже участвовал в деле, а потому заранее знал, куда нужно двигаться. Но во второе мне верится слабо.

-- И мне, - кивнул я. - Да и в первое тоже. Для начала, даже если бы он ухитрился нагнать караван где-то в Полуденной пустыне... при условии, что тот не свернул, конечно, что бы он стал делать? У Оталя служат опытные люди, и этот гонец не мог не понимать, что в одиночку не сладит с караванщиками, они ведь тоже не первый год в пути, им приходилось отбиваться от грабителей! А если их перебили, и караван захвачен, то у него тем более не было шансов. Не самоубийца же он!

-- Вот-вот... Скорее, он поспешил бы назад, чтобы поскорее доложить Оталю, верно?

-- Более того, Фергия, он наверняка выпустил бы птицу с запиской! - торжествуя произнес я.

- Она всяко быстрее всадника, и Оталя получил бы известие до возвращения гонца!

-- Но птица не прилетела?

-- Уверен, Оталь упомянул бы об этом, когда просил меня поискать следы. Он крайне внимателен к мелочам, и настолько важную деталь упустить никак не мог. Что вы улыбаетесь?

-- Да так...

Фергия покосилась на Ургуша: тот как раз вернулся к нам, постанывая и держась за живот. Вид у него был крайне жалкий, по смуглому лицу градом катился пот, и я подумал: если Ургуш не просто переел фруктов, а подхватил заразу, что вполне вероятно после нескольких нырков в отхожую яму, то жить ему осталось недолго. С другой стороны, он протянул больше трех недель, так что, может, всё обойдется. Такие хлипкие на первый взгляд люди частенько оказываются удивительно живучими.

-- Куда труп-то дел? - ласково спросила Фергия, и Ургуш споткнулся.

-- Ч-чей труп, шади?..

-- Гонца, чей же еще. И его верблюда, подозреваю.

-- Фергия, вы... - начал я, но она перебила:

-- Вы же чувствуете, Вейриш, не так ли? Даже запах отхожего места не маскирует трупную вонь. Здесь разлагается что-то достаточно крупное, потому я и спрашиваю о верблюде.

Человека спрятать проще.

-- Но...

-- Никаких "но". Он сам сказал, что видел следы крови на земле, но караванщики не оставили тел. Так откуда запах? Вывод только один, - развела она руками. - Вряд ли Ургуш скинул тело в колодец -- где потом воду-то брать? - а вот его безотказное убежище пришлось как нельзя кстати, только на животное его не хватило... Правильно я говорю?

Ургуш осел наземь. Теперь лицо его сделалось пергаментным, он открывал рот, как выброшенная наземь рыба, пытался что-то сказать, но не мог выговорить ни слова.

-- Зачем ты убил гонца? - ласково спросила Фергия. - Неужели из страха? Или ты видел и знаешь больше, чем рассказал нам?

Долгое время царила тишина, которую нарушало лишь хриплое дыхание Ургуша и шелест пальмовых крон.

-- Они все были мертвые... - выговорил он наконец. - Все до единого...

-- О чем ты? - не понял я.

-- Караванщики... Я сказал, что Ориш-шодан опоил их. Всё так и было. Только это был не дурман, а яд. Они... я видел, как они умирали... - он поперхнулся и снова принялся хватать ртом воздух.

-- А кровь на земле ты придумал? - спросила Фергия, присев на корточки напротив этого несчастного.

Угриш кивнул несколько раз, потом пояснил:

-- Я видел что-то, но не знаю, может, это было вино, а может, кого-то рвало кровью. Их всех рвало, пока они не умерли...

-- Ничего себе... - пробормотал я. - На этот раз ты точно не выдумываешь?

-- Нет, шодан, нет... - заскулил Угриш, вцепившись в клочкастую бородавку. - Я, наверно, поседел, когда понял, что их отравили, а я спасся чудом! Меня тоже тошнило, но...

-- Но тебя спасло то, что ты выпил всего один глоток.

-- Страшнее всего было утром, - прошептал он.

Глаза у него были совершенно безумные, и я подумал: уж не свихнулся ли бедняга от жары? Может, его оставили в оазисе, потому что он начал кидаться на людей? Жестоко, но... не посреди пустыни ведь бросили. А везти с собой полоумного -- значит подвергать опасности всех остальных...

-- Почему? - спросила Фергия. - Что случилось?

-- Они встали, - выговорил Ургуш. - Представь, шади: они лежали, скорчившись, совсем мертвые, не дышали, и мухи уже начали садиться им на глаза, но они не шевелились. И запах... А потом Ориш-шодан что-то сказал, и они встали и пошли, не отгоняя мух...

-- И звали тебя? - уточнила она.

-- Да. Ничего страшнее я в жизни не слышал! Я думал, с рассветом злые духи исчезают, но эти, овладевшие моими товарищами, не пропали... - он всхлипнул и продолжил: - Если бы они меня нашли, то сделали бы таким же... Лучше бы просто убили!..

-- Но Ориш не превратился в живого мертвеца?

-- Нет, шади, он был живой. И тоже боялся, я видел, но все равно приказывал мертвым. Животные от них шарахались, не сразу удалось собрать... - Ургуш обхватил себя руками, будто озяб. - Они ушли, а я остался...

-- Это всё очень интересно, - произнесла Фергия тем особенным тоном, который я не раз слышал в исполнении ее матушки, - но никак не объясняет того, что ты сделал с гонцом Оталя-шодана. Он-то был вполне живым, не так ли? Почему ты убил его?

Ургуш беспомощно развел руками.

-- Он нашел тебя? - не отставала Фергия.

Да уж, такая вцепится не хуже охотничьего мунгуза: зверек маленький, но очень ловкий и сильный, он способен загрызть большую песчаную кобру, а еще изловить и задушить птицу в разы больше себя. Говорят, хорошо выдрессированный мунгуз в состоянии совладать и с человеком -- шмыгнет под одежду, прокусит артерию, вот и всё.

-- Я сам к нему вышел и обо всем рассказал, - сознался Ургуш. По-моему, даже его хворь отступила пред лицом новых испытаний. - Я знал его в лицо, поэтому не испугался, а обрадовался. А он спрашивал и спрашивал, но не поверил мне. Он сказал, что отправит птицу Оталю-шодану, а потом мы отправимся назад. Он поедет на мархи, а я побегу следом со связанными руками. Умереть он мне не даст, я должен буду рассказать обо всем хозяину, но если я не смогу идти, то потащит за собой на аркане...

-- Какой добрый человек, - пробормотала она. - Но ведь не поэтому ты его прикончил? Неужели ты не хотел вернуться в Адмар?

-- Нет, нет, шади... - забормотал Ургуш.

-- Ты уже говорил -- тебя убьют, если узнают, что ты видел. Но твой рассказ звучит, словно бред! Может, ты на солнце перегрелся или выпил слишком много от щедрот Ориша, вот тебе и примерещилось невесть что? Или ты опять о чем-то не договариваешь? - сощурилась Фергия. - Ну же, выкладывай! Неужели ты боишься Оталя-шодана? Он сам замешан в этом деле?

-- Это уже чересчур! - не выдержал я.

-- Почему это? - удивилась она. - Такое частенько случается на море: торговец страхует груз, а потом -- вот беда! - корабль захватывают пираты. Команда отправляется за борт, корабль -- на дно, а товар... Когда как. Иногда совсем в другой порт, а иногда -- обратно на склад ушлого торговца, за вычетом доли наемников. Неужели вам не знакома такая схема?

-- Не слыхал, право.

-- Она очень распространена в моих краях, - сказала Фергия. - А поскольку очень многое северяне заимствовали у хитроумных южан, то, не сомневаюсь, здесь тоже проворачивают подобные сделки. К тому же, вы сказали, что груз был очень дорогой, и даже Оталь мог соблазниться пусть не двойной, но полуторной прибылью...

-- Не могу представить его в такой роли, - покачал я головой. - И он искренне переживал за племянника, уж поверьте, Фергия! К тому же, если бы он затеял такое дело, то не стал бы обращаться ко мне, как вы полагаете?

-- Я полагаю, что орех от пальмы недалеко падает, а потому племянник Оталя вполне мог сговориться с грабителями, - заявила она, - и прибрать лакомый кусочек к рукам. Не сомневаюсь, дяде это не понравилось, и он возжелал вернуть свою собственность. Еще бы он не переживал о паршивце Орише!.. Да, кстати, что скажете о страховке? Тут такое в ходу? Я вынужден был признаться, что не имею об этом ни малейшего представления.

-- Если она не предусмотрена, - задумчиво произнесла Фергия, - тогда сложно отыскать мотив у Оталя. А если наоборот, тогда всё становится намного интереснее. Пока мы не узнаем этого наверняка, гадать можно бесконечно. Тем более, этот несчастный что-то не горит желанием поведать нам, кто же должен его убить!

Ургуш только всхлипывал, раскачиваясь из стороны в сторону.

-- Скажешь -- я вылечу твою хворь раз и навсегда, - коварно предложила Фергия. - Но если солжешь, станет вдвое, нет, втрое хуже!

-- Гонец сказал, - выговорил наконец Уриш, - что я расскажу обо всем, что случилось, Оталю-шодану, а тот решит, что со мной делать. Наверно, прикажет убить, потому что я видел слишком много, а удержать язык за зубами не сумею. Я не знаю, шади, что тут случилось, почему, но...

-- Но распространять слухи ты в состоянии, а это может повредить деловой репутации Оталя, - завершила она. - Значит, он все-таки причастен к этому... Однако, судя по его тревоге, что-то пошло сильно не так! Ургуш, а послание гонец успел отправить?

-- Нет, шади, - вздохнул тот. - Он написал обо всем, что я успел ему поведать, но не захотел выпускать птицу в самый полуденный зной. К тому же ястреб кружил... Тогда он сказал, что отправит ее на закате, сам лег вздремнуть, а мне велел позаботиться о махри...

-- А ты, очевидно, позаботился обо всех них...

-- Что мне оставалось делать, шади?! - вскричал Ургуш, воздевая руки. - Я не хочу умирать! Даже такая жалкая жизнь мне дорога!

-- Значит, гонца ты прикончил во сне?

-- Конечно, шади, - вздохнул он. - Я не справился бы с ним, он был очень сильный, а я совсем ослаб... Но нож у меня имелся, так что я дождался, когда этот несчастный уснет, а потом...

-- Понятно, - кивнула она. - Труп спрятал известным способом. А с верблюдом как совладал?

-- Он был послушный, - с заметным сожалением ответил Ургуш. - Хороший молодой зверь. Я сперва хотел отпустить его в пустыню, но спохватился: он ведь или останется возле воды, или пойдет домой. А когда он вернется без седока, Оталя-шодан всё поймет...

-- Логика мне понятна, но как ты прикончил бедолагу? Вернее, как ухитрился перетащить тушу в отхожее место?

-- Я ничего не таскал, шади. Я же сказал -- махри был послушный, он пошел за мной, хотя ему не нравился запах. Там я и перерезал ему глотку, - вздохнул Ургуш и глаза его подернулись влажной пеленой. - Я умею делать это так, чтобы верблюд умер быстро и не мучился. Все караванщики умеют. Жаль было топить столько мяса в отхожем месте, но сырым бы я его все равно не съел. И не сумел бы сохранить. Только вот крови напился: она дает силу!

-- Да уж, это точно, - пробормотал я, помахав ладонью перед лицом. Понятно теперь, что с Ургушем такое: сперва жил на одних фруктах, потом выпил верблюжьей крови... думаю, сколько успел и сколько влезло. Такого и здоровый желудок не перенесет, а уж больной и подавно!

-- Ну вот, с этой частью истории разобрались, - удовлетворенно произнесла Фергия. - Но у нас остались корыстный интерес Оталя, предательство Ориша, а еще некая неведомая, но, без сомнения, зловредная магия, которую использовали для того, чтобы подчинить караванщиков.

-- А вы никаких следов не ощущаете? - спросил я, перейдя на всякий случай на арабский.

-- Спустя столько времени? Нет, конечно, - покачала она головой. - Вдобавок, воздействие шло на людей, не на место в целом. Видимо, это было какое-то снадобье, усиленное заклятием, иначе я не могу объяснить увиденное Ургушем.

-- Зачем вообще понадобилось поднимать трупы?

-- Они могли быть еще не вполне мертвыми, - задумчиво ответила Фергия. - Вернее... Тела остались живы, но мозги отказали. Всё, на что способны такие... м-м-м... существа -- это подчиняться хозяину. Через некоторое время умрут и тела, но сколько-то прослужат, да...

-- Но почему просто их не убить, если мешают?

-- А прятать как? Нет, можно, конечно, вывезти подальше в пустыню и бросить там, так точно не отыщут, но... Вы представляете, каково в одиночку грузить трупы на верблюдов? Я как-то сомневаюсь, что они окажутся в восторге... верблюды, я имею в виду, не трупы.

-- Да и не по силам это мальчишке пятнадцати лет от роду, - вынужденно согласился я.

-- Именно. Ну а если оставить их здесь, пускай даже закопать, на что тоже нужно немало времени и сил, или сбросить в яму, то тела можно будет обнаружить.

-- Следовательно, волшебным было только зелье и, наверно, некий амулет, позволяющий командовать этими... живыми мертвецами, - заключил я. - Наверняка мало-мальски сильный маг сумел бы избавиться от тел, не так ли?

-- Само собой, - кивнула Фергия. - Даже и слабый сумеет, что там сложного? Но здесь не было мага, а потому подельникам пришлось искать другое решение...

-- Даже странно, - сказал я. - Он ведь мог просто ждать здесь. Прикинулся бы путешественником, только и всего!

-- Значит, по какой-то причине не смог или не пожелал этого сделать. Может, он слишком стар для того, чтобы путешествовать по пустыне, может, его слишком хорошо знают в лицо. Вполне вероятно, кто-то мог заметить его отсутствие в другом месте либо же без него там не могут

обойтись... - Фергия перевела дыхание и продолжила: - Возможно, он также считает ниже своего достоинства тащиться куда-то по жаре и притворяться простым путником.

-- Да, насколько я помню, даже коллега вашей матушки не очень-то жаловал выездную работу, - усмехнулся я. - А уж здешние умудренные годами маги и вовсе шагу лишнего не ступят без свиты.

-- Вот-вот... Словом, можно придумать тысячу и одно объяснение, но нам хватит и уже озвученных, - сказала она. - А караванщики... Думаю, их оставили где-то там, подальше в пустыне, когда закончилось действие заклятия, но это, скорее всего, произошло уже после того, как встречающие приняли Ориша и груз в горячие объятия...

-- А, понимаю, к чему вы клоните, - сообразил я. - Мальчишка не мог совладать в одиночку с тремя десятками верблюдов, так? А даже если бы каким-то чудом сумел справиться, то любой встречный -- а возле оазиса запросто можно на кого-то наткнуться, - поразился бы такому зрелищу, пошли бы слухи... Да он вообще мог узнать Ориша!

-- Именно. Убирать вообще всех свидетелей -- это уже перебор. Их может и не быть, но лучше подстраховаться... - она задумчиво прикусила губу. - Пока всё это выглядит достаточно складно. Однако без показаний Оталя все наши измышления ни к чему не ведут. Мы примерно представляем мотивы преступников, но не имеем ни малейшего понятия, кто это может быть. Вряд ли Ориш -- молод еще для таких комбинаций...

-- Оталя не сознается, - покачал я головой. - В особенности, если узнает о вашем участии в деле. Я все-таки здешний, а вы...

-- Неужели он не наступит себе на горло даже ради того, чтобы найти племянника? Ну, если он жив еще, конечно.

-- Не могу сказать, Фергия, не настолько хорошо я его знаю, - вздохнул я.

-- Ну вот, у вас появился повод узнать Оталя получше, - улыбнулась она и покосилась на Ургуша. - А этого ценного свидетеля мы покамест спрячем.

-- Может, оставим здесь? - предложил я. Очень уж мне не хотелось тащить вонючего караванщика, тем более, от страха он непременно снова обгадится, не отмоешься...

-- Еще чего не хватало! - возмутилась Фергия. - А если с ним что-нибудь случится? Нет, Вейриш, он мне нужен, и точка!

-- Тогда вылечите его, как обещали, - мрачно ответил я, - и заставьте вымыться. Иначе я его в лапы не возьму. К слову, если он умрет с перепугу, виноваты будете вы.

-- Я его усыплю, - пообещала она и повернулась к Ургушу. Он слушал наш разговор на чужом языке (хотя, думаю, какие-то слова он понимал, караванщики обычно способны объясняться на дюжине наречий) и мрачнел на глазах. - Ты слышал? Иди и отмойся как следует. Одежду эту выброси.

-- Но...

-- Вейриш даст тебе свою рубашку... Хотя нет, судя по выражению его лица, не даст, он жадный, как и положено дракону, - вздохнула Фергия и принялась расстегивать жилетку на груди. - Значит, возьми мою. Тебе как раз по колено будет.

-- Прекратите, - прошипел я, отводя глаза, а Ургуш и вовсе спасся бегством в сторону колодца.

-- Ну не голым же его тащить и не пальмовым листом оборачивать, - ответила она.

-- Тогда уж вашим ковром, - не удержался я. - В нем как раз дырка для головы имеется.

-- А это идея, - невозмутимо сказала Фергия, застегнулась, отошла в сторону и подобрала ковер. Когда я принял человеческий облик, импровизированное седло, само собой, упало, да так и лежало на песке. - Так Ургуш не окоченеет, а вы не обдерете его когтями. Ну а я уж как-нибудь усую... Я ведь говорила, что эта штукавина пригодится, а вы фыркали!

Я многое мог бы сказать в ответ, но предпочел промолчать. Переговорить Фергию возможным не представлялось.

-- Пойдемте, поглядим на трупы, - деловито предложила она.

-- Надеюсь, вы не намерены заставить меня выуживать дохлого махри из нечистот?

-- Нет, я и сама могу это сделать. А вы, Вейриш, нужны мне как свидетель. Доказательство -- я имею в виду полуразложившееся тело гонца -- мы, так и быть, с собой не потащим, хотя следовало бы. Однако нужно взять какую-то приметную вещь. Кольцо или еще что-нибудь... пускай даже узнаваемый клочок одежды.

Она помолчала, потом сказала гнусаво (все-таки не удержалась и зажала нос, таким запахом шибало из отхожего места):

-- Нет, все-таки потащим.

-- Фергия, я даже этого... скорбящего желудком нести не желаю, а вы намерены навьючить на меня труп?! Нет, ладно просто труп, но разложившийся!..

-- Не знала, что у драконов настолько тонкая душевная организация, - мрачно сказала она и щелкнула пальцами.

Мне на ум пришел злой дух -- повелитель нечистот, способный заставить их разлиться озером по людским поселениям, источая миазмы и принося болезни и гибель. Сходство оказалось бы почти идеальным, будь Фергия чернокожа, безволоса и восьмирука.

-- Придется потрудиться... - пробормотала она, без особенного отвращения рассматривая труп.

Правильнее было бы назвать это останками: тело пострадало настолько сильно, что лицо не поддавалось опознанию. Однако одежда, пусть и грязная донельзя, и оружие никуда не делись:

Ургуш ничего не снял с трупа, и правильно сделал. Неопытные убийцы часто жадничают и попадают именно на попытке сбыть вещи жертвы. Вряд ли Ургуш поднаторел в этом деле, но, по меньшей мере, слышал достаточно таких историй и не утратил способность соображать.

-- Не понесу, - сдавленно проговорил я, отвернувшись от расплывающейся жижи, бывшей некогда гонцом.

-- Согласна, он неважно выглядит, - вздохнула Фергия. - Все-таки в холодном климате есть свои преимущества, вы не находите?

-- Еще как нахожу... - я даже порадовался, что давно переварил ужин, потому что от трупной вони желудок подкатывал к горлу. - Вы не можете как-нибудь... привести его в более пристойный вид?

-- Взяли б мы с собой бочонок, можно было бы его туда слить, - охотно ответила она. - Но кто же знал, что потребуется какой-нибудь объемный сосуд?

-- Возьмите и наколдуйте!

-- Думаете, это так просто? Если да, что же сами не сотворите его из этого вот пустого ореха? - Фергия пнула его. - Драконы обладают огромной магической силой, не так ли? Отчего же вы обращаетесь с такой пустяковой просьбой к обычной человеческой волшебнице?

-- Наверно, по той же причине, по которой вы не можете долететь до этого оазиса в считанные часы, - ответил я сквозь зубы.

-- Иначе говоря, вы попросту не умеете, - вздохнула она. - Печально. А я вот, Вейриш, могу превратить ореховую скорлупу, скажем, в стакан, не более того.

-- Сил не хватает? - не удержался я.

-- Конечно. Нужно ведь преодолеть сопротивление... - Фергия развела руками, - всего! Откуда-то взять недостающую массу, а потом удерживать объект в стабильном состоянии. Вот уменьшить что-нибудь намного проще - Высвободившаяся энергия идет на поддержание новой формы. Именно поэтому превратить принца в жабу несложно, а вот расколдовать -- куда как труднее. Догадываетесь, к чему я клоню?

-- Вы уменьшите труп?

-- Именно, о догадливейший из драконов! - засмеялась она. - А потом я засуну его в этот самый пальмовый орех и, так и быть, добавлю пару заклятий, чтобы вы не обоняли мерзкого запаха. Впрочем, наверху вы его и не учуете, ветром сдует.

-- Следите, главное, чтобы не протекло мне на спину, - только и сказал я.

Затем я имел сомнительное удовольствие наблюдать, как Фергия колдует, как съезживается на земле труп гонца, сделавшись не больше детской куклы. Потом Фергия, не боясь запачкаться, осторожно поместила тело в пустую ореховую скорлупу и действительно зачаровала -- больше ничем не пахло.

-- Я сама его понесу, - сказала она, будто я предлагал иное. - А теперь посмотрим, как там Ургуш...

Тот успел отмыться, к счастью, а излечение его заняло несколько минут и было не особенно зрелищным. Хотя...

Фергия обошла вокруг голого и стыдливо прикрывшегося ладонями караванщика, поводила руками вокруг его головы, хмыкнула себе под нос, а потом сорвала подходящий лист и свернула конусом. На наших глазах этот импровизированный стакан наполнился сверкающей голубоватой влагой, над поверхностью которой курился едва заметный дымок.

Ургуш затрепетал, явно понимая, что ему придется выпить неведомое зелье.

-- Не бойся, - сказала ему Фергия. - Мне тебя травить не с руки, ты единственный свидетель.

-- Он еще и убийца, не забыли? - прошептал я на арастенском. - И если вы заявите, что он действовал в порыве чувств, не осознавая себя, то позвольте мне не согласиться.

-- Сама вижу, что он достаточно хитер и расчетлив, - ответила она, - но это уже второй вопрос. За убийство он должен ответить по закону, но перед тем неплохо бы разобраться с этим странным похитителем караванов...

Ургуш опасливо прислушивался к нашей беседе. Фергия перехватила его взгляд, ухмыльнулась и вдруг... запела. Хотя нет, нет, я не мог назвать этот ужасающий вой пением, это было бы кощунством по отношению ко всем тем, кто услаждает чужой слух чарующими звуками! Замолкли птицы, даже ветер, казалось, стих, внимая заунывной, режущей уши мелодии. Наконец, Фергия оборвала ее на высокой ноте, смачно плюнула в "стакан", сунула его Ургушу и приказала:

-- Пей!

От испуга он не посмел противиться, выпил залпом и натужно закашлялся. Я не хотел представлять, какова была эта жидкость на вкус, но Ургушу невольно посочувствовал.

-- Ну как? - с живым интересом спросила Фергия, когда он прекратил перхоть и отдышался. - Днище больше не вышибает?

Он прислушался к ощущениям и с удивлением помотал головой.

-- Сейчас проверим, - сказала она и кивнула мне. - Превращайтесь, Вейриш! Только на этот раз не забудьте, что я могу подавать условные знаки не только руками, хорошо?

-- Постараюсь, - ответил я, отходя на безопасное расстояние, чтобы не зацепить этих двоих и не повалить пальмы. - А когда вы намерены заворачивать этого несчастного в ковер?

-- Когда буду уверена, что мое колдовство помогло, - ответила она. - Мало ли, вдруг испуг окажется слишком сильным?

Фергия оказалась права: увидев меня вблизи, Ургуш свалился без чувств. С другой стороны, ее зелье оказалось достаточно сильным, чтобы караванщик не представлял угрозы ни для ковра, в который Фергия закатала его с явной сноровкой (я задумался, где она научилась похищать людей), ни для меня.

-- А теперь полетели, - сказала она, привязав Ургуша к моей лапе собственным поясом, благо он был достаточно длинным: Фергия одевалась по последней адмарской мужской моде, а щеголи обматывали хитро скрученный пояс вокруг талии не менее трех раз и еще оставляли волочащиеся по земле концы. Не сказал бы, что это украшало ее фигуру, зато оказалось отличным подспорьем. - Мне не терпится разобраться с этим делом! А если Оталь станет возражать...

Я громко фыркнул, намекая: торговец вовсе не просил ее заниматься ее делом, а она непрестанно твердит о том, что в ином случае не станет вмешиваться.

-- Вы скажете, что наняли меня, - завершила Фергия фразу и полезла ко мне на спину, прихватив подушку. - И заметьте, при этом даже почти и не солжете. Я, так и быть, не стану распространяться о том, что вы мне не платите, и я работаю себе в убыток.

В этот момент я пожалел о том, что драконы не могут разговаривать по-человечески. Всё, что мне оставалось, так это взречь, окончательно распугав птиц, да взмыть в небо, оставив позади клубы песка...